

ТОНИ НОГУ ЭРРА

УЙТИ,
КАК ПРИЙТИ
—
К 95-ЛЕТИЮ
МАСТЕРА

УДК 821.131.1
ББК 84(4)Ита
Г93

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России» (2012–2018)

Издательство благодарит Юрия Роста
за предоставленные фотографии

Дизайн — «ABCdesign», Максим Родин

Ответственный редактор — А.Г. Николаевская
Консультант — Н.А. Познанская

Г93 Тонино Гуэрра

Уйти, как прийти / Тонино Гуэрра; [составление, перевод, предисловие,
комментарии Лоры Гуэрры]. — М.: Бослен, 2015. — 304 с.: ил.

ISBN 978-5-91187-237-3

Книга, приуроченная к 95-летию великого итальянского сценариста, поэта
и художника Тонино Гуэрры, представляет все грани таланта Мастера.
Впервые на русском языке публикуются записи из дневника Тонино и письма
друзей: Андрея Тарковского и Федерико Феллини.

УДК 821.131.1
ББК 84(4)Ита

Запрещается полное или частичное использование и воспроизведение текста
и иллюстраций в любых формах без письменного разрешения праволадельца

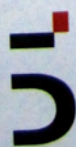
- © Тонино Гуэрра (наследники), 2015
- © Паола Волкова (наследники), предисловие, 2015
- © Лора Гуэрра, составление, предисловие, перевод, комментарии,
архивные материалы и фотографии, 2015
- © Юрий Рост, фотографии, 2015
- © ООО «Бослен», издание на русском языке, 2015
- © ABCdesign, оформление, 2015

ISBN 978-5-91187-237-3

К 95-ЛЕТИЮ МАСТЕРА

ТОНИНО
ГУЭРРА
—
УЙТИ,
КАК ПРИЙТИ

ПЕРЕВОД ЛОРЫ ГУЭРРЫ

«КРАСОТА — ЭТО УЖЕ МОЛИТВА»

Лора Гуэрра

Светлая комната, светлые дружеские лица — мы составляем книгу вместе с редакцией издательства «Бослен» — один из многих счастливых моментов нашей жизни с Тонино. Ему исполнится 95 лет — и будет новая книга. Это продолжение жизни. Это тот мост через бездну, о котором писала Паола Волкова. Елена Дмитриевна, Юлия и, конечно, Алла Георгиевна и многие-многие, которые будут готовить книгу, оформлять ее, стараться, чтобы фотографии Юрия Роста получились. Всем кланяюсь и благодарю от себя, от Тонино, от Италии.

Мастер живет, и очень надеюсь, «составит компанию» кому-то из читающих. Я не устану повторять и повторять — Тонино жив, как живы в этом мире сказка, мечта и любовь. Он продолжает меня радовать: рано расцветающим миндалем, рассыпанным ковром фиалок по тропинке, когда я поднимаюсь к скале Поэта, нечаянно задевает и одаривает прочитанной фразой, ведет за руку вовремя увидеть закат, улыбнуться другу и одарить нежностью входящих в дом.

Хочу напомнить читателям, как говорил Тонино в последние дни: «Я буду полезен потом, когда человечеству станут нужны сказки, а детство вновь обретет фантазию, отнятую Интернетом».

И еще было напутствие нам всем и тем мэрам городков вдоль реки Мареккьи, их было двенадцать, стоящим полукругом у его постели, — защищать красоту. «Должны держаться вместе, поскольку вместе легче защищать красоту». И школьникам, и друзьям, которые навещали его в эти дни — последним пришел Эрмано Олми, великий режиссер Италии, — и всем тем, кто мог еще его услышать, потому что для Тонино «красота — это уже молитва». Каждый перевод — это измена, даже если переводчик — гений, как Борис Пастернак. Или как блестяще перевела «Сонату о Санкт-Петербурге» Белла Ахмадулина... Я старалась быть предельно близкой к итальянскому тексту, но, конечно, особенно в стихах, уходит и ритм, и музыка, и природные интонации, свойственные другому языку. Но надеюсь, что мне удалось все-таки донести до русского читателя поэзию последнего гуманиста нашего времени, моего мужа Тонино Гуэрры.

Москва 17.02.2015

Паола Волкова

«Бабочка — красота как таковая»
Вл. Набоков

«Весь мир — театр»
В. Шекспир

Бабочка (красота как таковая) — знак, автограф, иероглиф поэта и философа Тонино Гуэрры. Ее появление, жизнь, исчезновение — великая тайна природы. В ней суть, соединение абсолютной красоты с неуловимостью мгновения жизни, и смерти, и возрождения — метаморфозы того сокровенного, что мы называем высшим знаком жизни, только предельно наглядно сжатого во времени. Как снежинки или капли дождя, или пятна, проступающие на стенах старых домов, церквей. Как неуловимая граница уходящего дня и ночи или чувств, не выражимых словами. Всего того, без чего не было бы ни Тонино, ни его творчества.

Он часто любил повторять: «Вы (русские) очень богаты. У вас нефть, алмазы, золото... А у нас (итальянцев) — красота.

Она у нас есть, и мы ее производим».

Красота Италии (так было устроено) действительно особая. Идиллическая красота всего пространства. Продленная красота от незабвенности и по сию пору. «Аркадская красота». Рельеф ландшафта предусмотрел все, и в том числе сценические пространства для любого театрального действия, для любого жанра — от комедии до трагедии. Особенно же для народно-итальянского карнавала, похожего, если вдуматься, на бабочку. Таинственно-прекрасного, непознаваемого, природного и мгновенно сгорающего.

Тонино, как подлинный, глубоко национальный сын Арнадийско-латинской Италии, соединил в себе, в своем великом даре театральность с неповторимым артистизмом личности и карнавальностью творчества. В его жизни и творчестве, если вдуматься, не было ничего случайного, не продуманного. Всё казалось импровизацией, сиюминутностью, карнавалом. Полнота всего, целостность были в каждом дне жизни, мгновении, т.е. феномене Бабочки.

Даже в последние дни жизни, которые он определил как «нежный переход из одной комнаты в другую». Огрубим сказанное — с одной сценической площадки на другую.

Тонино умел все: писать сценарии, стихи, поэмы, играть в футбол, делать мебель, керамику, писать картины маслом, на тканях, любить животных, любить друзей и женщин, дышать воздухом, превращать фонарь в скульптуру, слушать ветер и дождь, ссориться с соседом Сигизмондо Малатеста (умершим за 500 лет до его рождения), смеяться... Он умел все без преувеличения. Включался полностью в любое действие. Хочу вспомнить лишь два эпизода как очевидец. Дом Тонино и Лоры (его жены) непременно требует особого рассказа. Не в этой статье, но непременно. Жизнь дома была буквально «театром Пиранделло» — так я его называла. Комната, в которой мы работали, имела три двери. Каждые пять-десять минут хлопала одна из дверей и появлялся очередной персонаж. Близкие друзья и прислуга почему-то мгновенно становились персонажами хорошо знакомыми и сразу узнаваемыми. Служанка Николетта с руками, упертыми в бока, всегда кричала, да так, что казалось — речь идет о пожаре или несчастном случае. Речь всегда шла о том, что будем есть на ужин или завтра к обеду. Потом приходили друзья, помощники, кто-то случайно приезжал. Появляясь в одной из дверей, все, в том числе и я, сразу «играли спектакль» с хорошо известной драматургией и отработанными репликами. Такая вот странная особенность жизни — как театра. Объяснить это сложно. Но если вы вспомните «Амаркорд», или «Корабль плывет», или «Брак по-итальянски», все становится на место. Традиции уклада и психологии повседневной жизни непрерывны и длительны в Италии. Они прочнее превратностей истории, смены цезарей.

Мне рассказывал Тонино, что его отец каждое воскресенье, взяв свой стул, выходил на центральную площадь Сантарканджело вместе со всеми мужчинами города. Они ели соленые орешки и весь вечер пели оперы Верди. До Верди другое поколение пело что-то еще. А Тонино первый пел джаз.

Однажды к Гуэрре приехал далай-лама, с которым его связывала дружба и долгая история отношений. С ним прибыли буддийские монахи. Они в «Фонде Тонино Гуэрры» творили чудо из цветных песков, цветной пыли — большую «Мандалу». Оторваться от этого зрелища было невозможно. Но вот творение готово. Оно совершенно, ибо сотворено по всем правилам

сакрально-молитвенного канона изображения. Наступило роковое мгновение, Тонино вместе с ламой и монахами отправился в горы, чтобы там развеять это чудо. Над этим высоким художественно-театральным действием, участником и режиссером которого был Гуэрра, трепетала бабочка. То было ее высшее отражение. Сколько серьезности, патетики и искр юмора было вечером в его рассказе! А потом он сказал: «Уже темно, пойдем в сад, будем дышать там воздухом. Ты что молчишь? Ты дышишь или так, думаешь о глупостях?» Может быть, я и думала о глупостях, но сказала: «Дышу». Мудрецы, видимо всегда, наделены душами детей. Тонино был таинственен и мудр, но никогда не уставал от игры. Она была одной из его натур.

И если говорить о тотальной, абсолютной театральности этого замечательного человека, то позволю себе сказать о некоем свойстве, мало кому присущем. Я условно называю это внутренним «магическим кристаллом», который разворачивается всякий раз неожиданными гранями, переселяя нас волшебным образом из одного пространства его образов в другое. Создавая отражения миров, на первый взгляд несоединимых, но соединенных в нем.

Как, например, свойство преображения мира вокруг себя. Подумайте, чем стал городок (или деревня XIV века) Пеннабилли, куда он переехал с Лорой в 1990 году из Рима. Великий итальянский кинематограф, одним из лидеров которого был Гуэрра, медленно клонился к закату.

И Тонино, после всех триумфов, имел мужество начать жизнь сначала. Он уехал туда, где были его истоки. Утративший историческую память маленький городок с приездом Тонино вновь начал обретать ее. Да, Пеннабилли вспомнил себя и свою историю. На домах неожиданно появились большие памятные доски: «В этой гостинице (?) в 1938 году провел одну ночь итальянский поэт Эзра Паунд». А в другом доме жил никому не известный человек (или много неизвестных людей) и давал деньги на благотворительность и т.д. В городе Тонино установил много солнечных часов на фоне копий великих картин итальянских художников. А солнечные часы определяют время оптимистично. Не как линейное — было и ушло безвозвратно. Но как вечно возрождающееся.

Городскую свалку уничтожил и вместо нее воздвиг «Сад забытых фруктов». Гуэрра возродил выращивание забытых (с римских времен) фруктов, в том числе особых сортов винограда. Сегодня проходят ежегодные фестивали «забытых фруктов».

Я уже не говорю о его собственном саде «цветущего миндаля и инжира»! В «Саду забытых фруктов» он отреставрировал античные римские прачечные, где стирали когда-то белье, и там, на памятных досках, — строчки его стихов «времен года». В «Саду» фонтаны и два памятника гениям культуры XX века Андрею Тарковскому и Федерико Феллини. «Сад» живет, как и город, ежегодными ярмарками, выставками работ молодых местных художников в специально возведенном доме. Фонтаны Тонино, рожденные его фантазией, украшают города Риччоне («Лес воды»), Червия («Ковер-самолет»), Сант-Агата («Ползущая улитка») и его родину — Сантарканджело. Фонтаны полны фантазии. Они всегда — рассказ в архитектуре и скульптуре, они всегда — образы, драматургически осмысляющие пространство.

Представьте скульптурное дерево из металла. Натуральное, развесистое, ветвистое. Только веточки наполовину обрублены, и из всех ветвей и веточек вверх дерево-фонтан весело выбрасывает воду. Вода почему-то всегда играет искрами и делает маленькие радуги. Какая радость городу и миру!

Гуэрра — поэт и драматург в преобразовании мира людей. Он возродитель памяти художественных навыков жизни, которые забываются быстрее, чем хотелось бы. А история реки Мареккьи, или Рубикона?

Грань кристалла поворачивается, и мы в ином пространстве — пространстве поэзии Тонино. В широком смысле весь театр Тонино — поэтический. Из всех его поэм я более всего люблю «Профиль князя», где древняя легенда совмещает сон и явь, пространство старого гобелена и дворца, где торжествует жертвенная любовь. Был бы жив Федерико, возможно, он взялся бы за экранизацию этой поэмы. Но к нашей теме ближе всего версия «Одиссеи» Тонино Гуэрры. «Одиссея» Гомера — грандиозные исторические подмостки, где разворачиваются сюжеты всех трагедий, сказок и лирических любовных драм мировой истории. «Одиссея» — общеевропейская тема пути, инициации, самопознания и возвращения к самому себе. Тонино создал авторизованный перевод этой поэмы на его родной язык — романьолу. Но в русский текст входит, вплетается бесконечность близких его сознанию ассоциаций с собственной жизнью, путем испытаний, искушений, потрясений. Непрерывная вязь сплетений — все в его сознании. Сознании драматурга, поэта, философа, преобразователя, где нет и не может быть линейного времени и линей-

ного пространства. А иначе как мог бы Тонино написать повесть «Лист и молния», или создать «Сад забытых фруктов», или картины, шкафы? Это все живой магический кристалл, играющий разными гранями отражения. И нет нужды в расчленении игры. Все сущностно и карнавально одновременно. Потому, быть может, ближе всего ему Федерико. Позволю себе сказать, что нет в его игре великого или малого. Во всё вложена полная мера души. Тому свидетели стихи, фильмы и предметы его дома. Картины Феллини, Антониони, Рустама Хамдамова, Параджанова, чайники немислимых размеров, суздальские львы, игрушки, его рисунки ведут между собой нескончаемый диалог карнавального множества в гармонии с людьми, зверьем, гостями, тишиной, скрипом дверей и многоязычной речью.

Но за карнавалом, сценичностью, ритмом — Тонино. В маске он или без маски — мы не знаем. Ясно одно: он всегда честен, искренен и глубок. Тот кристалл, что дан был ему, всегда требует от владельца и чести, и честности.

Специально не хочу говорить о его сценариях. И вот почему. Фильмы — всегда соавторство. Да, Тонино Гуэрра был назван «Лучшим сценаристом мира». Он, работая в кино, имел все награды — трех «Оскаров», «Золотого льва», «Золотую пальмовую ветвь» (семь раз!), «Премии Донателло». Всего не перечить. Он имел и много литературных премий с 1972 по 1997 год.

Строгий и резкий, неліцеприятный режиссер и филолог Паоло Пазолини в своей антологии поэтической классики Италии называет имя Гуэрры среди ста лучших поэтов Италии всех времен.

Но мне хочется еще раз сказать о том, что Тонино Гуэрра сам по себе — явление итальянской культуры. Личность, одаренная особым магическим кристаллом многогранного дарования. Он отделен. Уникален и до конца не известен. Например, мы совершенно не знаем его драматургии. Тонино-драматург является таким же создателем собственного театра, как, например, Бертольд Брехт. Театр Брехта — социальный, экспрессивный, вернее, агрессивный, но он живет по законам драматургии, созданной Бертольдом Брехтом.

Театр Тонино — прямо противоположный. Это театр Сознания. Он в своей сложной драматургии показывает, сколь не равен человек самому себе. Сколь он мало осведомлен даже о самом себе. Тонино настаивает на необходимости сегодня подойти

к черте самопознания, а не жить в иллюзиях и сказках о самом себе. Героиня «Дерева Павлинов» путает мир своего воображения и реальности. Она не знает, было ли в ее прошлом то, что она как бы вспоминает. Или это лишь ее грезы, выдаваемые за реальность. Галлюцинаторность сознания — вот бич нашей жизни. Поставить зеркало перед самим собой, понять, кто ты и тем ли ты занимаешься в жизни?

Пьеса «Зеркало Чехова» именно о таком герое. Он актер, приходит к частному сыщику и просит, чтобы за ним следили и записывали. Зачем? Чтобы понять — кто он. Разумеется, никакая запись не дала ему ответа. Тогда он едет в деревню, где хранится зеркало Антона Павловича Чехова, которое он купил, будучи на гастролях в Гурзуфе. Его работа перед зеркалом в потребности самопознания — драматургия удивительного приключения «одиссеи» — пути к себе. Тонино понимал, что театр Чехова стоял на самом пороге театра самопознания и убийственной самослепоты.

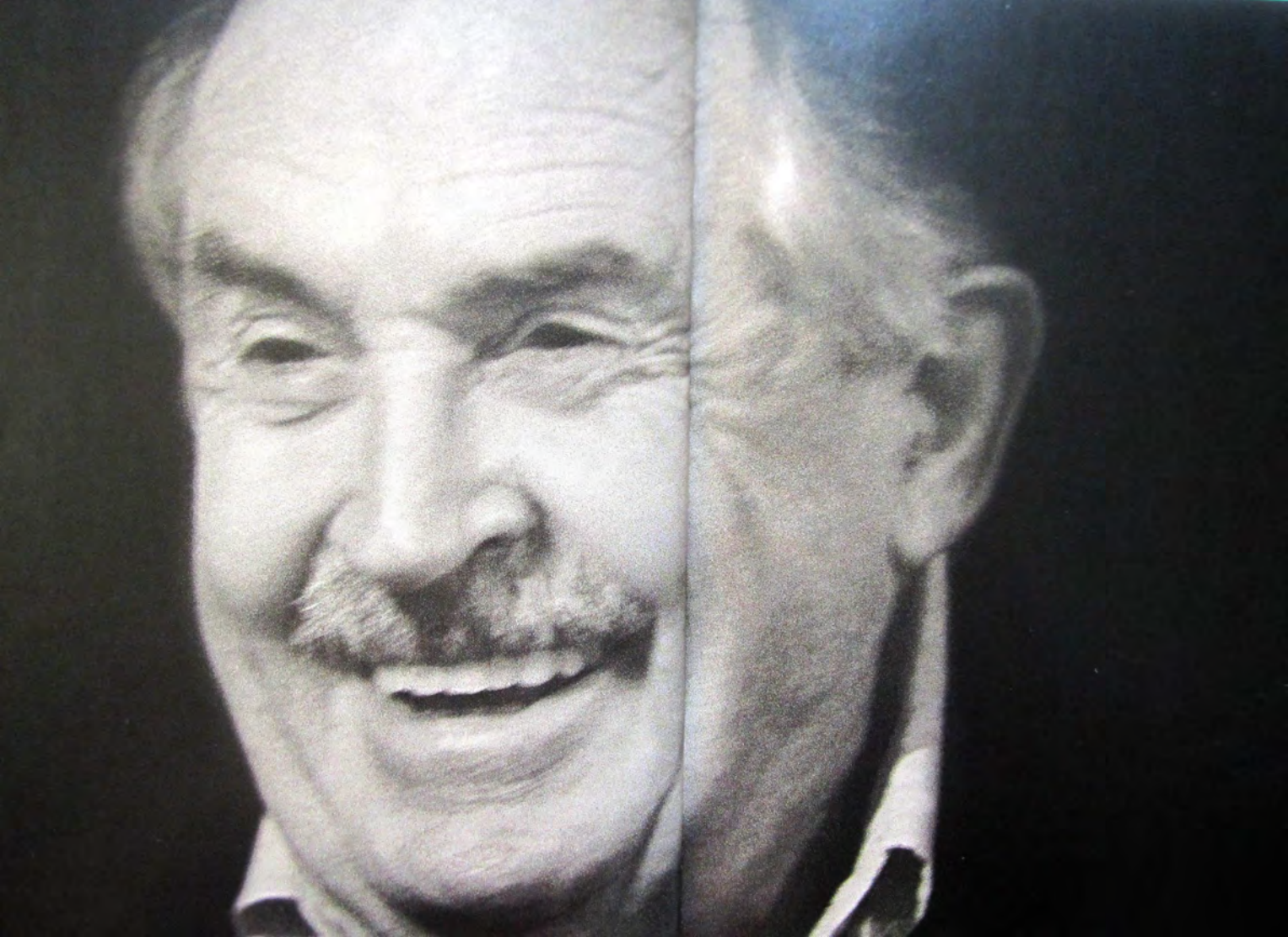
Мы знаем великого Тонино, наделенного мощной духовной силой, таинственной способностью переселяться самому и переводить нас с одной зрительной площадки на другую. Мы знаем его могучую витальную силу преобразования мира вокруг, в создании новой реальности. Мы знаем печальных и задумчивых пьеро, арлекинов, коломбин его живописи с серпиками луны над головами. Мы знаем мощь его каминов, мозаик, фонтанов, его поэм и фильмов. Его необъятного переизбыточного творчества. Скольких людей он любил, скольких презнакомил в театре своей жизни.

Но тихо! Мы не знаем о нем главного. Гении таинственны и анонимны. Их дорога всегда впереди. Они идут по ней предначертанным путем, торжественно и тихо, с бабочкой на плече.

ПОЮЩИЙ САД

рассказы
и последний
киносценарий

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Когда в 1880 году от разочарования в любви умерла Пенелопа Орсини, все в городке, расположенном на верхних склонах Апеннин, закрыли лавки и отправились на похороны. Много лет девушки и юноши приносили на могилу цветы. До тех пор, пока и они все не умерли, кто от старости, кто нет, и их тоже не похоронили на маленьком кладбище. Никто больше не вспоминал, кто была эта девушка, умершая от любви в пятнадцать лет. Однажды, во время последней войны, раненый солдат укрылся на этом кладбище среди крестов и, теряя силы, решил умереть на могиле Пенелопы, где еще можно было прочесть выцветшие буквы: *Здесь покоится девушка, которая никогда не выйдет замуж.*

ЧЕРНОЕ ДЕРЕВО

В Узбекистане нередко попадаются такие утесы — бурые и белые. Здесь, под Самаркандом, они высятся над долиной с фруктовыми садами. Люди приходили сюда и в надежде на чудо привязывали лоскутки материи к ветвям священных деревьев или кустов тамариска, растущих на берегу озера, на самой границе с пустыней. Женщины возносили молебны, ниспослать им сына и целыми днями бродили по кишасей скорпионами земле, укрываясь иногда в тени одиноко торчащих камней или покрытых пылью кустарников. Подчас и мужчины добивались до священных деревьев, чтобы замолвить словечко за попавшего в беду родственника или испросить еще невесть какую милость. Ведь для этого достаточно было привязать к одной из бесчисленных веток лоскуток твоей одежды и полежать немного под деревом. Бывали дни, особенно в годы войн и поветрий, когда деревья эти так густо покрывались обрывками материи, что казалось, будто они зацвели.

Самой большой любовью был окружен большой карагач. Он остался совсем без листьев: их оборвали руки жаждущих милосердия, чтобы на их месте привязать свой лоскуток. Дерево возвышалось в ущелье, всего в нескольких метрах от двух утесов, отделяющих пустыню от абрикосовых садов. Один утес бурого, другой белого цвета. В сумерках их обдувал ветер, проникавший через ущелье в теплую влагу садов с напоенными солнцем плодами.

Паломники, прибывавшие сюда, чтобы испросить милости, писали свое желание на кусочке ткани, который привязывали к ветке исполинского карагача. Так что когда ночью ветер колых-

*
Мой дом стоит так высоко,
что до него доносится
кашель Бога.

Тониньо называл свои крылатые фразы
«Максимами» (см. *здесь и далее*).

хал лоскутки, написанные на них слова чудесным образом превращались в звуки, слышимые за много километров. И если написавший различал их, это означало, что его просьба будет исполнена. Атам-ака, добравшийся до священного дерева вместе с другими странниками, тоже написал на тряпочке просьбу о ниспослании ему чуда. Это были какие-то неразборчивые каракули, потому что старик был неграмотен. Женщины и девушки увидели, что Атам-ака написал что-то непонятное, и, посоветовавшись, предложили ему помочь. Но он отказался и сел на коврик, который расстелил неподалеку. Какая-то старуха спросила, что он написал. Он не промолвил ни слова и все не сводил глаз с дерева. Потом собрал свой немудреный скарб, сложил его в мешок и тронулся в путь, кутаясь в беловатый чапан¹, подвязанный на поясе урама-бильба-ком². Две ночи подряд легкий ветерок доносил в долину едва различимые звуки. Это были слова, написанные на разных тряпицах. Невообразимая путаница разрозненных просьб. Но на третью ночь подул сильный ветер, резко встряхнувший ветви карагача и всколыхнувший лоскутки, которые защелкали, как бич, вытягиваясь в сторону фруктовых садов. Слова орехами сыпались в воздухе. Они отчетливо раздалась в долине, и люди высунулись в окна, чтобы услышать озвученные ветром просьбы соседей, а прежде всего свои собственные. В ту ночь погонщики верблюдов и чабаны слышали, как высоко в небе, над их головами, летали чудеса, о которых просили они. Каждое слово произносилось голосом того, кто его написал. Послышался и голос Атам-аки, усиленный ветром. Старик жаловался на то, что устал жить, и молил о смерти. Именно это он и хотел сказать своими каракулями. Тогда многие вышли из глиняных мазанок, из дворов, где они спали на своих сопах³, и отправились на поиски старика. Когда его нашли, он был мертв. И улыбался.

«СОЛНЕЧНАЯ ПЫЛЬ»

В долине кратеров один или два раза каждые сто лет дует ветер, который называют «Польвероне» («Солнечная пыль»). Он поднимается из недр земли по высохшим воронкам кратеров и три дня лижет шершавыми кошачьими языками дома и лица мест-

1 Мужская одежда наподобие фартука, обычно светлая.
2 Платок, которым подвязывается у пояса чапан.
3 Деревянная лежанка.

*
Тишина становится
пищей старости.
*
Никому не хочется
спешить к правде.

ных жителей. И тогда случается, что все теряют память: дети не узнают отцов, жены — мужей, девушки — женихов, родители — детей, и все превращается в хаос новых чувств и ощущений. Потом ветер утихает, кратеры втягивают его в себя, и медленно все возвращается на круги своя. И никто не помнит, что случилось в эти три дня «Польвероне».

ПЯТОЕ ОКНО НА ВЕРХНЕМ ЭТАЖЕ

Внезапно, словно повинуюсь неведомому зову, он обернулся и посмотрел на одно из множества окон большого дома, мимо которого проходил. Это было пятое окно на верхнем этаже, открытое и пустое.

Деревянная лежанка.

Какая-то таинственная сила заставила его остановиться и внимательно поглядеть в ту сторону. Ему никогда не приходилось бывать в этом доме, взбираться по этим лестницам, заглядывать во внутренние дворики.

*

Дню нынешнему
завтра не дано.

На следующий день он прочитал в газете, что из этого окна выбросилась женщина. И оказалось, это его первая любовь; он был влюблен в нее, еще когда жил в районе Монтесакро.

ВИШНЯ В ЦВЕТУ

Один крестьянин после смерти жены всей душой привязался к вишневому дереву. Каждое утро он приходил навестить его, погладить по стволу. Как-то вишня заболела, и случилось это как раз в тот месяц, когда крестьянин слег в постель от простуды. Но он поправился и стал, как прежде, разговаривать с деревом, ухаживать за ним. И вишня за короткое время вся зазеленела. Однажды крестьянин покупал на рынке серп и вдруг почувствовал, что неодолимая сила тянет его домой. Казалось, вишня зовет его к себе. Вернувшись, он нашел дерево в цвету. Оно словно ему улыбалось.

Крестьянин сел под дерево, прислонившись спиной к стволу. И вдруг на него посыпались все лепестки цветущей вишни.

РУССКАЯ БАЛЕРИНА

Одна русская балерина, которой перевалило за семьдесят, преподавала танцы в школе. Как-то раз за ней увязался незнакомый молодой человек, пораженный ее стройной фигурой.

Она бросилась бегом домой, чтобы он ее не догнал. Едва дыша, заперла за собой дверь. Младшая дочь спросила, что случилось.

— Невероятно! — ответила старая балерина. — Какой-то юноша стал меня преследовать, но мне не хотелось, чтобы он увидел мое лицо и обманулся в своих ожиданиях. Выгляни в окно — может, он еще там, на тротуаре!

Дочь подошла к окну и увидела на улице старика, который стоял, задрав голову кверху.

БУДИЛЬНИК

На пыльном ковре бедного арабского торговца стоит единственная вещь: будильник. Больше ему продавать нечего. Несколько дней подряд на будильник засматривается старая бедуинка из тех, что вечно кочуют, словно их ветер гонит.

— Ну что, берешь? — спрашивает торговец.

— А сколько просишь?

— Немного. Только не знаю, продам ли. Без будильника чем буду торговать?

— Зачем же тогда ты его выставил?

— А так, все-таки дело делаю... Не зря небо копчу... Тебе-то он зачем? Не видишь — стрелок нет?

— Он тикает?

Араб крутит завод — раздается звонкое металлическое тиканье. Бедуинка закрывает глаза и представляет: вот она лежит ночью, в темноте, и слушает будильник... И кажется ей, что рядом стучит человеческое сердце.

ПЛЕННИК

Один юноша, бывший узник немецкого концлагеря, через два года после окончания войны решил съездить в Бонн, чтобы своими глазами увидеть унижение своих мучителей. Рано утром он с удовлетворением глядел из окна гостиницы на руины, в которых еще лежал этот город.

Но вдруг вдалеке появился духовой оркестр, очень четко исполнявший военный марш. Откуда взялся этот оркестр и куда он следовал? В поведении оркестрантов было что-то вызывающее, что-то от извечного упрямства германской военщины.

И юноша не смог удержаться от рыданий.

ОЖИДАНИЕ

Он был так влюблен, что не выходил из дома и сидел у самой двери, чтобы сразу же обнять ее, как только она позвонит в дверь и скажет, что тоже любит его.

*
Наша жизнь —
это подвешенный шаг
в пустоте.

*
Говорим по-иному,
когда идет дождь
или солнце
обжигает язык.

Но она не позвонила, а он сделался старым. Однажды кто-то тихо постучался в дверь, и он испугался и убежал, чтобы спрятаться за шкаф.

СКОРПИОН

Все дни композитор проводил в своей студии, где пыльный пол был завален ненужной бумагой и нотными тетрадями вперемешку с рыбьими костями и перьями из подушек. Как-то утром ему пришло на ум, что надо бы ответить на одно письмо, и он принялся искать его среди подушек на диване. Под руку попадались другие письма, на которые он не отвечал годами, было среди них даже одно заказное: ему грозили выселением через два года. Там же он нашел фотографию своей бывшей возлюбленной, которая вышла замуж и ждала от него свадебного подарка. Откопал он и кусок газеты с музыкальным наброском, который был позарез нужен в прошлом году. Стало ясно, что без всего несделанного можно прекрасно обойтись.

Он вышел на улицу, собираясь идти домой, но вдруг понял, что забыл дорогу. Он даже не смог вспомнить, есть ли у него дом, семья. Вернуться обратно в студию ему тоже не удалось. Ночь он провел в гостинице, а наутро отправился в Африку, куда мечтал уехать уже лет семь. И по прибытии сразу же пошел на берег моря: ему казалось, что именно там должна произойти очень важная для него встреча. Он растянулся на песке. И тут в самом деле увидел белого скорпиона, подползающего к его руке, чтобы выпустить в нее яд.

*

На жизни важные явления
смотреть необходимо стоя.

*

Когда из пепла возродится
дерево?

ЛЕВАЯ РУКА

Один человек не знал, где у него левая, где правая рука. Однажды его взяли статистом на съемки фильма. Режиссер велел ему держать метлу в левой руке, а он упрямо сжимал ее в правой.

Постановщик в сердцах спросил:

— Где у тебя левая?

Статист долго на него смотрел, потом поднял правую руку и пальцем указал на что-то вдали, за спиной режиссера. Тот изумленно оглянулся и увидел стену, за которой начиналась улица. В крайней растерянности вышел он на улицу: жест статиста он воспринял как призыв прекратить съемки. Он сел в машину и вернулся в город.

Antonio Gaudí
"2000"

МУСУЛЬМАНИН-СИЦИЛИЕЦ

В пятьдесят лет он уже проникся мыслью, что для земных удовольствий осталось самое большее лет двадцать. А дальше придется смириться со своей судьбой. Правда, впереди было еще два десятка — чего ж тревожиться! Но тогда другой вопрос стал не давать ему покоя. С кем из женщин соединится он на склоне лет? Однажды ему пришло в голову посоветоваться с вещуном, о котором шла слава по всей округе. Прорицатель долго вглядывался в линии его рук и наконец вычитал, что его последней возлюбленной только что исполнился год и живет она на берегах Гвадалquivира в арабской семье. Сам же он жил во владениях Палермского халифата. С тех пор он зачастил к вещуну, который рассказывал ему о жизни Абилайи. Каждый месяц в течение двадцати лет он за определенную плату узнавал о ней все новые подробности, а тем временем исправно заботился о собственной семье и не забывал ублажать своих жен. Когда ему стукнуло семьдесят, девушка — ей исполнилось двадцать — вышла замуж. Старик не мог взять в толк, как он сможет увидеть Абилайю, какие обстоятельства заставят ее или его преодолеть тысячу километров по воде и по суше. Но однажды прорицатель изрек: Абилайя на корабле отправилась в свое первое паломничество в Мекку. Тогда старик поехал в Палермо, потому что в этом порту останавливались перед отплытием в Египет корабли из Испании. Он стал искать Абилайю в палермском порту и наконец увидел ее: она искала мужа, сошедшего на берег с явным намерением не ездить в Мекку и сбежать от законной жены. Дело происходило в густонаселенном квартале Харат-ас-Сакалиб, неподалеку от порта. Потом старик снова увидел ее на рынке рядом с мечетью Ибн-Сихаб. Прислонившись к стене, мусульманин задумался. Если она найдет мужа, они тут же уедут, и он ее больше не увидит, а не найдет — примется снова искать, да так и останется. Присев на камень, старик решил: найду-ка я этого мужа и убью его. Или нет, пожалуй, предложу ей свои услуги. Но что стоит ее благодарность? Зачем она мне? А может, приневолить ее, взять силой? Старик все еще сидел на камне, и вдруг перед ним предстала Абилайя. Молодая, красивая, нежная. Остановившись перед старцем, женщина сказала: — Я ищу человека — высокого, сильного, с голубыми глазами. Он мой муж. Вы мне не поможете? Голова у него пошла кругом. У молодой женщины хриловатый, грудной голос. Голос его давно умершей жены. Старик онемел

*

Одиночество
вдыхают кожей.

и не может ответить. Он пристально смотрит на женщину и роняет крупные слезы. Та торопливо роется в карманах и сует ему милостыню.

— Совсем оглох этот нищий, — говорит она, удаляясь.

Старик не сводит глаз с монеты на ладони. Она похожа на угасшее солнце.

— Видно, суждено мне, — задумчиво говорит он, — соединиться на склоне лет с загробной тенью.

ПТИЧКА С ГОЛУБОЙ РЕКИ

После Великого похода в Китае была организована широкая кампания против птиц, уничтожавших посевы риса в долинах Голубой реки. Днем и ночью студенты и солдаты не покидали поля во всей округе. Они стучали камнями в консервные банки, в бидоны, потрясали бамбуковыми палками, чтобы шумом и грохотом испугать больших и малых птиц и не дать им отдохнуть на земле.

Огромная туча испуганных птиц целую неделю парила в воздухе. Потом, обессилев, они стали разбиваться о скалы или тонуть в реках. Только одной маленькой пташке удалось долететь до Пекина. Она влетела в открытое окно монастыря, где доживали свой век выселенные туда евнухи. Им пришлось оставить большую кормушку, какой был для них старый императорский дворец. Из всех евнухов только один остался теперь в монастыре. Его последний товарищ умер несколько лет назад. Евнух страшно одряхлел, ибо был на службе еще у императрицы — матери Цзы Хи, умершей в 1909 году. В то время их было четверста, а теперь он остался один.

Птичка опустилась рядом на край миски с рисом. И тогда ему почудилось, что в облике птички к нему прилетела душа его бывшей хозяйки, и он стал униженно и подобострастно прислуживать пташке. Открыв ей клювик, он вложил туда рисинку. И делал так, пока не понял, что птичка наелась. После чего оба заснули: евнух на циновке, птичка — возле него, потому что оба смертельно устали.

ЧЕРНЫЕ ШАРЫ

В ста километрах от Нью-Йорка, в болотистой местности, расположен большой дом из бумаги, сооруженный американскими хиппи. Каркас дома сделан из железных брусьев, между которыми, словно сеть паука, натянута металлическая проволока, покрытая бумагой, собранной во время забастовки

*
Первое,
чему необходимо
научиться в танго, —
умению вовремя
попасть ногой
в оставленное
балериной пространство.

ню-йоркских мусорщиков. Бумага пропитана смолой, чтобы защитить дом от сырости и непогоды. Внутри — комнатухи с квадратным или круглым сводчатым потолком. В каждой каморке ютятся семейство со всеми своими пожитками: трюпем, одеялами, тюками, граммофонами, пластинками, стаканами, тарелками, детьми, свечами.

В День поминовения усопших эти хиппи молча прошли в общей толпе по улицам Нью-Йорка. Целый лес шагающих ног и такси с зажженными среди бела дня фарами. Хиппи вместе со всеми видели пятьдесят тысяч черных воздушных шаров, взмывших в небо над Нью-Йорком. Каждый шарик в память американского солдата, погибшего во Вьетнаме.

Потом они вернулись к себе домой, на болото. А через неделю заметили, что горизонт заволокло черное облако, которое движется в их сторону. Казалось, летит туча птиц или саранчи. На самом же деле это были черные шары, принесенные ветром из Нью-Йорка. Несмотря на солнечный день, вся округа погрузилась в темноту, а от влажности шары стали спускаться на землю. Никто не решился поднять хоть один упавший шарик. Даже дети. Весь этот день и весь следующий потрясенные люди смотрели на дождь черных шаров. Но понемногу из них стал выходить воздух, словно это был последний вздох погибших на войне. Вся земля покрылась сморщенными пузырями. На третий день их собрали и закопали в землю. А после этого часа три пели погребальные псалмы.

*

Сократ ясен, как ночь,
полная светлячков.

АРАБСКАЯ ГОСТИНИЦА С МЕРТВЫМ САДОМ

В арабской части деревни, что повисла на калабрийских утесах, омываемых бурным морем, которое успокаивается только внизу, на небольших песчаных отмелях, расположена старая гостиница. Названия узких, не больше метра шириной, улочек восходят, вероятно, к временам Ибрагима ибн аль-Аглабы: после завоевания Таормины он устремился к носку Апеннинского сапога. Здесь попадаются даже старые надписи, нацарапанные ребятишками на арабском языке. Вся округа белым-бела от известковых деревенских стен с маленькими окошечками без ставен, но с вышитыми занавесками и стеклами, вставленными в голубые рамы. Этому белому и голубому цвету не одна сотня лет. В гостинице большой, облицованный красноватым с прожилками мрамором холл выглядит разрубленной на части тушей. Свет-

лая обивка на подушках и диванах заштопана теми старухами, что приходят сюда на рассвете и бродят по тенистым дорожкам вокруг гостиницы. Мельтешение рук и иголок не прерывается даже в присутствии клиентов; а тех вовсе и не смущает то, что на их глазах беспрестанно плетется паутина, дабы остановить износ ткани, вызванный ее древностью и продолжающийся ежедневно по сей день. Приезжих иностранцев когда-то привлекала сюда красота сада, разбитого одной английской супружеской парой в начале XX века. В саду цвели цветы, вывезенные со всего мира, один был даже доставлен в шляпе из Австралии. Садовник и садовница умерли в 1932 году. Сразу же пришел в запустение и садик. Несмотря на заботы гостиничной прислуги, посвященной в тайны каждого растения, цветы стали гибнуть один за другим.

Вину свалили на загрязнение подземных вод: в них якобы проникли ядовитые вещества. Но теперь уже точно установлено, что растения погибли от горя. Прежние завсегдатаи гостиницы все еще заглядывают сюда, чтобы полюбоваться высохшим, заброшенным садом. Быть может, при виде царящего в нем запустения в памяти возникают прежние цветы и запахи. Служители сильно постарели, они зачастую гораздо старше самих клиентов. Лениво бродят они по залам и коридорам, помогая переносить только самые легкие вещи. За столом обслуживание идет очень медленно, на пол часто падают тарелки и стаканы. Среди служителей очень много слепых и близоруких. Сегодня в газете появилось сообщение о том, как недавно вернувшаяся в Англию группа завсегдатаев гостиницы своими глазами видела, что садик снова расцвел, хотя никто не сажал в нем новых растений и не ухаживал за погибшими.

СКОВАННОСТЬ

Один человек почувствовал себя совершенно оторванным от людей и вещей. Так, например, видя пастушка, купающего в реке волов, он мог восхищаться его обращением с животными, но был не в силах к нему приблизиться. Точно так же и с девушкой, собиравшей на дереве вишни. Воздух как бы стоял стеной между ними. Тогда он заглянул в реку, протекавшую у его ног, и увидел, что больше в ней не отражается.

*
Море держит рыб
в своих руках.

*
Мертвый город
подобен расстроенному
музыкальному
инструменту.

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

14 июля 1969 года, в полдень, один провинциальный поэт задремал на песчаном берегу недалеко от Торре-Педрера. Ему приснилось, что Данте прочитал ему свои самые прекрасные стихи:

*Я одинок,
Как дерево, растущее
В другом дереве.*

Это были стихи, которых никто никогда не писал.

ТРОИЦА (ПОЧЕМУ ТРОИЦА?)

Одному человеку сказали, что он — дерево. В испуге он бросился к зеркалу и увидел в нем жабу.

ДВА СТРАННЫХ НЕЗНАКОМЦА СО СВЕТЛЫМИ ГЛАЗАМИ

*

*Хотелось бы сочувствовать
страданию цветка и внимать
дружескому посланию
долетевшего запаха.*

У одного француза лет сорока, кормившего голубей на площади Сан-Марко, кончились в бумажном кульке кукурузные зерна. К нему подошли два странных типа неопределенного возраста. Им можно было дать от 30 до 60 лет. Они были в широких, развевающихся на ветру одеждах. Эти двое предложили ему кулечки с зерном, и он машинально принял их, забыв, что кукурузу можно купить у стоявшего неподалеку лоточника. До чего странная встреча! Французу не удавалось забыть светлые глаза этих двух незнакомцев весь август, что он оставался в Венеции. В октябре он случайно оказался в Бург-ан-Брессе. В тот день было пасмурно. Он закрылся в комнате пустой гостиницы и смотрел из окна сквозь вечерний туман, обволакивающий фасад собора на другой стороне улицы. Потом его глаза различили внизу два силуэта: двое мужчин приближались к гостинице, и он поймал их светлый взгляд до того, как они вошли внутрь. Видимо, им нужна была комната. Он ждал, что через несколько мгновений к нему постучат в дверь или портье позвонит по телефону, предупреждая, что кому-то нужно поговорить с ним. Это были те самые два незнакомца, которых он встретил случайно в Венеции, и теперь еще раз повстречал в этой пустой гостинице в Бург-ан-Брессе. Он чувствовал, что они могли принести ему какое-то известие, возможно, печальное предупреждение. Француз вышел из комнаты, спустился в холл, но так и не встретил никого, ни

*
Долгое молчание
становится памятью.

*
Я понял,
что тишину
можно вдыхать,
как запах.

СНЕГ НА ПОЛУ

Когда пришли в дом в старом квартале города, Ширикава уже умер от голода. Кроме спальни, где он лежал, в доме было еще две комнаты. Мебели никакой не было. Правда, в первой комнате возле окна стояли три стула европейского образца, словно кто-то специально поставил их сюда, чтобы любоваться густой кроной платана. Потом стало ясно, что стулья предназначались для трех тощих котов, составлявших компанию старику. Во второй комнате весь пол был устлан толстым слоем белоснежного риса. Ширикава был родом из Кикибу, деревушки, затерянной на севере Японии. В юности он играл на маленьком ко-дайко⁴ во время шествий по случаю первого снега. Почему Ширикава довел себя до голодной смерти, хотя у него под рукой было столько риса?

Когда его унесли на носилках, кому-то пришла в голову мысль улечься на койке в точно таком же положении, в каком нашли

4 Небольшой ударный инструмент, широко распространенный в Японии.

покойного. Стоило положить голову на подушку и посмотреть в коридор, как глазам открывался вид на комнату, устланную рисом. Трудно было отделаться от впечатления, что это не снег. А стена в глубине комнаты как бы изгибалась, образуя серый, холодный небосвод, точь-в-точь как зимой.

После долгих расспросов узнали, что Ширикава уже несколько лет сильно страдал из-за отсутствия снега. Он жил на юге, где снег никогда не выпадает.

НИКОГДА ОТКРЫТО...

Никогда открыто не хвалил он свою жену. Более того — всячески подчеркивал свое равнодушие к ней. Но стоило ей хоть ненадолго выйти из комнаты — из любой комнаты, как в душе у него возникала щемящая боль. Он глядел на нее с такой нежностью, которую она спиной видеть, конечно, не могла. Временами, хотя и редко, жена, почувствовав на себе взгляд, оборачивалась, но он успевал быстро отвести глаза и придать лицу скучающее выражение. Даже в постели он обходился без всяких ласковых слов и прочих сантиментов. В конце концов у нее появилась потребность в тех знаках внимания, которых ей так не хватало в семейном кругу. Ей подвернулся один адвокат, осыпавший ее любезностями, но с ним у нее так ничего и не вышло, настолько оба были поглощены любовными излияниями и разговорами о бесконечном восхищении друг другом.

*
Голубой купол мечети
в Самарканде —
небо моих слов.

*
В каждом отъезде
скрыто и возвращение.

ЗЕРКАЛО

Это зеркало он купил на рынке Порты Портезе. Оно было овальное, в раме светлого дерева, с резной цветочной гирляндой. Он повесил его над комодом в спальне. А когда впервые взглянул в него, не увидел своего лица. Сначала там появились два улыбающихся господина в костюмах начала века, потом — рука с гребнем, часть спальни, лицо служанки, солнечный луч, а в луче — бабочка. Потом запеленатый младенец, которого дама держала перед зеркалом, чтобы он увидел свое отражение. Потом муж дамы в военной форме. Лицо женщины постепенно покрывается морщинами, волосы седеют. Снова сын, уже взрослый, тоже в военной форме. Снова женщина — одна, плачет. И, наконец, кровать, четыре свечи и на подушке голова умершей. Но вот образы, запечатленные в разные годы, исчезли, и тогда возникло лицо человека, купившего зеркало, видевшего себя в нем младенцем, потом молодым военным, — лицо старика.

L'Invitation au voyage. 1950. Oil on canvas.

КАПИТАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ

Капитан дальнего плавания знал восемь индийских языков и двенадцать наречий. С лесом, коврами, нефтью избороздил он Индийский океан, Красное море и все пространство вокруг островов и вулканов Тихого океана. В арабском платье посетил он Мекку, утолял жажду мелкими персидскими лимонами, в знойные полдни отдыхал в тени пагод. За доллары и восточные монеты переспал со всеми припортовыми шлюхами.

Потом он вернулся на родину. Как-то в одиночестве брел он окраинной дорогой. Ноги несли его вперед, а голова время от времени поворачивалась назад. За ним увязался пес по кличке Боби, умевший подавать хозяину лапу. После того как капитан отдал концы, Боби часто возвращался на эту дорогу. Однажды ему повстречалась другая бродячая собака. Они принялись обнюхивать друг друга. Боби подал ей лапу, как своему хозяину. Испугавшись, собака бросилась от него наутек.

ПОЮЩИЙ САД

*

Если мы научимся говорить,
нас понимали бы
и животные.

Одна из многих легенд, услышанных мною в узбекском селе-нии на границе с Туркменистаном, рассказывает о Поющем саде, который зачаровывал погонщиков верблюдов, заставляя караваны, груженные шелком, отклоняться от торных дорог. Но не было в бескрайней пустыне, поросшей колючкой, источников и колодцев, лишь глиняные черепки попадались отважным путникам, углублявшимся в эти дикие земли. На поиски Поющего сада отправился один юноша. Сада он не нашел, но увидел лес — сотню окаменевших деревьев с твердой зеленовато-мраморной корой, иссеченной бороздами, как потрескавшийся лед. Это были древние деревья с могучими стволами, верхушки крон за долгие годы обломились, образовав внизу слой прутьев, щепок и крошева. Ударяя по стволам ладонью, юноша заметил, что они издают глухой, монотонный звук. Он глубоко вонзил нож в трещину, забитую каменной пылью, и оттуда вдруг ударила струя прозрачной влаги — ствол был полон чистой, свежей воды. С тех пор погонщики верблюдов и пастухи, томимые жаждой, много лет подряд приходили к этим деревьям и откупоривали трещины, чтобы напиться. Но однажды воды не стало, она иссякла в стволах деревьев небольшого окаменевшего леса. И когда ветреной ночью деревья запели, люди поняли, что этот лес и есть тот самый Поющий сад, о котором рассказывала легенда.

ОНА МНОГО ЛЮБИЛА

Она много любила за свою жизнь, но теперь стала старой и не испытывала более ни к чему никаких чувств. Тем не менее ее все еще не покидала надежда повстречать на этой земле что-то родное.

Пока не влюбилась в одну церковь в Ассизи. Она переехала жить в этот город. Зимними ночами она выходила в грозу с зонтом и проводила целые ночи около собора, чтобы не оставлять в одиночестве своего любимца, бичуемого страшными вспышками молний.

Потом пришла весна, и каждое утро и вечер она трогала руками сухие и теплые камни. Это была любовь спокойная, без измен, которая продолжалась до самой смерти.

ПОЛОСЫ БЕЛЫЕ И ГОЛУБЫЕ

Этот человек боялся тех, кто стучал в дверь, и тех, кто звонил по телефону, и даже тех, кто смотрел на него из окон дома напротив. И тогда он поспешил покрасить стены своей комнаты в белую и голубую полоску таким образом, что ткань его халата походила на них. Когда он слышал шум подозрительных шагов на лестнице, бежал, надевал халат и прилипал лицом к стене. Иногда даже жена, придя домой, искала и не могла его найти. Она звала его. Но он так сливался со стеной в своем полосатом халате, что комната казалась пустой.

*

Часто люди не знают,
куда идти, однако спешат,
чтобы прийти вовремя.

КИМ

Комната в Бауэри: шесть на шесть, высота — четыре, гипсовая розетка на потолке и множество черных точек на известковой побелке стены. По углам четыре деревянные лестницы, достигающие до потолка и позволяющие разглядеть маленькие пейзажи кисти неизвестного художника, на которых изображены четыре времени года. Владелец комнаты — невысокий молодой человек, всегда одетый в старый заштопанный свитер и джинсы. Под первой лестницей справа — койка, под второй — кухня, под третьей — письменный стол, под четвертой — уборная. Однокомнатная квартира может вместить до сорока гостей, если их усадить на ступеньках лестниц. Но она месяцами пустует, и Ким сам карабкается по лестницам, в зависимости от погоды. Идет дождь — он лезет на летнюю лестницу и устраивается наверху, чтобы рассмотреть картинку под потолком. Жарко — карабкается поглазеть на снег с верхушки лестницы.

ведущей к зимнему пейзажу. Либо, растянувшись на пятачке посреди комнаты, любуется розеткой на потолке. Вся его жизнь вращается вокруг четырех лестниц. С появлением новой девушки он разбрасывает на ступеньках цветы. Часто комната наполняется клочками бумаги: значит, Ким сочиняет стихи. Когда ему хочется поиграть, он садится посреди комнаты, забрасывает мяч на вершину одной из лестниц и ждет, когда мяч, подпрыгивая по ступенькам, скатится вниз.

ПОСЛЕДНИЙ ВОПЛЬ ДЕСПОТА

Владыка огромных, проклятых Богом земель — дважды их косила черная чума — умирал в большой зале своего замка. Прежде чем испустить дух, тиран велел созвать большую часть жестоко угнетаемых подданных, изнасилованных им женщин, слепых, хромых, увечных, пострадавших от его немилостей. Ему хотелось донести до всех свое последнее слово. И вот громким голосом, который обрушился на толпившихся в зале, на лестнице, на коленопреклоненных во дворе, он крикнул: — Я умираю довольным, потому что никому не сделал добра!

*
Всякий раз,
заворачивая пакет,
нахожу и себя самого
внутри него. У КОСТРА

*
Великая музыка
не нарушает тишины,
из которой рождается.

Некто решил не иметь больше дела с женщинами и долго жил в полном одиночестве. Он гулял, любовался деревьями, заходил в кафе и ни разу не оглянулся на хорошенькую девушку. Но вот однажды к нему подседа молодая женщина и призналась в любви. Несколько дней подряд она приходила в кафе, но он отверг ее, и она исчезла бесследно. Тогда в душе этого отшельника пробудилась такая любовь, что он пешком исходил весь город. Как-то он остановился поговорить с одной из шлюх, которые греются у костра на окраине. Но ему было невдомек, что это и есть та самая девушка, которая его полюбила.

СЛУЖИТЕЛЬ В СИНЕЙ КУРТОЧКЕ

Зал Одесского музея, где выставлен скелет мамонта, значится под номером сорок. На табурете, придвинутом к стене, как раз против головы допотопного чудовища, сидит смотритель. Синяя курточка и брюки из светлой чесучи, заправленные в голенища широких сапог, придают ему вид настоящего кашевара времен осады Севастополя. Вот уже несколько лет никто не заглядывает в зал к мамонту. Безлюдно и в коридоре, ведущем в отдел

насекомых. Часто весь музей или по крайней мере эта часть здания кажутся вымершими. Смотритель досконально изучил все плитки на полу: их простейший геометрический узор повторяется и на высоких стенах, окружающих гигантский скелет. Многие годы смотритель понуро разглядывает пол под ногами. Может быть, сейчас глаза его устремлены к каким-то далеким образам прошлого, а может, он просто прислушивается. Сидя перед этой грудой костей, он улавливает их малейший скрип, в зависимости от сезона и влажности воздуха, которая просачивается сквозь стены, ибо в зале нет окон. Подчас шорохи и скрипы кажутся осмысленными звуками, чем-то вроде жалобных стонов, как будто между служителем и окаменелым мамонтом идет разговор. Во всяком случае, еще немного — и можно будет различить отдельные слова.

ФОТОГРАФИЯ

*
Сегодня сильные чувства
можно встретить
лишь в театре.

*
Самое близкое нам —
это мы сами: и мы
не знаем себя.

Как-то вечером он стоял в трамвае и вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за руку. Молодой солдат уступал ему место как пожилому человеку. Он смутился и сел: такое с ним случилось впервые. Отвернувшись к окну, за которым ничего не было видно, кроме ночной темноты, он вдруг почувствовал весь груз своих лет. С той ночи он заперся в четырех стенах, но они не могли удержать его тоски. Как-то утром он получил письмо из далекого города. Вскрыв его, он обнаружил фотографию старой обнаженной женщины. Без всякой подписи и пояснений. Он надел очки и отыскал в морщинистом лице знакомые черты: это была единственная женщина, которую он по-настоящему любил в своей жизни. Зная великодушие своей возлюбленной, он сразу понял смысл ее послания. Догадавшись о его страданиях, женщина не постеснялась показать ему свое старое тело, чтобы он убедился, что чувства сильнее плоти.

ПОЛ С УГЛУБЛЕНИЯМИ

В пределах женского монастыря Санта-Кастита на метровой глубине обнаружили старинный пол, состоявший из мраморных плит, не истертых ничьими шагами, хотя пол относился к первой половине XVI века. Внимание многих ученых привлекли странные параллельные углубления, нарушавшие ровную плоскость. Очевидно, на этом месте некогда было аббатство, разрушенное пожаром вскоре после постройки. При раскопках древних развалин были найдены обгоревшие куски дерева. Но откуда взя-

лись и зачем понадобились углубления в полу? В течение многих лет выдвигались бесчисленные гипотезы. Тайну раскрыл один старик, работавший над книгой о землетрясениях в этом районе. Как выяснилось, Убальдоне да Форли описал землетрясение 1555 года, разрушившее много монастырей и церквей. Из муниципальных архивов Гаттары старик узнал, что для строительства моста через реку были использованы колонны из «руин во владениях монахинь из обители Санта-Кастита». Так он понял, что аббатство погибло во время этого землетрясения, а углубления были вызваны падением колонн, которые потом долгое время пролежали на мраморном полу.

СТРЕЛОЧНИК В ПУСТЫНЕ

Будка его находилась в пустынном, безлюдном районе туркменских солончаков. В день проходило по два поезда: один — в Узбекистан, другой — в Казахстан. Стрелочник проверял пути, и особенно крепление рельсов к шпалам. Затем флажком открывал машинистам зеленый путь. За тридцать лет он только раз остановил состав, так как путь преградили отары. Составы проходили туда в восемь утра и в полдень и обратно — в три часа дня и ночью. Стрелочник подбирал все, что пассажиры выбрасывали из окон возле его будки. У него скопились горы бутылок, консервных банок, старых дорожных сумок, разорванных фотографий. Ему удалось склеить открытки, любовные письма, большую фотографию Греты Гарбо. Он заполнил весь дом бросовыми вещами и долгое время жил посреди этого хлама. Однажды он по кусочкам восстановил фотографию молодого солдата, ехавшего из Ташкента на фронт. Он нашел все обрывки, кроме одного, на котором были ноги. Он обыскал все кусты, облазил все барханы вдоль железной дороги, но недостающий обрывок так и не нашелся. По странному стечению обстоятельств несколько лет спустя после войны стрелочник узнал, что юноша этот по-прежнему живет в Ташкенте, но потерял обе ноги в сражении под Смоленском.

*
Оптимизм ночи
гаснет постепенно
перед пламенем
свечи.

ДВЕРЬ, КОТОРАЯ ПЕРЕСТАЛА ОТКРЫВАТЬСЯ

Курортный городок, затерянный в одной из долин Тосканы, с теплыми сернистыми источниками. Здесь уже много лет живет в гостинице палермский адвокат. Это место его изгнания. Будучи членом «Великого клана», он застрелил в своем саду сына одного

*
Чем дольше
будет существовать
зависимость и рабство
женщины от мужчины,
тем больше будут
подернуты страданием
колыбельные песни.

из заправил этой преступной организации, поймав его на краже апельсинов. Принимая во внимание прошлые заслуги адвоката, было решено наказать его за пролитую кровь пожизненной ссылкой в эту старую тосканскую гостиницу, из которой он имел право выходить лишь раз в день — за газетой.

Было точно обусловлено, в какое время он может совершать прогулку, в каком направлении идти и как долго оставаться на улице. Адвокат неукоснительно выполнял эти предписания, хотя не так-то легко было установить, ведется ли тайное наблюдение за тем, как он соблюдает уговор. Каждый день он ловил на себе подозрительные взгляды из-за угла или из-за приоткрытых штор в домишках, выстроившихся вдоль улицы.

В первых числах ноября начались неприятности с дверью. Сначала она стала плохо открываться, но адвокат решил, что это от сырости. Затем и ключ стал с трудом поворачиваться в замке, на который он запирался по ночам из-за боязни непрошенных посетителей или злоумышленников. Тогда он подумал, что замок засорился. В самом деле, за последние два дня ветер из Африки принес с собой желтую песчаную пыль. Казалось, с каждой ночью металлический язычок все больше заклинивает от ржавчины. В конце концов адвокат почувствовал, что рано или поздно он окажется запертым в этой комнате навсегда. Тогда он высунулся на улицу посмотреть, нельзя ли будет при случае выбраться через окно. Но под окном была пропасть в семь этажей. Он увидел также, что средневековый квартал внизу сплошь состоит из руин и покинутых лачуг и там некому даже услышать его крики о помощи. С другой стороны, начини он стучать в запертую дверь, вряд ли немногочисленные постояльцы, снимавшие комнаты на нижних этажах и в противоположном конце здания, услышат стук.

Он обращался к администрации с просьбой прислать слесаря, но безрезультатно. Портье, добравшийся до неисправной двери, почему-то упал в обморок в коридоре и пришел в себя только через два дня, так и не получив ни от кого помощи. Как-то утром адвокат с таким трудом открыл дверь, что ему наконец пришла в голову мысль о бегстве. Но в тот день предполагаемые соглядатаи словно угадали его намерения, и на утренней прогулке он чувствовал спиной их угрожающие взгляды, а один из них даже пошел за ним следом, очищая яблоко длинным ножом. Купив газету, адвокат покорно вернулся к себе и заперся в комнате. Ночью дверь заклинило намертво, и ржавчина проникла

в зазоры и щели, которые до сих пор, хотя и с трудом, позволяли выбивать ее из дверного проема. Даже древесина как бы окаменела и стала издавать странный глухой звук.

У СТЕКЛЯННОЙ ДВЕРИ

Старик жил в большой комнате со стеклянной дверью, выходившей на заброшенный участок, обнесенный забором. С весны до осени он сидел у открытой двери и не сводил глаз со своего пятачка земли. Он видел, как туда слетались все птицы округи. Быть может, их привлекала вода, которую можно было попить из плошки, поставленной в сторонке. Не залетал туда только дрозд. Старик его ждал. А тем временем следил за муравьями, за диким кустарником, из года в год разраставшимся все пышнее. Весной он долго наблюдал за улиткой, которая в три месяца прочертила белую полосу по всему забору. Шум и суета города не долетали в этот уголок и не будоражили старика, погруженного в сонные думы. Иногда шел дождь. Редко выпадал снег. Через год прилетел наконец дрозд, но дверь была закрыта: старик окончил свои дни. Его похоронили тут же, на участке, которым он столько лет любовался. Птица села на траву, выросшую на его могиле. Опустив клюв, она попила из плошки, полной дождевой воды.

*

Часто ответы
превращаются
в вопросы.

ТАЙНЫЙ СОБЛАЗНИТЕЛЬ

Одна молодая монахиня очень тяжело переживала обет безбрачия. И вот в течение нескольких ночей кто-то стал тайно подсовывать под дверь ее запертой кельи листочки белой бумаги с отпечатком, а может быть, рисунком той или иной части своего лица. Сначала это был глаз, затем прядь волос, ухо, рот, лоб и, наконец, подбородок. Черница попыталась соединить листочки воедино и с ужасом убедилась, что не может больше противиться обаянию возникавшего перед ней образа. И вот настала ночь, когда она должна была получить последний недостающий листок и увидеть все лицо тайного соблазнителя. Тогда она зажгла свечу, чтобы сжечь искушающий ее образ. Но вдруг осознала, что перед ней лик самого Спасителя. Тогда один за другим она проглотила клочки бумаги, словно это были святые облатки.

В ГОЛУБОМ МАРЕВЕ САМАРКАНДА

Как-то в воскресенье Амид-ака заметил в голубом мареве Самарканда двух чужестранцев. Они появились в конце улицы

и наверняка разыскивали его лавку, знаменитую своими арбузами, так хорошо утолявшими жажду. И впрямь, оба путника вскоре направились в сторону навеса, в тени которого он установил несколько деревянных столиков. Оба вымыли руки под умывальником, подвешенным снаружи. Тогда Амид-ака пошел в лавку, чтобы отобрать пару арбузов. Вернувшись под навес, он застал только одного незнакомца. Положив перед ним оба арбуза, он спросил, почему его друг ушел. Человек растерянно на него посмотрел. Затем вытер потный лоб, встал из-за стола и направился к выходу. Но прежде сказал устало:
— С некоторых пор все меня видят вместе с другим.
И удалился, тяжело ступая по пыльной дороге.

«ПТИЧКА ПРИЛЕТЕЛА»

*
Уже весьма редко
можно встретить людей,
полных той силы
и спокойствия,
что умеют дарить
лишь деревья.

Никто не знал, откуда она явилась. Похоже, из Апулии, из какой-нибудь деревушки, где солнце ослепительно сверкает на белых стенах домов. Все дни она проводила взаперти в маленькой квартирке с двумя окнами на площадь. Она никогда не выходила на улицу, а если и выходила, то по ночам или в жаркие часы дня, когда люди прячутся в тень. Звали ее Феодорой, как жену византийского императора. Несмотря на свои тридцать лет, она еще ни разу не влюблялась, ибо хранила верность тому, кто платил за квартиру и давал ей немного денег на жизнь. Сейчас ее содержал один женатый мужчина с двумя детьми; время от времени он ее навещал. Главное для Феодоры было ничего не делать, и она не мыла даже посуды, которая горой скапливалась на кухне, — два раза в неделю приходила женщина и перемывала ее всю. Однажды эта женщина пришла и объявила, что содержатель погиб в дорожной катастрофе. Три дня Феодора молча пролежала в постели.

Утром она принялась собирать чемоданы, решив переехать в большой город, и тут раздался стук в дверь. Пришедшему старику было уже восемьдесят, но выглядел он вполне прилично для своих лет. Перестав испытывать интерес к женщинам, он искал теперь, кому бы поведать свои любовные приключения. Тем самым он хотел вновь пережить самые прекрасные минуты своей жизни — одну за другой. Разумеется, с этим нельзя было обратиться к жене, а уж тем более невозможно обсуждать такие деликатные вопросы за столиком кафе. Нужна была подходящая обстановка и в особенности внимательный и благосклонный слушатель. Само собой, он готов был заплатить за это солидную

сумму. В рассказах своих он избегал слишком откровенных выражений, связанных с этой темой. Любовь, например, он сравнивал с птицей, говорил: «Птичка прилетела». Феодора без колебаний согласилась на столь необычную связь, хотя это и не был предел ее мечтаний. И так, раз или два в неделю старик являлся к ней и со всеми подробностями живописал свои любовные похождения. Затем он уходил, даже не притронувшись к Феодоре. Оставаясь одна, женщина с головой погружалась в комиксы. Однажды старик настоял, чтобы она съездила в город и купила себе нарядное платье и пару светлых сапожек. Феодора села на поезд и поехала в соседний город, где купила платье и сапожки. Но гораздо важнее оказалась для нее встреча с одним молодым человеком, в которого она по уши влюбилась. Это была ее первая любовь. Они гуляли по городу, держась за руки. Потом она вернулась домой и снова заперлась в своей квартире. Старик пришел посмотреть на покупки и осведомился, как прошла поездка. Феодора умолчала о своей встрече. Через некоторое время она тайно отправилась в город на свидание. Старик ничего не заметил. Вечером после этой второй встречи старик решил рассказать ей о самом потрясающем из своих любовных приключений. В молодости ему довелось служить продавцом в обувном магазине, там он познакомился с одной женщиной. Она была старше его и жила в соседней деревне. Он назначил ей свидание, и они гуляли под городскими портиками и целовались прямо в церкви. Феодора слушала затаив дыхание. Все, о чем рассказывал старик, произошло с ней, когда она ездила в город к тому юноше. Но самое ужасное было потом. Старик принялся рассказывать про третье свидание, которого у Феодоры еще не было и в котором, быть может, содержалась развязка ее отношений с молодым человеком. Старик приехал к той женщине в деревню и позвонил ей. Тут он прервал свой рассказ, потому что раздался телефонный звонок. Феодора в полной растерянности протягивает руку и снимает трубку. Это с вокзала звонит ее возлюбленный и повторяет точь-в-точь те же слова, которые говорил старик. Повесив трубку, Феодора оборачивается к старику. В комнате темно, женщина уже не может понять, кто рядом с ней — юноша или старик. Она только чувствует, что «птичка прилетела».

*

Мы потеряли
способность восхищаться,
которая позволяла нам
верить в святость мира.

*

Лишь темнота тайны
освещает нас.

ЛЕСТНИЦА НА НЕБО

Селение было сделано так. Подгнившее дерево, и только. Потом монастырь, сложенный из камней. Параджанов наверняка видел

ребенком у себя в Армении, где так много монастырей, как монахи косят траву на крыше такого монастыря в дождливые годы, после того как ветер забрасывал под старые черепицы семена. Под ними вырастали целые заросли крапивы, мака и овса по колено. Ныне селение опустело. Люди бежали от стихийных бедствий, и трава на крышах вырастала высотой в метр, прорастала из трещин домов и на земляных полах. На крышах трава, высокая и тонкая, с красными маками, раскачивалась на ветру, создавая мягкие волны. Каминь, потушенные кто знает сколько лет тому назад, перестали спасать от сырости, которая спускается с окрестных гор.

Когда одинокий торговец-грек останавливает свой джип на площадке, он сразу же отправляется на поиски хоть одной живой души.

Никого. Впечатление, что люди спрятались под камнями. Но вдруг возникает старуха, которая сидит на корточках перед жаровней с чайником. На ней розовые шали, накинутые на фиолетовый жилет, и белый фартук, из-под которого выглядывает рука, кажущаяся на первый взгляд вышитой. Однако это не вышивка, а серебряный браслет с монеткой, соединенный цепочками с тремя кольцами на пальцах. Тогда грек садится, поскольку браслет заслуживает разговора. Надо бы купить его. Это может быть выгодно. Иначе как оправдать все затраченные усилия и четыре дня приключений под изнуряющим солнцем по горным ухабам... Старуха жует слова, похожие то на арабские, то на турецкие. Лучше сразу показать ей товар, чтобы предложить поменять на него браслет. Баночки с рыбой и с цыпленком. Старуха смеется и прячет лицо в шаль. Потом приоткрывает глаза и смотрит на высохшую воронку пруда перед ними. Торговец идет к джипу и возвращается. Показывает одежду, бусы и разные вещи. Предлагает деньги. Показывает марки. Старуха берет одну из них — с птицей в центре. Потом она роется в складках одежды и вытаскивает ножницы. Вырезает птичку и кладет ее себе на ладонь. Возможно, она верит, что птица умеет летать. И правда, порыв ветра уносит кусочек марки, а она смеется и хлопает в ладоши. Смотрит, как бумажная птичка летит вместе с другими, которые от этого шума поднялись с пруда.

Она родилась в Туркуле и девочкой переехала в Азербайджан, где должна была найти на реке камушек с дырочкой, чтобы быть принятой на работу на маленькую фабрику ковров. Тот, кто после долгих дней поисков находил такой камень, доказывал тем самым, что

*

Мы опьянены детством,
когда все были бессмертны.

*

Я бы тоже смог
стать нудным, если бы
не был им уже.

*
Часто успокоение
приходит от смирения.
В послушании
проще переложить
ответственность
на других
за собственные беды.

обладал необходимым терпением делать в день по десять тысяч узелков. Именно так принимали на работу в те времена. Если девочка уставала ходить по каменистому дну реки и отказывалась от поисков, значит, она не годилась для того, чтобы ткать прекрасные ручные ковры. Через двадцать лет она вышла замуж за армянина, и он увез ее в это селение деревянных домов, затерянных в горах. А сейчас она сидит перед человеком, который выпрашивает у нее браслет. Она не соглашается ни на какой обмен. Поскольку наступила ночь, торговец решает переночевать в одном из покинутых домов. Следующий день и еще другой он теряет на торги. Он хочет любой ценой заключить сделку, но теперь ему важен не браслет, главное для него — победить упрямство старухи. Это вопрос принципа, поскольку под сомнение поставлено его умение убеждать, его профессия. И еще его притягивают эти места и это одиночество. Ему вспоминается детство. Особенно те деревенские тропы, где улитки скрипели под ботинками после гроз, которые затопляли канавы. Он уже больше ничего не просит у старухи, не предлагает обмена. Ждет, когда она сама попросит его о чем-нибудь. С другой стороны, есть то, что обычно называют бесценным и чем дорожат. И старуха была сильно привязана к браслету. Торговец бросает на траву одеяло и потом, завернувшись в него, прислоняется к деревянной стене. Спать так, как не спал давно: отфыркиваясь, как животное, а утром, проснувшись, лежать, глядя в потолок, или сразу выходить на улицу. Потом собирать улиток или грибы. Иметь больше времени, чем отпущенные тебе дни. Чувствовать себя наконец конем или любым другим животным с чутким нюхом. Следовать запахам в прозрачном воздухе. Не считать дней и ночей. Забыть извилистую дорогу и города, которые видел и не видел. Остаться... и все. Не думать. Двигаться и останавливаться на камнях или траве. Подолгу смотреть на то, что едва движется, или на трещины в камнях. Гудят дикие пчелы. Где я и кто я? Забытые вопросы. И вот однажды по траве приходит старуха. Теперь она ищет и, может быть, хочет обмена. Держит на ладони браслет, готовая отдать его за что-то, но не может объяснить, чего она хочет. Веточкой рисует на мягкой земле, но сразу же перечеркивает свой рисунок глубокими линиями. Она нарисовала то, чего хочет, но потом пожалела. Может быть, стеснялась. И действительно, она убегает и прячется в высокой траве, расстроенная тем, что сделала. На земле осталась ветка, которой она рисовала. Должна была изобразить что-то очень простое, но грек не может понять. Эта

новая встреча со старухой вернула его в те дни, о которых он забыл, чувствуя себя вольным зверем лесов. Он ищет ее и находит на мусульманском кладбище, где она роет яму. На каждой могиле в землю воткнута грубо сколоченная крестьянская лестница, которая, видимо, служила для того, чтобы опускать тело в могилу. Потом ее оставляли там, чтобы душа могла по ней подняться на небо. Бедное кладбище, заросшее дикой травой, и эти лестницы, чуть покосившиеся, которые поднимаются в воздух. Рядом с ним православный погост с двумя низкими строениями из камня, куда приходили умирать больные во время чумы, когда некому было вырыть могилу.

Старуха скребет землю. Не поднимает глаз. Наконец останавливается и долго смотрит на торговца, потом показывает на одну из лестниц. И тогда торговец сразу же вспомнил рисунок на земле — старуха нарисовала лестницу.

«Хочешь в обмен лестницу?» — спрашивает он изумленно.

Старуха сворачивается калачиком на дне ямы и плачет. Потом снимает с себя браслет и вручает его торговцу. Грек тут же начинает искать лестницу, но ее нет. Тогда находит ржавый нож, который точит о скалу. Срезает с дерева ветви, чтобы сделать из них перекладыны. Выбирает два деревца, чтобы пустить их на жердины. Вережками и ивовыми прутьями привязывает к ним перекладыны. На это уходит десять дней, и наконец лестница готова. Он вручает ее старухе, которая хочет увидеть лестницу опущенной в яму. Наконец женщина улыбается. На следующее утро он уезжает, оставив старухе ее браслет.

*

Каждый раз,
если я только делаю вид,
что курю,
на меня осыпается пепел.

*

Телевизионные образы
живут, потому что мы
на них смотрим.

РАСПАХНУТЫЕ ВОРОТА

Неизвестно, кто побудил больных стащить грязные простыни, белые халаты и фартуки и отправиться на ловлю бабочек. Они соорудили садок, натянув на металлический каркас сетку от комаров. Получилась легкая круглая клетка, где ползали в неволе, перебирая ножками по ячейкам сетки, бесчисленное множество чешуекрылых, слетавшихся из лишенного зелени города на цветущие лужайки и клумбы лечебницы для душевнобольных. В конце концов пациенты потребовали у главного врача направить в центр города монахиню-сиделку и освободить там всех бабочек. Так и было сделано. На площадь сбежалось много народу, и когда монахиня распустила шнур, стягивавший сетку, в воздух взмыла целая туча бабочек. Уличное движение остановилось, потому что всех поразило это необыкновенное событие.

А когда люди поняли его смысл, то открыли в знак солидарности ворота сумасшедшего дома, чтобы одарить его узников свободой и любовью.

ЦЫГАНСКИЕ НАПЕВЫ

Такие бульвары есть в любой из европейских столиц, пришедших в упадок и живущих на последнем издыхании. Например, в Вене, которая уже давно влачит самое жалкое существование. Здесь почти нет движения и не слышно заводского шума. По вечерам жители заходят разве что в кондитерские. Кое-где еще можно встретить старого скрипача, исполняющего цыганские напевы. Люди ко всему равнодушны. Кинотеатры пусты. В витринах разорившихся лавчонок выставлены фотографии артистов. Многие магазины опустели, и на прилавках лежит слой пыли толщиной в четыре пальца. Низембак говорил, что он уже несколько лет наблюдает за будильником, выставленным в одном магазине, владелец которого переселился в Канаду: до сих пор стрелки показывают точное время, хотя завод наверняка давно кончился. И на пыли не видно следов, которые позволили бы заподозрить, что кто-то тайно его заводит.

*

В Суздале понял, что густую русскую грусть можно резать ножом.

ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

Монастырь имел форму ромашки. От цилиндрической башни расходились в разные стороны кельи, образуя нечто вроде лепестков. В промежутке между двумя соседними кельями оставалось немного свободного пространства, и здесь в стене башни были пробиты окна, застекленные цветными витражами. В зависимости от высоты солнца внутри цилиндрического зала преобладало освещение, окрашенное в цвет того стекла, на которое падали в данный момент солнечные лучи. Если свет был голубым — значит, полдень, оранжевым — час вечера и так далее. Ночью солнце сменяла луна. Зимой и в пасмурную погоду монахи целыми днями не имели представления о времени и были счастливы, потому что жизнь протекала без всякого порядка, особенно в том, что касалось ночных псалмопений. Одни вставали слишком рано, другие — слишком поздно, и дело кончалось тем, что каждый пел, когда придется. Так что одиночные псалмопения не смолкали до зари.

СВЯЩЕННАЯ ПЛОЩАДКА

Мраморная площадка из белых и черных квадратов была выложена отцами-пустынниками и предназначалась для раздумий

*
Думаю, что Господь,
сойдя на землю,
прислонился бы
спиной
к стенам собора
в Кижях.

о спасении души. В какой-то мере она спланивала анахоретов в их суровой монастырской жизни. Если кто-либо, вылезая из пещеры или ямы, выкопанной руками в песке, садился на белый или черный квадрат, это значило, что душа у него либо светла и чиста перед Богом, либо обременена грехами и одержима дьяволом. В самом деле, достаточно было сесть или улечься на одну из множества плит, чтобы убедиться, в мире ли ты с Предвечным или в когтях у нечистой силы. Время от времени наведывались сюда и запыленные местные жители, кочевавшие в пустыне. Они бросались ниц на плиты из черного мрамора и тут же в корчах и муках исторгали из себя бесов. Затем они переползали на белые плиты, и если погружались в глубокий сон, то можно было сказать, что душа и тело их очистились от скверны. Счастливые, они вновь отправлялись в опасный путь и продолжали свои бесконечные странствия. Когда отшельники покинули эти пещеры и разбрелись по свету, мраморные квадраты перестали помогать паломникам. Солнце и дожди постепенно раздробили заброшенную площадку на множество черных и белых камней, которые до сих пор встречаются то здесь, то там в этих пустынных краях.

СВИДАНИЕ

Выехав из Баку на широкую отмель, исполосованную шинами грузовиков и легковых автомобилей, шофер говорит, что Каспийское море высыхает. Здесь, под колесами, было когда-то море, и он сам разглядывал этот песок, когда мальчишкой нырял в глубину. Вот почему всякий раз, привозя кого-нибудь сюда, он испытывает чувство, будто едет под водой. Наконец берег остается позади, и они выезжают на большую дорогу, ведущую в Сумгаит. Огромные дома, выстроившиеся по обе стороны асфальтированного шоссе, оставляют у приезжего чувство одиночества и затерянности. В надвигающихся сумерках тоскливо мерцают уже зажженные огоньки. Невольно задаешься вопросом: как людям живется в этих местах? Шофер притормаживает, чтобы глотнуть воздуха. Чей-то тайный зов заставляет его остановить здесь машину. Он вылезает и идет туда, где в слабых лучах света движутся неясные тени. У него такое ощущение, что кто-то ждет его там. Неторопливо шагает он по дорожкам между домами. Люди, должно быть, уже ужинают дома или сидят в кино, завершая воскресный отдых. А шофер упрямо ищет одну-единственную тень в глубине сада. И вот она появля-

ется, двигаясь ему навстречу. Нежная девушка молча подходит к шоферу, и они вместе исчезают в ночи, словно давно назначили это свидание и знают друг друга с незапамятных времен.

РОМАШКИ

Профессор только что приехал в свой загородный дом. Здесь он отдыхает по субботам и воскресеньям, а в понедельник возвращается обратно. Разговаривая по телефону, он вдруг заметил, что лужайка в саду сплошь покрыта ромашками. Он долго не мог оторвать глаз от цветочного ковра, широко раскинувшегося за стеклянной дверью. Ромашки впервые так властно завладели лужайкой, заслонив белыми головками всю зелень. Цветов не было только в одном месте — там образовалось голое пятно неправильной формы. Закончив разговор, профессор вышел разглядеть лужайку вблизи. Было страшно идти по цветам, но темное пятно неотвратимо влекло его к себе. В конце концов он все-таки прошел по цветам, чтобы подойти поближе и понять, отчего в этом месте не выросли ромашки. Его поразило то, что незаросший участок по форме напоминал человека, который уткнулся лицом в землю, раскинув руки. Тогда он спросил у садовника, почему здесь не растут ромашки. Тот пощупал траву и в недоумении пожал плечами, затрудняясь ответить на этот вопрос. Но когда профессор указал ему на необычную форму пятна, садовник вспомнил, что на этом самом месте расстреляли одного партизана.

*

Часто смысл
и красота жизни
таются в ошибке.

*

Красота — это пища,
которая может насытить
тебя до усталости.

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ДОМ ТЕРПИМОСТИ

Посвящается Микеланджело Антониони

Перед ним та самая венецианская вилла: огромное прямоугольное здание с характерными балкончиками из белого мрамора на кирпичном фасаде. Сквозь кирпич проросли тончайшие волоски зелени, придающие дому взлохмаченный вид. Он примчался сюда на машине, горя от нетерпения вновь погрузиться в атмосферу пережитой трагедии. И вот он уже чувствует аляжные испарения венецианской лагуны. Медленно шагает он по траве большого луга, вдоль кустарников, отделяющих виллу от деревни и автостреды, и старается точно установить, с какого места сфотографировал дом журналист, написавший подробнейший отчет о скандальном происшествии. Тех пяти монашек уже и след простыл. Их, как водится, рассовали по разным монасты-

рям Италии: так всегда поступают в Ватикане, когда надо убрать кого-нибудь с глаз долой. Год назад лица этих монахинь целую неделю не сходили со страниц газет и журналов. Несовершеннолетние матери и их дети, находившиеся здесь под опекой, тоже как в воду канули.

С опаской глянув на белый балкончик, круто нависавший над входом, он переступил порог перед широкой дверью. Он помнил, как монахини и подопечные Дома милосердия стремительно проскакивали под этим балкончиком, уже тогда едва державшимся. Впрочем, грозили обвалиться и все остальные. Примерно раз в месяц какой-нибудь балкончик обрушивался, отчего вдоль стен громоздились груды обломков и мраморной крошки. Потом сделали капитальный ремонт за счет некоторых матерей, разжившихся благодаря связям с окрестными промышленниками. Вот один из многих вопросов, заданных судьей настоятельнице: «Почему вас не интересовали источники пожертвований ваших подопечных на ремонт здания и организацию увеселений?»

Он прошел в просторный внутренний двор, уставленный множеством фонтанов с зеленоватой водой в чашах и широкими листьями какого-то, должно быть, африканского растения. Вокруг было развешено по крайней мере штук сорок матрасов для просушки. По всему видно: они висят здесь не первый день. Сторож виллы, маленький человек с угрюмым взглядом, разглагольствует о необходимости бороться с гнильстью, но, похоже, это намек на меры иного рода, более глубокие и основательные. Поднявшись по широкой лестнице, ведущей на второй этаж, он с замиранием сердца вслушивается в щемящее безмолвие пустого, покинутого помещения. Перед ним широкий коридор, куда выходят многочисленные весьма скромно меблированные комнаты: две кровати, маленький шкафчик, ширма, белый кувшин в стенной нише. Большой туалет в середине коридора. Он освещается через люкарну, как в оранжерее. Повсюду цветы: они свисают из горшков на веревочках, стелются и кустятся на полу в обрамлении широких узорчатых листьев. Здесь все устроено для романтических прогулок к ватерклозетам и четырем ваннам на фоне цветастых обоев. Присев на деревянную скамеечку, он погружается в пряный цветочный аромат. На полу просторного светлого холла большая, грубо сработанная плешка с желтыми маргаритками. Рядом мраморная маска с отверстием посередине, через которое из подземного калорифера посту-

*

Ты навсегда обладаешь
лишь тем,
что имел в детстве.

*

Необходимо вновь
стать детьми,
чтобы править.

52
53

пает воздух — зимой теплый, летом прохладный. На нижнем этаже находится кухня. В центре огромного помещения — стол с остатками роскошного пиршества: крутые яйца, хлебные крошки, обглоданные и побуревшие, словно от ржавчины, кости, рваные капустные листья, заплесневелая картошка, пустые бутылки от вина и шампанского; тут же помет домашних животных, привлеченных сюда вкусными объедками. Здесь, видно, и происходило новогоднее застолье, приведшее к таинственному исчезновению Мариэтты Пальюги, чей труп был впоследствии обнаружен в лагуне. Вся история и началась с того, что рыбак Томмазо Каньин наткнулся на бедняжку, колыхавшуюся на волнах, и тут же выловил со дна множество гипсовых статуэток младенца Христа, наверняка служивших, чтобы изготавливать ясли Христовы для всей округи. По этому поводу на суде был задан другой вопрос, бросающий тень на поведение монахинь: «Правда ли, что женским молоком вскармливали статуэтки младенца Христа?» Правда. Живые младенцы требовали материнской заботы, но едва из припухших грудей начинало струиться молоко, его впитывали гипсовые уста, приставляемые к соскам кормилиц. Впрочем, подобное уже было в монастыре Санта-Моника ди Бельмэр... И вот когда в новогоднюю ночь Пальюги попросила у них молока для своей дочки, они не дали ей ни капли. Из-за этого все и смешалось в голове у бедной женщины. Ночью она выбежала на заболоченный берег и утопилась, в отместку прихватив с собой все статуэтки младенца Христа. Но разве монахини не знали того, что творилось в приюте? Защищавший их адвокат убедительно доказал, что монахини тут совершенно ни при чем. Они считали, что приходившие в приют мужчины, солдаты, промышленники и даже чернорабочие были родственниками матерей-одиночек. Однако из-за невольного попустительства монашек все здесь происходило как в обычном публичном доме. С выяснением этого обстоятельства дело постепенно замяли, и сообщения о нем сошли с первых страниц газет. Приговора ждали теперь только вещи, цветы, матрасы, брошенные на вилле. Но что-то неясное еще носилось в здешнем воздухе. Казалось, он наполнен голосами, отзвуками фраз, произнесенных теми, кого судьба забросила неведомо куда. Наш герой тоже ждал ответа. Ноги сами привели его сюда, ведь он был одним из главных свидетелей на процессе, куда пришел добровольно, чтобы поведать об интимных отношениях с одной из монахинь — о самом потрясающем переживании в своей жизни.

*

Осенью

первый лист опадает
с оглушительным
шумом, потому что
с ним падает весь год.

Но этому показанию противопоставили другое, столь же вероятное: одна из молодых матерей призналась, что не только она, но и другие часто выкрадывали одежду у спавших монахинь и прикидывались Христовыми невестами, чтобы урвать у мужчин побольше денег. Так удалось замутить истину. Но он прибыл сюда, сгорая от желания вновь увидеть знакомые места и рассеять сомнения по поводу той мистической встречи, которая перевернула всю его жизнь.

КВАДРАТНАЯ ТЕНЬ

В одном из закоулков старого Самарканда на коврик, расстеленном посреди комнаты на глиняном полу, сидит Малик-ака. Он пьет чай, то и дело подливая себе из чайника с новым металлическим носиком вместо сломанного. Чай зеленый, как принято в этих краях. У стены стоит старый расписной сундук. Солнечный луч, проникая в комнату через полуоткрытую дверь, тянется к сундуку. Малик-ака спокойно потягивает чай. Он не сводит глаз с двери, за которой то и дело мелькают тени. Это тени знакомых ему юношей и женщин. Но только тени, потому что сами тела расплываются в палящем солнце, словно чернильные кляксы на промокашке.

*

К сожалению,
настоящие слова
прячутся под языком.

*

Я ныряю в слова,
как в воду.

Но однажды вечером явилась незнакомая тень. Темная, большая и квадратная. Она вытесняет свет и приближается, цепляясь за камни. Вот она взобралась на глиняные дувалы, заполнила все щели, закрыла даже голубые купола. Малик-ака видит, как внезапно темнеет и наступает глубокая тишина. Пиала с чаем падает у него из рук.

ПУСТЫЕ СТУЛЬЯ

Этот человек был толстым, он носил теннисные туфли даже зимой и ступал так осторожно, как будто боялся раздавить яйцо на дороге. У него было пухлое тело и добрый рассеянный взгляд. Он отлучался из городка и ездил по деревням продавать и выменивать небольшие отрезки ткани на зерно, кукурузу и горох. Однажды кто-то заподозрил, что он педераст. Тогда в городке все стали бояться его. По воскресеньям, когда кино-театр «Эден» был так полон, что многим приходилось смотреть фильм стоя, он сидел в середине зала, окруженный свободными местами. И когда делал знак кому-то, показывая на свободные стулья, никто не спешил занять их, боясь скомпрометировать себя.

РАСЦВЕТШАЯ ЗИМА

По всей долине реки Мареккья говорили об этом. От Сан-Лео до Градары, от Веруккьо до Монтебелло, по всему краю, который кому-то хотелось бы назвать средневековой трапедией. Старики говорили, что такое цветение зимой, когда распустилось все вокруг, уже случалось однажды — в конце прошлого века. Была лишь середина января, а солнце крошило землю. Вишни, яблони, все фруктовые деревья были в цветах и голодных пчелах. В городке, там, где кончались улицы, люди видели цветущие деревья. Говоря о делах, упоминая о преждевременной весне, крестьяне боялись заморозков. В кафе беседовали о спорте и о цветах. Время от времени поднимались со стульев и шли туда, где кончались улицы, смотреть на цветущие деревья. Альберто приехал в свой городок из столицы, где жил вот уже двадцать лет, потому что они с женой решили развестись. На самом деле они разошлись уже четырнадцать лет назад. Теперь должны были официально оформить у судьи соседнего городка свои отношения. Альберто приехал в субботу, к судье они должны были явиться в понедельник. Перед их большим домом сад был в цвету. Он и жена ходили под расцветшими яблонями и вишнями, изредка обмениваясь словами. И эти деревья они сажали вместе. На следующий день — в воскресенье — пошли к реке, на берегу которой было множество цветущих деревьев. Молча возвращались домой. Она пошла отдыхать. Альберто остался сидеть в кресле, слушал пластинку. Дети, уже взрослые, уходят в город. Жена встает в пять часов. Готовят себе чай. Остаются вместе до позднего вечера. Возвращается младший сын, зажигает свет и видит, что оба сидят у потухшего камина.

В понедельник, в десять утра, в сопровождении адвоката садятся перед столом судьи. В здании суда полным-полно народа из-за долгого процесса, который вот уже десять дней держит в напряжении городок, по делу торговцев недоброкачественной колбасой. Судья пишет и громким голосом повторяет то, что пишет. Жена молчит. Альберто уточняет что-то, касающееся одежды и лекарств. Возвращаются домой. Едят, снова гуляют, чтобы еще раз посмотреть на цветущие деревья. И в суде тоже говорили об этой странной, нечаянной весне. Альберто уезжает рано утром. Его жена еще в своей комнате. Когда он выходит на улицу, то видит, что все цветы осыпались. Он слышал, что ночью шел дождь и дул сильный ветер. Воздух стал холодным. Зовет жену, чтобы сказать, что цветы осыпались.

*

Кто влюбляется,
влюбляется в самого себя.
Но кто кончает жизнь
самоубийством,
убивает другого.

Она выглядывает в окно и видит, что все вокруг до самого моря стало белым, как будто выпал снег. Спускается. В халате потенно бродит в саду, наступая на лепестки, покрывшие траву. Собаки идут рядом, не лая и не устраивая праздника. Ее больше огорчают осыпавшиеся цветы, чем то, что произошло между ними. А может быть, то и другое. Второпях желает ему счастливого пути, и этот путь был на всю оставшуюся жизнь.

АРБУЗ

Я вышел на улицу и хотел перебежать на другую сторону Пьяццале Клодио, к газетному киоску. На шоссе перед домом было полно машин, стоящих на светофоре. Думаю: «Все же успею перейти дорогу до того, как загорится зеленый свет». Но когда я уже был в середине пробки, машины вдруг начали двигаться, и один черный автомобиль задел меня. Я отскочил и в бешенстве накричал на водителя. И тут вижу в пятидесяти сантиметрах от меня, через стекло заднего сиденья, царственное лицо Папы Иоанна XXIII с его летящими и чуть движущимися ушами. С легкой улыбкой Его Святейшество быстро проводит в воздухе рукой сначала сверху вниз, а затем горизонтально, благословляя меня. Но я почувствовал себя разрезанным на четыре половинки, как будто голова моя была арбузом.

*
Отчего потерянные вещи
не желают
быть найденными?

УПАВШЕЕ ПЕРЫШКО

Синьора была одинока и обитала с кошками, не допуская в свою жизнь людей. Каждую ночь перед сном она клала с собой рядом на кровать то книгу, то какую-нибудь вещь или письмо, чтобы увидеть во сне то, что любила. Однажды она положила на одну из подушек перышко, которое ей подарил когда-то ее молодой возлюбленный. И увидела во сне, что этот юноша убивает ее.

СИНИЙ ПЕС

Уму непостижимо, как происходят некоторые вещи. Даже самые незначительные. Однажды бродячий пес привязался к прохожему, следовал за ним по пятам весь день и к вечеру припелся к нему домой. Будь этот человек богат, имей он большую квартиру и поменьше детей, он, вероятно, с удовольствием приютил бы пса, тем более что тот выглядел забавно: на белесой шерсти причудливые синие пятна — видно, запачкался, слоняясь возле красивых чанов. Кстати, сам этот человек, по имени Мухам-

мед, работает в старой красильне, где во дворе целыми днями сушится окрашенная ткань.

Детям пес понравился, но Мухаммед все равно решает избавиться от него: семью и ту трудно прокормить, да и негде держать собаку — сами они ютятся в двух комнатенках. На следующий день Мухаммед встает раньше обычного и идет на базар, где в этот час уже порядочная толкучка, теряется в толпе и в два счета ускользает от пса. Но рано обрадовался — пес к вечеру возвращается к дому. Тогда Мухаммед решает день не работать и пешком отправляется на окраину. Он бредет и бредет, а пес то трусит рядом, то тащится позади. Мухаммед присаживается в тени одного из домов, окаймляющих неровную, залитую солнцем площадь, и засыпает. Пес пристраивается около и следует его примеру. Мухаммед пробуждается, пес еще спит. Тогда Мухаммед крадучись уходит. Оставив бедного пса в узкой полоске тени, на пыльной земле, он с облегчением вздыхает и направляется в центр, где слоняется до вечера — все равно рабочий день пропал. Тут уместно сказать правду: у него нет постоянной работы. Его нанимают поденно развешивать и снимать окрашенные ткани. Так что ненадежный заработок может частично оправдать его жестокость по отношению к животному. Да и жестокость ли это? Он ведь не прогнал пса палкой или пинком. Напротив, много раз объяснял ему: «Пойми, не могу я тебя держать, ведь у меня то да се». Словом, он дал понять собаке, что она ему не нужна. Может, потому та и привязалась к нему, как привязывается в подобных случаях женщина к мужчине или — бывает и так — мужчина к женщине.

Хотя любовь любви рознь. Одни отступают при первой же неудаче, другие упорствуют: то ли не могут совладать со своими чувствами и готовы на любые унижения, то ли надеются, что смелость города берет. Неизвестно, чем руководствовался пес, но он снова вернулся к Мухаммеду. Семья сидела за столом, когда кто-то подозрительно заскребся в дверь. Открыли: на пороге стоял пес. У Мухаммеда кусок застрял в горле.

На следующий день Мухаммед садится на осла и выезжает за город. Вслед за ним трусит белесый, перепачканный синей краской пес. Мухаммед то и дело оборачивается и укоряет его: — С чего ты вбил себе в голову, что именно я должен тебя содержать? Вон какой город большой, что бы тебе выбрать другого хозяина, пристал как банный лист... Нуда тебя девать, ума не приложу. Шел бы ты ко всем чертам.

*

Каждый раз, когда тону,
забываю просить о помощи.

*

Существует
и добровольное рабство:
противоречивое
и полное тайны, когда ты
в плену очарования.

Так они и плетутся по пустыне. Мухаммед время от времени расстилает коврик и углубляется в молитву. Наконец они подходят к небольшому селению, вокруг овцы пощипывают чахлую траву. Здесь Мухаммед решает передохнуть — они уже два дня в пути; за это время пес не раз его выручал: например, когда ветром сорвало с головы тюрбан и понесло по песку, а Мухаммед никак не мог догнать его.

Но на этот раз дело, кажется, идет на лад: пес, хотя не упускает хозяина из виду, с удовольствием гоняется за овцами, а к исходу дня резво помогает пастуху собирать стадо. Себе на беду он становится слишком доверчив и однажды вместе со стадом уходит на пастбище, на холмы. Мухаммед этим пользуется и возвращается в город, к своей семье.

Проходит несколько дней, и у Мухаммеда появляются какие-то новые привычки и жесты, которых раньше за ним не водилось. Скажем, на улице он то и дело оборачивается. К чему бы это? Кого он ищет, кого хотел бы увидеть у себя за спиной? Дома, особенно во время еды, он без конца прислушивается. Встает, открывает дверь: ему кажется, что кто-то стучит или скребется. Кончается тем, что он оставляет дверь открытой. Лишь только в залитом солнцем проеме двери мелькнет тень, он замирает с ложкой в руке. Короче, все догадываются, что Мухаммед ждет пса. Жалеет, что не оценил такую преданность. Более того, понимает, что и сам по-настоящему привязался к нему. Мухаммед взбирается на самые высокие террасы, внимательно разглядывает сверху площади и улицы, посещает те места, где пытался удрать от пса, отправляется на окраину, где они вместе дремали в тени. Наконец снова садится на осла и пускается в путь. По прошествии двух дней он приезжает в то самое селение, где паслись овцы, и расспрашивает пастуха, не видал ли тот пса. Тот говорит, что пес сразу же после отъезда Мухаммеда сбежал. Куда? Пастух показывает туда, где вдалеке виднеются развалины. Мухаммед приближается к развалинам, встречает старушку, которая сосет гранат. Она объясняет ему, в какую сторону ушел пес. Снова в путь. Мухаммед идет все дальше и дальше. Вокруг раскаленная пустыня — ни деревца, ни укрытия. Песок и безлюдье.

А пес в синей краске, запыленный и усталый, возвращается в город и по знакомым запахам находит дом Мухаммеда. Вот он в дверях, семья радостно встречает его, всем ясно: раз вернулся пес, вернется и хозяин.

*
Когда осенью
гаснет свет дня,
мы превращаемся
в пейзаж на закате.

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Англичанин и русская познакомились на Капри, и между ними возник короткий, но бурный роман. Затем англичанин уехал в Лондон, а русская вернулась к своим бескрайним равнинам. Они решили поддерживать отношения, разыгрывая шахматную партию по переписке. Время от времени из России приходило письмо с очередным ходом, а в ответ шло письмо с цифрами и буквами из Лондона. Тем временем англичанин женился и произвел на свет троих детей. Русская тоже счастливо вышла замуж. Заочная шахматная партия — по одному письму каждые пять-шесть месяцев — продолжалась в течение двадцати лет. Но однажды англичанин получил письмо, содержавшее хитрый ход конем, который стоил ему королевы. И тогда он понял, что ход этот сделал кто-то другой, чтобы сообщить ему о смерти возлюбленной.

ДВЕ МОЛОДЫЕ ЯПОНКИ

Один плюс один —
не всегда два.
Если сложить
две капли воды,
получится
одна большая капля.

Мои прогулки пешком чаще всего необъяснимы. Главное в них — неоправданность. Однажды я спустился к каменистому берегу Маренкьи. И неожиданно для себя подбираю камень и долго рассматриваю его. В этот самый момент у меня возникло впечатление, что это и было целью моего поспешного приближения к речке. В октябре я долго стоял, зацепившись руками за решетку, ограждавшую покинутый сад. В этих местах у мельницы Бергантини жила прошлым летом одна семья из Римини. Смотрел на полянку, где на траве валялся розовый мяч рядом с грустной пирамидкой, сложенной кое-как из камней. Там же, в траве — забытая столовая ложка. Спросил себя: «Была ли эта ложка кем-то выброшена туда или ее положили на полянку специально для игры?» Так я снова оправдал цель моей прогулки. Сегодня шел по тропинке в Ранко, изредка трогая зеленый мох ее каменной ограды слева. Казалось, что туман застилал мне глаза, вернее, ясность взгляда сквозь легкую пелену. И только когда увидел прямо перед собой двух молодых японок, поняв, отчего спустился сюда пешком. Лишь любопытство, вызванное ими, привело меня в Ранко. Непонятно почему, я посторонился, пропуская их. Несколько секунд наблюдал танец легких шагов под двумя белыми зонтиками, которые оберегали их от взглядов солнца и людей. Как мне рассказывал Санчизи из Пеннабилли, тот самый, что часто ездит купаться в Черных бассейнах, эти два юных существа приняли приглашение подруги убежать из Японии

в страшный год землетрясений и отравленного воздуха. Поселились в Перудже с тем, чтобы посещать Университет, куда давно уже записались и были приняты. Приехав в Перуджу, однако, не вынесли радостной суматохи студентов и попросили снять для себя жилье в более отдаленном и тихом месте. Остановились в Ранко, недалеко от Перуджи, в огромном пустом доме рядом с конюшнями и сараями, более никем не используемыми. Два раза в неделю туда заезжал торговец на грузовичке и привозил хлеб, питье и другие продукты.

Заметил, как они остановились у входа в дом и ждали, пока я подойду. Необходимо, чтобы хоть кто-то сумел когда-нибудь объяснить, что может означать одна простая встреча. Оба этих создания стояли передо мной, слегка наклонившись вперед, словно хотели этим подчеркнуть их поэтичную неуверенность; но, возможно, это был всего лишь присущий им способ вступить в беседу.

Я застыл, стараясь показать невинность моего любопытства, и оттого ничего не спрашивал. «Мы можем Вам показать нечто удивительное», — говорит одна из них. Закрывают свои зонтики и делают знак следовать за ними в дом.

Поднимался по разбитым и темным лестницам, ведомый радостными окликами обеих японок. Они помогали себе запыленным светом, который просачивался сквозь редкие дыры старых стен. Словно я следовал за бабочками с поднятыми ветром крыльями. Чувствовал, как ко мне липнет паутина качающихся на ее нитях пауков-эквилибристов. Поднялись в комнатку с закрытым окном. Свет просачивался сквозь многочисленные щели. «Открой», — говорят мне обе, показывая на затворенные ставни. Опершись обеими руками о старое дерево, толкаю створки окна наружу. Перед моими глазами — распахнутое белое облако ароматных лепестков. Это была старая вишня, расцветшая на верхнем поле, к высоте которого лепился дом. Я хотел взорваться криком восхищения и опрокинуть его на обеих девушек, но не нашел их за своей спиной. В тишине, вызванной этим сюрпризом, слышу плач, доносящийся с лестничной площадки. Это плакали они, счастливые тем, что смогли подарить мне эту сказочную встречу.

УЙТИ, КАК ПРИЙТИ

Я вернулся в Ранко, когда орехи уже падали на черепичную крышу хлева. Стояли теплые дни осени, и две японки более месяца оставались в Перудже, совершенствуя свои знания в итальян-

*
Пыль оседает
на предметах,

даже если они бесценны.

*
В глазах у персов —
солнечная печаль.

ском. Теперь они возвратились в большой дом Ранко. Я надеялся встретить их на узкой полоске камней вдоль Маренкьи, где они, как я знал, собирали дикие травы. Их самих нигде не было, однако я заметил, что ворота большого дома приоткрыты; тогда я вошел, поднялся на второй этаж к их комнатам. Остановился на площадке лестницы и достаточно громко сказал: «Я тот самый человек, которого вы привели смотреть цветущую вишню».

Немного погодя отворилась дверь, и две японки пригласили меня войти. Первая комната была совсем мала, в центре расположился белый ковер, выложенный из зернышек риса. Его пересекал ручей, обозначенный камешками, которые к северу сужали пространство между ними, оттого и создавалось впечатление бегущей воды. Говорят мне: когда мы смотрим на этот ковер, чувствуем себя японками. Вскоре зажигают три свечи и демонстрируют свое умение перемещать пламя свечи в любом направлении. Обмахивали быстрыми движениями кистей рук с разноцветными веерами пламя свечи. Оно склонялось, послушное малейшему колыханию воздуха, потревоженного веером. Я долго любовался танцем пламени, которое принимало изогнутую форму сгибающихся в гармонии тел. Мягкие сумерки заполнили комнату, как только они погасили свечи, и белизна рисового ковра выступила еще ярче. Немного погодя мы распрощались, и наши тени были более сильными, чем наши тела. Попросили меня вернуться в день, когда пойдет дождь.

Первая гроза в этих местах пришлось на среду, через несколько недель после нашей второй встречи. Я был дома, в Пеннабилли, и смотрел, как домработница под зонтом собирала хурму. Думаю, надо сходить в Ранко к двум японкам, ведь я им обещал вернуться в день дождя. Я останавливаюсь, как всегда, у моста в Прессале и оттуда спускаюсь, укрывшись большим зеленым зонтом, который давным-давно приобрел у одного пастуха. Подхожу к большому дому, нижняя дверь чуть приотворена. Снова поднимаюсь на второй этаж и потихоньку стучу в дверь, которая тотчас отворяется, будто за ней уже ждали меня. Иду за девушками. Проходим мимо рисового ковра и, кажется, еще две комнаты. Останавливаемся у стеклянного окна, через которое видно еще одно закрытое помещение. Крыше над ним не удастся направить дождь к водосточным трубам. Замечаю, что обе японки, обернутые в прозрачные целлофановые накидки, расставляют бутылки под каплющую с дырявого потолка воду. В горлышки для этого вставлены старые ржавые воронки.

*

Нас может по-настоящему
растрогать лишь нежность
к самим себе.

*

Смерть
вовсе не навязчива —
приходит лишь один раз.

Вскоре японки выходят из неустроенной комнаты, теперь они рядом и без защищавших их накидок. Мы стоим у окна и смотрим на двадцать бутылей на полу. Они собирают, словно жемчуг, капли дождя. Музыкальные звуки, производимые ими, как влажные мотивы, исполненные тайны. Когда дождь стихает, мы усаживаемся на какие-то лавки, тем временем одна из них бежит и приносит из комнаты бутыл, полную дождевой воды. Вынимает воронку и кладет на подоконник. Другая передает мне большой опустевший домик улитки. Так я пью принесенную дождевую воду. Она кажется мне скользкой, с привкусом молний, исполозовавших небо. Когда мы наконец выходим из этой комнаты, то оказываемся в той, где на полу разложены три циновки. Они приглашают меня прилечь, почти неощутимыми жестами раздевают меня, и я натягиваю на себя кимоно. В их движениях не было ничего сексуального, скорее почтительное уважение к старости.

«Мне девяносто лет», — сказал я. И они ложатся рядом на циновки, и мы укрываемся тонкими пуховыми покрывалами. Говорят мне: «Расскажи что-нибудь». Помимо воли произношу какие-то слова: «Многие совсем не замечают легкий ветер, который стелется по дорогам и живет в домах. Это неподвижный воздух, но он, однако, слегка поднимается снизу вверх, мягкими скачками».

Обе японки слушали, прикрывая лица веерами, когда мои слова изумляли их. «Я уверен, что в другой жизни наше присутствие должно быть и в этих легчайших движениях неуловимого воздушного аромата». Мы заснули, слушая это мое послание им и прежде всего самому себе. Утром они предложили мне чай из диких трав, что собрали в камнях Марекньи. Я ушел, прощаясь с ними не глядя и не оборачиваясь, словно мне было стыдно. Жаль, поскольку я их больше никогда не увидел. Они неожиданно уехали в Рикун-центакату, на север Японии, где цунами разрушил и город и весь сосновый бор, который насчитывал семь тысяч деревьев. Спаслась лишь одна сосна, и все дни люди идут к ней, чтобы нежно погладить и принести воду к ее корням. И обе японки теперь рядом с сосной, быть может, говорят с ней или целуют. Как только узнал, что они возвратились в Японию, я снова навестил Ранко. И не один раз, прежде чем грозы сорвали мертвые листья с ветвей и тяжелый снег прогнул старые прокладки крыш в верхних комнатах. Так произошли первые обвалы в доме, они погасили собою все слова, прошепанные двумя молодыми японками. Последний раз, когда я вновь оказался в Ранко, переворачивал

*
Есть бабочки,
живущие

всего лишь сутки.

В этот

единственный день

им выпадает насладиться

светом исполнения

всех желаний.

камни — груды обломков от большого дома. Я будто искал то, что могло остаться от них. И действительно нашел маленький овальный камень, один из многих, что обозначал ручей без воды. На нем было что-то написано. Мне помогла в переводе невеста Джакомино, что живет у истоков реки.
Уйти, как прийти.

Теперь я часто повторяю самому себе это послание, которое мне оставили две японки.

*

В какой-то момент жизни
падают, разрушаются стены
комнат и городов,
в которых жил или видел,
и остаются лишь прозрачные
перегородки памяти.

Два рассказа — «Две молодые японки» и «Уйти, как прийти» — вошли в последний прижизненный сборник Тонино, выпущенный к его дню рождения — 16 марта 2012 года.

Лора Гуэрра

ЗАПРЕТНЫЙ ТАНЕЦ

Последний киносценарий

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК. НАТУРА. ДЕНЬ.

На белоснежную поверхность падает длинная черная тень от обелиска или колокольни.

В узком переулке кто-то невидимый тянет за веревочку в дом игрушечную пластмассовую лошадку.

Старики тащат стулья и тазики, наполненные водой, в тень от колокольни и усаживаются в ее прохладе. Каждый смачивает в своем тазике носовой платок и накрывает им лицо от жары и духоты. Вместо лиц теперь видны лишь квадраты белых платков. Слова стариков звучат как заклинание.

*

Отчего все более слабеет
высокий голос религии
в отрицании богатства?

*

Великие наслаждения
можно испытать
лишь вместе,
разделяя с другими
радость или восторг.

Голос. Молю тебя, Господи, ниспошли нам дожди!

Другой голос. Все вокруг выжгло солнце...

Еще один. Трещины в земле, как крах нашей надежды.

Белая овечка заходит в тень и ложится рядом со стариками.

МОНАСТЫРЬ. НАТУРА. ДЕНЬ.

Бедный женский закрытый монастырь на невысоком холме. Высохший, неухоженный сад окружает его.

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК. НАТУРА. ДЕНЬ.

С монастырского холма хорошо виден раскинувшийся на равнине белый старинный городок.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. УТРО.

В монастыре обитают пять молодых монашек-затворниц. Они идут по длинным просторным коридорам обители, в которой в былые времена коротали свой век не менее сорока сестер.

МОНАСТЫРЬ. ФЛЭШБЭК.

Первые сцены рассказывают нам о жизни сестер, которые бредут по монастырю с вечно склоненными головами, словно их гнетет стыд. Мы видим всех пятерых в то время, когда они усаживаются за длинный стол в трапезной. Перед каждой стоит тарелка с двумя листьями салата и половинкой сваренного вкрутую яйца. Ряд эпизо-

дов из повседневной жизни монашек проходит перед нашим взором во время их скромной трапезы.

Вот в зимний день они наполняют стаканы снегом и капают туда зеленую душистую мятную настойку...

А вот весной сестры наблюдают, как падают лепестки цветущей вишни, и прежде чем они коснутся земли, ловят их на ладони, а потом нежно опускают на пушистую траву.

МОНАСТЫРЬ. НАТУРА. НОЧЬ.

Но возвращаемся к настоящему моменту: монашки стоят во внутреннем дворике монастыря и смотрят на небо, словно в ожидании чего-то очень важного.

Их охватывает внезапная радость, как только из-за густой вершины высокого кипариса показывается полная луна. Они хлопают в ладоши, заворуженные началом лунного спектакля.

*

Снег падает
не для одного человека,
закрытого
в собственной клетке
страха.

*

Жить — это значит
чувствовать скрытое
дыхание
и одного листка.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. РАССВЕТ.

Раннее утро. За окнами главной церкви небо еще темно. Пять сестер в молитве распростерлись на полу. Через открытое окно храма неожиданно wpłyает белое облако и движется к алтарю. Оно накрывает собой подсвечники, иконы, все убранство алтаря, и алтарь становится белым. Это сонм маленьких бабочек, неизвестно откуда залетевших в церковь. Проходит всего несколько секунд, и они поднимаются с алтаря и вылетают из окна, сопровождаемые изумленными взглядами монашек. Все пребывают в безмолвном восхищении.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ. ПАВИЛЬОН.

На дальней стене в келье Анжелы установлено большое Распятие. Перед ним стоит низкая лавочка для преклонения колен. Справа у стены — лежанка, а в самом центре убогого жилища — огромный сундук, запертый на замок. Входит Анжела, молодая монахиня. Она высокого роста и хороша собой. Кажется, взгляд ее черных глаз пронизывает тебя насквозь. Анжела преклоняет колени и обращается к Христу на Распятии.

Анжела. Господи, Ты милостью Своею одариваешь и благостью освещаешь мир и нас, затворенных здесь, в монастыре! Молю Тебя, соверши чудо, убереги меня от соблазна! Ты посылаешь ветер к камышам у реки, и мы слушаем их мелодичный шепот. Луна проплывает каждый вечер на наших глазах, и облако белых бабочек, посланное Тобой, летит к алтарю!

(Сундук с нарядами тети! И зачем только она мне его завещала? Ей, великой актрисе, пристало надевать роскошные платья, меняя их для новых ролей!)

Помоги мне, Господи, спаси от бесплодных мечтаний, которые все чаще овладевают мной! Я не хочу изменить себе самой. Освободи от скверных мыслей, что живут во мне!

По деревянной лесенке Анжела поднимается к самому Лику Христа на Распятии и вопрошает Его.

Анжела. Отчего возникают греховные желания? *(И, помолчав немного, добавляет:)* Кто вселяет в нас вожделение и неожиданную страсти дрожь? *(Приближает свое лицо совсем близко к Лику распятого Христа и произносит:)* Любовь моя Великая, Твой свет озаряет и тьму, скрытую в ночи. Многие-многие сестры мои охвачены пламенем желания прикоснуться к Тебе, обнять. Этот огонь жжет изнутри и выявляет сакральные слова и затаенные мысли. Потому я прикасаюсь руками к краю неба и думаю, что касаюсь Тебя.

Анжела спускается, чтобы взять свечу, зажигает ее и снова поднимается по лесенке. Она вновь обращается к Лику Христа.

Анжела. Дай мне знак, даже самый малый, что Ты прощаешь мне мои запретные мечтания... *(Подносит пламя свечи к Лику и снова говорит:)* Если пламя свечи задрожит, я буду знать, что Ты меня слышишь.

Монахиня ждет, не задрожит ли пламя свечи. Но этого не происходит.

Анжела. Вижу, что Ты не хочешь услышать меня!

Девушка начинает спускаться и вдруг замечает, что пламя свечи колеблется... Остановившись, она оборачивается к Лику и вопрошает.

Анжела. Это я нечаянно задела свечу или это знак от Тебя? *(И тут же добавляет:)* Пусть мне дозволено будет думать, что Ты меня услышал, Боже!
Спускается вниз. Вся комната озаряется лунными бликами. Анжела бросается на постель, исполненная радости, и кричит в сторону Распятия.

*
Уличное освещение
должно давать свет
деревьям,
аллеям или домам
вдоль дороги. Однако часто
претендует
на главную роль.

Анжела. Нет, нет, не хочу меняться, не хочу быть другой!

Она поднимается и снова преклоняет колени перед Распятием.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. ИСПОВЕДАЛЬНЯ.

Мы видим, как в зал входит высокий монах, отодвигает занавеску и садится в исповедальне, деревянная стенка которой, как сито, испещрена дырочками. От этого голоса слышны лучше.

Анжела. Сегодня мне опять приснилось, что я нарядилась в вечернее платье. Оно было так красиво, что я чувствовала себя в нем королевой. Но я вовсе не хочу этого. Эти желания, быть может, присущи всем девушкам, но я не хочу.

Исповедник, помолчав немного, так наставлял ее:

*

Богатство
никогда не сможет
утешить меня,
поскольку
я не обладал им
в детстве.

*

Мы собираем
оброненные нами
и забытые в лесу слова.

Монах. Роскошные платья, хранимые в сундуке, вовсе не искушающий тебя дьявол. Только твоё любопытство делает их столь значимыми. Открой сундук и удовлетвори своё любопытство, сделай вид, что ты это все уже знаешь. Лишь хладнокровие может победить болезнь, а ты сейчас в плену твоей собственной фантазии. Уверен, что платья прекрасны, но красоту нам ведь дарит Господь. Можешь рассматривать их несколько дней и будешь, я уверен, в восхищении. Но все проходит, как только обольщающее желание бывает удовлетворено. Я в своей жизни был пленником одной нехитрой мелодии, которую я услышал, когда мне было лет двенадцать. Казалось, впервые я был покорен музыкой, хотя это была достаточно известная песня, но вдруг она стала звучать у меня внутри. Многие годы единственным моим утешением, особенно в трудные моменты, и был этот повторяющийся во мне мотив. Когда я посвятил жизнь Богу, то сразу же понял, что эта мелодия заменяет мне молитву, отодвигая мои мысли о Боге. Тогда я купил кассету и так долго и часто слушал ее на протяжении многих дней, что мне удалось вытеснить навязчивый мотив из моей головы, и молитва обрела светлое и радостное звучание. Послушай, мы сейчас отправимся к тебе и откроем заветный сундук.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ. ПАВИЛЬОН.

Анжела и исповедник подходят к сундуку. Монах открывает его и вынимает оттуда ослепительные наряды. Он раскладывает

70
71

их на кровати с плохо скрываемым раздражением. Потом монах уходит, оставляя молодую сестру наедине со всем этим великолепием.

Анжела рассматривает платья, не сдерживая более своего восхищения. Не в силах преодолеть соблазн, примеряет изящную шляпу с пером и пытается разглядеть свое отражение в оконном стекле.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. РАССВЕТ.

Мы снова видим Анжелу, склонившуюся в молитве с остальными сестрами.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. ДЕНЬ.

Теперь Анжела вместе со всеми послушницами в трапезной. На ужин перед каждой сестрой на тарелке лежит яблоко.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ. ПАВИЛЬОН. ПОСЛЕ ОБЕДА.

Анжела входит в свою келью и зажигает свечи. От их света начинают ярко сверкать стразы — бутафорские театральные украшения на платьях. Анжела долго любуется этим фейерверком цветных вспышек, а затем неторопливо задувает одну свечу за другой.

*

Оптимизм —

аромат жизни.

Оптимизм —

благоухающая ошибка.

Оптимизм —

цветы без корней.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. РАССВЕТ.

Анжела идет в одиночестве по просторному коридору монастыря. Останавливается у часовни, расположенной справа от ворот. Из главной церкви слышно пение сестер. Все пятеро монашек у органа на хорах.

МОНАСТЫРЬ. ОГОРОД. НАТУРА. ДЕНЬ.

В послеобеденное время монахини вскапывают и поливают грядки на огороде. Несмотря на их усилия, видно, что многие растения завяли от засухи. Анжела бросает работу и возвращается в монастырь. Подходит к своей келье.

72
73
МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. ДЕНЬ.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ.

Анжела складывает все платья в сундук и закрывает крышку. Но вдруг замечает, что забыла убрать одно черное платье. Тогда она приносит из кухни в свою келью тазики, наполненные водой. Потом, надев черное платье, смотрится на себя со всех сторон в воду, как в зеркало.

МОНАСТЫРЬ. НАТУРА. ДЕНЬ.

Облаченная в элегантное черное платье, Анжела тихо выходит из монастыря, незамеченная другими сестрами, которые еще работают на огороде.

ТРОПИНКА, ОКРУЖЕННАЯ КАМЫШАМИ.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. НАТУРА. ДЕНЬ.

Анжела быстро спускается по тропинке, вдоль которой растут камыши. Высокие растения надежно скрывают беглянку из вида. Иногда Анжелу пугает пробежавшая ящерка, а иногда даже и собственные шаги. Потихоньку она успокаивается и начинает внимательно рассматривать, что находится за камышами, окружающими ее.

В какой-то момент заросли заканчиваются, и в нескольких шагах от нее видны уходящие вдаль железнодорожные рельсы, вдоль которых стоят фонари. Анжела прикладывает ухо к фонарному столбу и слышит довольно громкий гул приближающегося поезда. Это забавляет ее. От железной дороги к окраине городка ведет маленькая улочка. На ней расположилось скромное здание вокзала. Ослепительно блестят на солнце стальные рельсы и новенькие деревянные шпалы, покрытые черной масляной краской. Анжела стоит, не сводя глаз с уходящих вдаль и теряющихся за холмом рельсов. И вдруг чувствует на себе чей-то взгляд. Обернувшись, она видит молодого человека. Улыбаясь, он заводит беседу.

Юноша. На что вы так внимательно смотрите?

Анжела. На железную дорогу.

Юноша. Рельсы наводят на плохие мысли.

Анжела. И на хорошие тоже. Ты словно путешествуешь, при этом не двигаясь с места.

Юноша. Мой поезд приходит через десять минут.

Анжела. Доброго пути!

Юноша. Вы можете поехать со мной.

*
Горизонты —

иногда за нашей спиной.

*

Неожиданные встречи —
самое приятное.

Анжела. Я никогда никуда не езжу.

Юноша. Я отправляюсь навестить мать, которая живет в соседнем городе.

ДОРОГА К СТАРОМУ ГОРОДКУ. НАТУРА.

Анжела и юноша идут вместе, как будто ведомые кем-то другим. Они молча подходят к первой лавочке на перроне вокзала. Юноша устало садится.

Анжела. Надеюсь, ваш поезд придет вовремя!

Юноша. Скажите, а вы замужем?

Девушка смущена.

Анжела. В каком-то смысле да... Но не так, как вы можете подумать...

Юноша. И в каком же смысле?

Анжела. Долго объяснять.

Юноша показывает рукой вдаль.

Юноша. Вот и поезд...

Он поднимается и медленно идет к прибывшему составу. Анжела идет за ним. Когда они подходят, она нежно подталкивает его в спину, помогая залезть на подножку вагона. Прощаясь, они держатся за руки. Когда поезд трогается, он успевает сказать.

Юноша. Меня зовут Гвидо. Я завтра вернусь и надеюсь на встречу...

Поезд трогается и проносится мимо стоящей Анжелы, которая, кажется, потрясена всем с ней произошедшим.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. ВЕЧЕР.

Анжела незаметно возвращается в монастырь. Она переодевается в монашескую рясу и присоединяется к сестрам на вечерней молитве. Те ни о чем не спрашивают, словно не замечая ее отсутствия.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ. ПАВИЛЬОН. НОЧЬ.

Уже ночью Анжела входит в свою келью. Она поднимается

*
Двигаясь вперед,
иногда необходимо
обернуться.

*
Маленькую ошибку
исправляют большой.

по лесенке и завешивает Лик Христа белым платком. Затем спускается, снимает с себя монашеское одеяние, потом скромную нижнюю белую рубашку и оказывается в чем мать родила.

Анжела долго рассматривает свое обнаженное тело в наполненных водой тазиках. Она ухитряется разглядеть себя и со спины.

Вдруг Анжела замечает, что через щель между полом и дверью кто-то просовывает в келью какие-то клочки бумаги. Она подбирает их и рассматривает.

Это чья-то разорванная фотография. Анжела складывает клочки как пазл и в страхе понимает, что перед нею Лик Христа. Платок, которым она прикрыла Лик, вдруг спадает, словно по воле Самого Сына Божьего.

Анжела быстро накидывает исподнее, поднимает упавший платок, ложится на постель и закрывает теперь уже свое лицо этим платком.

МОНАСТЫРЬ. ТРАПЕЗНАЯ. ПАВИЛЬОН. ДЕНЬ.

Сестры в трапезной. У каждой в тарелке лежит по грецкому ореху. Все одинаково для всех.

*

Болезнь
не любит равнодушия.

*

Думаю, что жизнь
необходимо собирать,
как фрукты с деревьев.

МОНАСТЫРЬ. ВНУТРЕННИЙ ДВОРИК.

НАТУРА. ДЕНЬ.

Теперь сестры стоят во внутреннем двореке монастыря. Перед ними вишня — она вся покрыта красными листьями (так бывает при засухе). Внезапный порыв ветра срывает с дерева все листья, и земля словно покрывается красными заплатками.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ. ПАВИЛЬОН. ДЕНЬ.

Анжела, быть может, вспоминая о вишневых листьях, надевает на этот раз красное платье из сундука. Она обращается к Богу:

Анжела. Боже, разреши мне еще одну встречу с этим юношей! Мне хочется узнать его получше, понять. Я не в силах погасить в себе это желание.

ДОРОЖКА, ВЕДУЩАЯ

К ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. НАТУРА.

Мы вновь видим Анжелу идущей по дорожке, окруженной камышами. Она в роскошном красном платье и выглядит еще болеестройной и элегантной.

Анжела подходит к железной дороге и направляется в сторону вокзала. Присаживается на ту самую лавочку, что и вчера.

Вскоре прибывает поезд. Вернувшийся Гвидо тотчас подбегает и садится рядом с Анжелой. Они некоторое время сидят молча. Потом поднимаются и направляются по улочке, ведущей к городку.

Гвидо. Пойдем ко мне, я живу один.

Анжела. Но я не смогу у тебя остаться.

Гвидо. Ты можешь не оставаться.

Они стоят у двери дома Гвидо. Анжела собирается уходить, но какая-то неодолимая сила удерживает ее. Гвидо хочет ее поцеловать, но девушка отстраняется.

Анжела. Я никогда ни с кем не целовалась.

Он удивленно смотрит на нее.

Гвидо. Еще не поздно научиться.

Анжела. Хотелось бы, но действует запрет.

Гвидо. Давай попробуем.

Анжела. Но я не могу.

Гвидо. Пойдем в дом.

Анжела. Не могу.

Гвидо губами прикасается к ее губам. Наконец ему удается поцеловать ее крепко, по-настоящему. Анжела вырывается. На ходу, обернувшись, говорит:

Анжела. Это было прекрасно, но я не увижу тебя больше никогда!

Гвидо бежит за ней вслед и кричит, что любит ее. Она закрывает руками уши и удаляется. Гвидо, остановившись, пристально смотрит ей вслед.

МОНАСТЫРЬ. НАТУРА. НОЧЬ.

Анжела готовится отправиться в город и в эту ночь. Она надевает другое нарядное платье из тетушкиного сундука.

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК. НАТУРА. НОЧЬ.

Вот Анжела уже на центральной улице городка, сверкающей витринами магазинов. Она уверенно идет вперед, как будто зная зачем. Вдруг за своей спиной слышит знакомые женские голоса.

*
Красотою должно дышать.

*
Думаю, что производимые
нами звуки достаются
в наследство, как и болезни.

Голоса. Анжела! Анжела!

Монашка останавливается, словно окаменев. У нее не хватает смелости обернуться. Тут ее догоняют остальные сестры-монашки. С удивлением она видит, что они тоже одеты в блестящие платья, извлеченные из ее сундука.

*

Москва —
город, в котором
около двухсот театров
и где в Большом
на меня падал золотой
дождь его лож.
В то время
как балеты и концерты
наполняли меня
волшебством.
Если бы
возможным было
укротить пробки и цены
в гостиницах
и ресторанах Москвы,
она могла бы стать
одним из самых
больших портов туризма.
Эта столица,
которая дарит тебе
духовность и воздух
чуть-чуть с Востока,
чтобы ты почувствовал,
что находишься здесь
и где-то еще.

Сестра Серена. Извини, Анжела, но твоя келья была не заперта, и мы решили тоже воспользоваться всеми этими сказочными одеждами...

Анжела, постепенно приходя в себя, молча смотрит на них. Через несколько минут они уже вместе пускаются в путь.

ГОРОДСКАЯ ПЛОЩАДЬ. НАТУРА. НОЧЬ.

Группа молодых монахинь, одетых в элегантные платья, которые полностью преобразжают их, делая раскрепощенными и сексуальными, наконец оказывается в старой части городка. Они сворачивают в узкий переулок, где опять кто-то невидимый за веревочку тянет белую игрушечную лошадку в дом.

Из глубины улицы слышатся звуки тарантеллы, нежно сотрясая воздух. Музыка пронизывает сестер, словно электрический ток... Монахини подходят к площади, где собралось на праздник множество народу. Люди смотрят на танцоров, двигающихся в зажигательном танце. И вскоре, замороженные магическим ритмом, невольно начинают повторять их движения. Вскоре тарантелла завладевает всей толпой. И наши монашки охвачены общим сумасшествием, их тела подчиняются общему ритму, они становятся частью беснующейся толпы. Их платья развеваются на ветру, обнажая разогретые тела.

ДОРОГА К МОНАСТЫРЮ. НАТУРА. НОЧЬ.

Молодые монахини возвращаются в монастырь. С их лиц уже сошла радость. Наоборот, кажется, что они в горестном раскаянии. Время от времени они отрывают клочки ткани от своих разорванных, вымазанных в грязи когда-то шикарных платьев и отбрасывают их от себя, как будто стараются избавиться от греховного наваждения, которое испытали.

МОНАСТЫРЬ. ПАВИЛЬОН. НОЧЬ.

Теперь сестры расprostерты на полу в обычных монашеских одеждах. Они молят Господа о прощении.

КЕЛЬЯ АНЖЕЛЫ. ПАВИЛЬОН. НОЧЬ.

Анжела в своей келье. Она преклонила колени перед Распятием. Лик распятого Христа полон скорби и, как ей кажется, сострадания к ней. Она исповедуется.

Анжела. Несчастье случилось, когда мы возвращались в монастырь. Нас догнали молодые люди. Пьяные... Они были нам незнакомы. Насильники повалили нас на землю, как валият только что срубленные стволы деревьев. Они хватали нас своими железными руками, они вонзились в наши тела, словно в масло. Дыхание мужчины надо мной заставляло сильнее биться мое сердце, я утопала в его голубых глазах, как в бездонном море... И дьявол жег наши тела грешным огнем.

*

Мы должны прокричать
Большие Слова,
которые дойдут до сердца
каждого человека.
Слова, полные живой воды
для народов,
животных и растений,
страдающих от жажды,
которые возродят жесты
застывших без работы рук;
жесты ремесла,
слова, полные внимания
к отчаявшемуся детству.
Это Слова Человеку,
с тем, чтобы создать
единую мечту.

Анжела, замолчав ненадолго, опять заговорила.

Анжела. Они прошлись по нашим телам, как плуг, который распахивает землю к посеву. Закончив пахоту, смеялись.

Анжела поднимается по лесенке, приближая свое лицо к Лику Христа.

Анжела. Ты ведь знаешь, что я желала этого. Я даже подумала, что Ты этого хочешь. И это было прекрасно. Через страдание я опять вернулась к Тебе с чистыми мыслями. Я плакала, упиваясь своим страданием, но теперь знаю, что дьявол отставляет меня. И по воздуху рукой даже смогу написать Твои святые слова.

Анжела спускается с лесенки и руками пишет в воздухе слова. Ослепительно-белые буквы хорошо видны в темноте кельи: «Наконец греховные желания покинули меня, и я твоя навсегда».

Анжела. Не хочу становиться иной, чем я есть.

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК. РАННЕЕ УТРО.

Встает солнце, но весь городок еще спит. По переулкам на ходулях движется фигура. На груди у нее икона Мадонны в серебряном окладе.

Видим дома сверху, с высоты птичьего полета. В фигуре на ходулях узнаем Анжелу, которая в слезах молит Мадонну.

Анжела. Я недостойна Твоего прощения! Молю Тебя, Матерь Божия, упроси Сына Твоего, чтобы Он послал влагу на эту землю и оросил ею все посеvy, которые погибают... Пошли дождь, смилостивись, не дай этим людям умереть от отчаяния...

78

79

Голос Анжелы через открытые окна домов доносится и до просыпающихся горожан. Они поднимаются с постели и пошире распахивают ставни. Вдруг могучий гром сотрясает тишину рассвета, и сразу же дождь обрушивается на запыленный городок.

Анжела, стоя на ходулях, улыбается дождю.

Люди выбегают на улицы, и многие подставляют открытые рты под долгожданные струи. Пелена дождя постепенно полностью скрывает от глаз монахиню на ходулях, но голос ее слышен еще долго.

*

Однажды мы с Федерико
Феллини сидели в машине,
и я все говорил ему
о своей боязни смерти.
А он подумал и сказал:
«Знаешь, Тонино,
может быть, это будет
большое путешествие?»

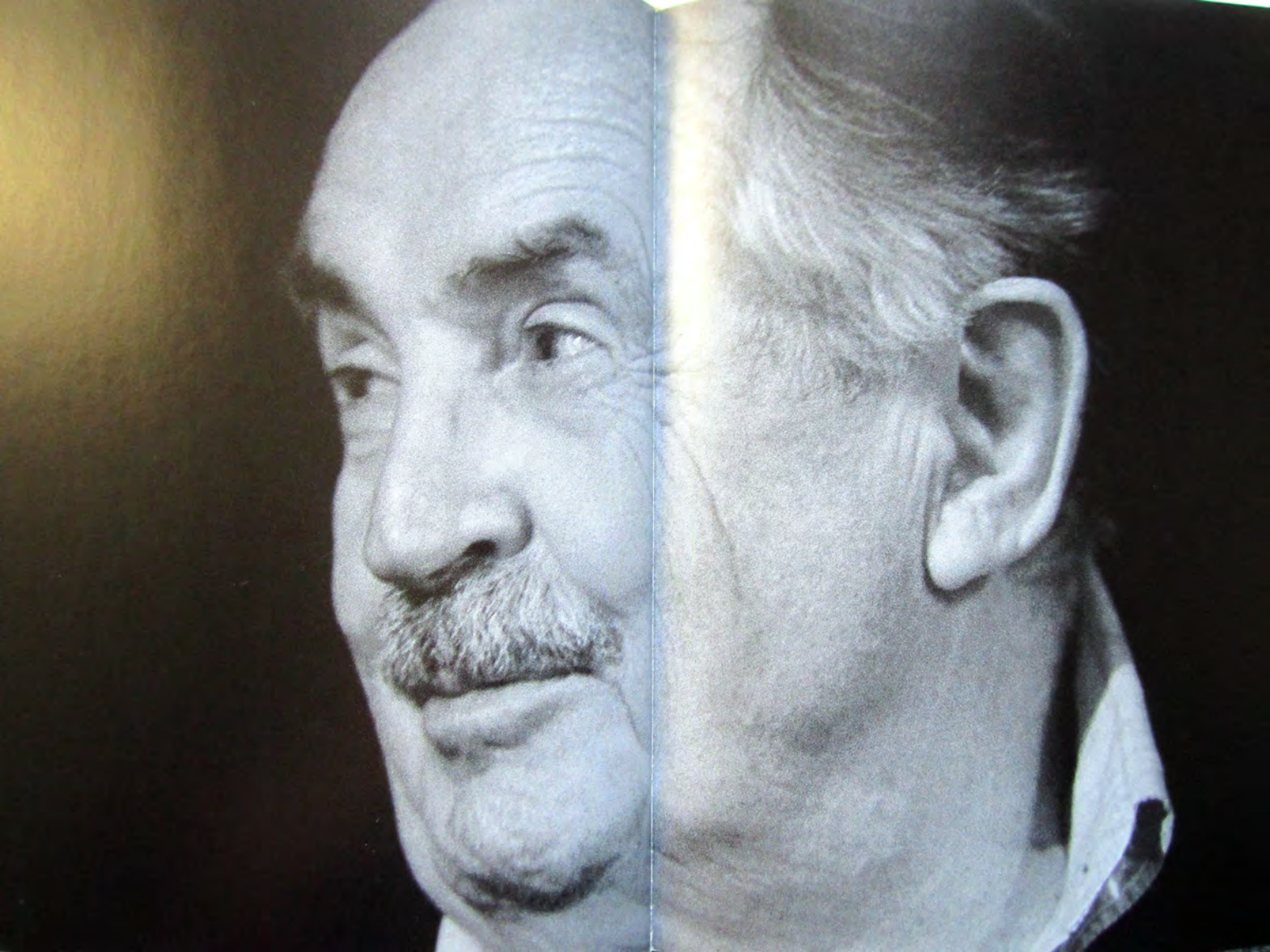
Theresa Scharf
2016

«ГДЕ ВРЕМЯ,
ДНИ ЗА ДНЯМИ...»

—

ПОЭЗИЯ

Yerlin - Guler
2001

ОДИССЕЯ ТОНИНО.

Часть первая

Песнь Троянского коня

Лошадь, полная солдат

Однажды в прекрасное утро
Увидели жители Трои,
Как греки, подняв паруса,
Свои корабли повернули
На Итаку. Сняли осаду.
Троянцы вослед им смотрели,
Со стен головами свисая.
Война десять лет продолжалась —
Во все эти долгие годы
Троянцы стеною стояли.
Их камень от бед ограждал.
Глазам своим верить боялись:
Вмиг сделался берег пустынным,
Лишь конь деревянный остался.
Прекрасный, как замок высокий,
Сверкал золоченой спиной.
Живыми пластины златые
На солнце казались, слепили;
Как будто на гриву его
Во тьме светлячки опустились.
«Внесем его в город!» — кричали.
И думалось им:
«Подарок оставили греки
За все причиненное горе».
Не ведали, что говорили,
Ведь конь в своем чреве пустом
Улисса с солдатами прятал:
Как горы под снегом, молчали.
И вот распахнулись ворота
Под натиском рук торопливых.
И ржавые петли скрипели,
Желанью толпы уступали.
И старцы доверились, вместе со всеми
К колоссу коню подходили,

84
85

Терялись в ногах, как в колоннах
Собора Сан-Пьетро.
И чрево коня над толпою
Возвысилось тучею темной
И солнце сокрыло.
Тянули за длинные корды,
Колеса в песке утопали.
Конь медленно в город вступал.
И хлопали девы в ладоши —
С ним в Трою веселье впускали.
И дети коня окружили.
За хвост его дергали с криком.
И каждый погладить спешил.

Я маялся, не находя себе места от гадкой тревоги, которая
засела у меня в голове после того, как увидел сон.
Приснилось, будто обнаженную Мадонну привязали к брюху
белого коня. Видел это повсюду, даже когда глаза утонули
в воде реки Мареккьи, такой чистой над камнями, как будто
ее не было вовсе. Позднее это ушло.
Я спускался по песку тропинки дубовой рощи. На мои плечи
упал желудь, и вдруг вслед за ним посыпались, как легкий град,
и другие. И не было ветра. Быть может, им захотелось умереть
вместе.
Когда я подошел к капелле Санта Вероника, увидел, что она
превратилась в стойло для одного коня.
Белого коня моего сна.

Торжественно плыл мимо окон
И ник головою,
Как кукла-болван в карнавале.
Робкие девы коня сторонились.
Вскоре, однако, смеясь над собою,
Руки тянули к нему и ласкали.
Толпа ликовала, коня провожала
От врат городских,
Снятых вовсе с петель.
Шли четыре и четверть часа,
Добираясь до верхнего Храма.
По камням не скользили колеса
Оттого, что толпа веселилась.

Праздник истинный к вечеру вспыхнул.
Заиграли свирели, забили тамбуры,
И у старцев сидящих в такт задвигались ноги.
Пили все за неожиданный подарок.
Троя снова ликует —
Их оставили греки.
Уже ноги не держат мужчин.
Сами женщины юбки задрали.
Все смешалось: жена одного
Своей лаской одарит другого.
Руки, бедра, тела — все сплелось на земле.
Вмиг заснули.
Сон свалил в одночасье.
И приснилось всем вместе одно:
Как из чрева коня
Выходили с мечами солдаты.
У них лица, налитые ядом,
И вонзают железо в тела.
Боль слепит, мечи кости ломают.
И уже не во сне разверзаются рты.
Вон не вырваться крику и стонам.
На пронзенных телах
Расцветали кроваво тюльпаны.

Вокруг нас стояла промозглая тишина, но с края неба стекали далекие отголоски грохота пушек и скрежета танков. Совсем иные звуки жили под ногами, доносились из-под земли. Жалобные и неясные стоны, задушенные крики о помощи. Тогда мы поняли, что не все жители этого немецкого городка погибли. Те, кто прятался в подвалах, были погребены под развалинами. Снег тонкой пеленой закрывал все отверстия и щели. Тридцать тысяч погребенных заживо. Крики умирающих под ногами. Мы их давили башмаками. Как окурки. Мы — с круглыми от страха и голода глазами. Тряпье, обмотанное вокруг шеи, негнувшиеся одежды и сабо на босу ногу. Потерянные в этом пространстве отчаяния. Боль вырывалась из-под земли красными криками. Они расцветали на белой простыне снега лопающимися пузырями крови.

В страшном сне не приснится такое:
Наяву лица всех помертвели

И казались осколками луп.
Воздух стыл и густел в тишине.
Его можно ножом уже резать.
И у Храма в безмолвии полном
Покоились трупы.
В легкой мятой рубашке
С трепещущей грудью под нею
Вслед за воином-греком
Величавая шла Андромаха —
Он из Трои увозит ее.
На пиру не смешалась с толпою,
Праздник горький
Ее не затронул.
С гордо поднятой головою
Сына Гектора к сердцу прижала.
Он испуган — глаза круглые, как у совы.
Над пожаром домов,
Над молчанием павших
Утром солнце восстало.
Прилетевшие птицы
Тотчас сгнули прочь от испуга.
Сон зловещий сморил
Греков, бойню затеявших эту.
Кровь от рук не отмыта,
И во сне обнимали тела,
Кого сами жизни лишили.
Улисс плакал,
Сокрушался о жизнях загубленных юных.
Поднял друзей ото сна.
Мертвых в Храм потащили.
Он сделался домом усопших,
Защищал их от солнца и вод.
А детей поместили в том месте,
Где лучи золотые из солнечной пыли
Проливались до самой земли.

И в церкви моего городка — фронт во время войны прохо-
дил у порога домов — всякий день в предвечерний час падал
с высоты луч солнца.
Я вошел в Храм с крестьянином, который нес на руках малень-
кий белый гробик. В нем был его двенадцатилетний сын, погиб-

ший во время бомбежки моста через Маренкью. В то время гробы с усопшими несли в церковь, и я помог ему.

— Куда мы поставим? — спросил меня.

Я показал на луч солнца, который падал сверху в самый центр Храма.

— Видите, куда падает солнечный луч? Давайте поставим его туда.

Мы и оставили его в солнечном луче. Довольно долго стояли молча рядом с маленьким гробом. И в предвечернее время этого дня я понял, что тишиной можно дышать.

В спешке город покинули молча,

Он пылал за спиною у них.

И направились к лодкам,

Которые ждали,

Зарываясь носами в песок.

И сгнуло лето...

И тысяча лет пролетела.

Ветер дул и гулял,

И хлопал дверьми,

Разметая прошедшего память.

Лил и дождь, потом бури прошли,

И палящее солнце рассекало

На трещины землю.

Воздух полон жуков, кузнечики, осы

Поднимаются, вьются,

Как стебли травы.

Рассыпаются стены домов,

Как сухое забытое тесто.

Прах, и пепел, и горы камней

От крепости древней остались.

Я видел эту Площадь в августе 44-го, полную быков, которых немцы пригнали из Равенны, чтобы потом разделанными отправить в голодные города Германии. Я видел Площадь, полную солнца и покрытую засохшим навозом после отправки этих животных. И во всем этом горестном беспорядке живовер, потакая властям, старался поймать и удавить бродячую собаку. Какое абсурдное, нелепое соблюдение порядка в таком распадающемся мире. Я стоял в тени одной из колонн, переполненный состраданием к собаке, которая рылась в навозе в поис-

нах пищи. Когда живодер был готов бросить веревку с петлей в горячий воздух, я закричал, — собака испугалась и бросилась бежать по дороге к реке. Но уже дуло винтовки в руках у фашиста уткнулось мне в спину, и я пересек Площадь пленником безграмотного палача. В то время пустота и безлюдье Площади были оправданы.

Все тихо похоронено травой,
И в голову не может мысль прийти
О том, что год назад всего лишь
На этом самом месте
Мужчины, женщины смеялись вместе,
На дерево цветущее любясь.

Выше средневекового городка Кастельдельчи стоит церковь без крыши. Ее стены держат в объятиях вишню, выросшую внутри. Она поднялась с пола, и ее ветви трогают небо. В апреле — время цветения. Воздух белых цветов скользит вниз до самой долины. Потом появляются плоды. Их любят дрозды и другие птицы — пока листья не начинают краснеть и падать один за другим. Если кому-нибудь доведется подойти к этим стенам и загадать желание в тот самый миг, когда опадает лист, — это благостный знак сверху: твое желание исполнится. Тарковский оказался там в ноябре. Он нуждался в большой милости, но листья уже облетели. Они служили постелью для двух спящих овец. Жить надо там, где слова способны превращаться в листья, раскачиваясь на ветру, или воровать краски облаков.

Песнь Полифема

Гигант только с одним глазом

Фellini искал женщину на роль табачницы в «Амаркорде» и часто набрасывал для меня на бумаге силуэт с огромными бедрами и грудью. Однажды утром рассказал, что ему приснились собственные похороны. Похоронная процессия из одних женщин — бесконечная цепочка пышных округлостей. От их шагов дрожала дорога. И непонятно отчего, но мне сразу же вспомнился крохотный тощий секретарь фашистской партии моего городка, в котором было столько неукротимой злости, что он казался гигантом. Ходил в блестящих сапогах, а брюки галифе

расширялись бабочкой над коленями, опадая к земле. Появлялся на танцевальных вечерах в театре моего городка. Из-за перил верхней ложи протягивалась его рука в фашистском приветствии. В ту пору я был мальчишкой и подбирал конфеты, которые из лож бросали на танцующих. Они застывали под жестом маленького диктатора, выкрикивающего несколько раз подряд: «Эйя, эйя алаа».

Жестокость превращает низкорослых диктаторов в гигантов.

Но возвратимся к полным ветра парусам,
Он гонит в путь и веселит сердца —
Желание одно с ума всех сводит,
И воинов, и самого Улисса:
До берегов родных, до Итаки добраться.
Одна там Пенелопа.
Все десять лет красавицу одолевает
Рой женихов. Склоняют в жены.
Еще прекрасней кажется она,
Поскольку недоступна.
Шаг этот не желая совершить,
Решила к хитрости прибегнуть Пенелопа.
И объявила, что должна вначале
Ковер соткать —
Закончить полотно.
Ткань старому отцу послужит
По смерти — тело обернуть.
Дни сочтены его.
Так утро каждое по метру ткёт,
А вечерами распускает.
И дни текут,
И нет конца работе.
Тем временем проходят годы.
Закончилась Троянская война.
Улисс уж воротиться должен,
Но лодку по ветру уносит —
Его она послушна воле.
Испачкан ветер солью,
Вздывает пену, гривы теребит
У тысячи морских коней.
Улисс с лицом окаменевшим
За древно мачты ухватился,

Пощечины смиренно принимает
От пенистых игривых брызг воды.
Два дня последних
То двигались вперед,
То возвращались вновь.
Пока к крутому берегу их
Наконец прибило.
Зеленым, как салат, им остров показался.
В пещерах наверху
Гиганты обитали, деревьев выше.
По острову Циклопы бродят
Земля дрожит от тяжести шагов.
И бабочки от страха покинули цветы.
Улисс с друзьями спустили с лодки
Вино в огромной бочке.
Осмелились войти в пещеру —
Она казалась больше, чем другие.
Хотели подарить вино тому,
Кто звался Полифемом.
Он жил в пещере.
Там в темноте обилие сыров
По лавкам длинным разместилось.
И каменные чаши в скалах,
Залитые доверху молоком.
Голодные солдаты-греки
В них утонули с головами,
Забыли все и пили до упаду.

В Романье особенно знаменит пещерный сыр. Отверстия в форме груши выдалбливали в скале со времен князей Малатеста, которые покоряли эти земли злаками и сырами. Пещеры тщательно маскировались от похитителей. Совсем свежий сыр помещали в эти углубления, где он и созревал, приобретая легкий янтарный оттенок с пятнами плесени. Мой отец любил пасту с фасолью¹. В еще дымящуюся тарелку сыпал тертый ароматный сыр с резким запахом. Кусочек пещерного сыра всегда носил с собой в маленьком кармане жилета. Иногда вынимал и нюхал его дикий запах, когда ехал в горы про-

1 Фасолевый суп с мелко нарезанной лапшой.

давать свои фрукты и зелень. Он часто брал и меня, маленького, усаживая на телегу. Я слезал с нее, потому что мне хотелось идти рядом. Тогда он давал понюхать осколок пещерного сыра. Его аромат тотчас снимал пелену сна с моих глаз.

Однажды Андрей ребенком поехал со своим отцом, великим поэтом Арсением Тарковским, в Махачкалу на Дни культуры в Дагестане. И рассказал мне об этом путешествии. На сцене театра собрались деятели культуры и коммунистическое руководство, приехавшее из Москвы.

Среди них был и отец Андрея, род которого берет свое начало в Дагестане. В какой-то момент бесшумно отворилась дверь и показались странные фигуры двух старых горцев, одетых в национальные платья, возможно, военную форму. Они устали, и их одежда была в пыли. Двое молча направились по длинной красной дорожке к сцене и по ступенькам поднялись на нее. Из всех сидящих опознали отца Тарковского и, подойдя, преклонили перед ним колени, целуя края одежды.

Поэт, ошеломленный этим неожиданным знаком почтения, жестом поблагодарил старых воинов, и Андрей увидел, как отец сильно побледнел. Старики так же молча повернулись и в полной тишине гордо покинули зал, унося на себе не только дорожную пыль, но и пыль памяти.

Должен сказать, что много времени спустя я почувствовал себя тем же старым воином из Дагестана, когда в Москве в 1988 году увидел отца Тарковского сидящим за столиком в Доме ветеранов кино. Рядом с ним была его последняя жена, и она уже очень пожилая светловолосая женщина. Его сын Андрей совсем недавно умер. Я подошел к столу, ноги не хотели нести меня от растерянности и глубокого уважения, которое испытывал к этому человеку. Он сразу понял, кто я. Его лицо сморщилось от боли и сделалось похожим на восточную маску. Я быстро отвернулся и стал смотреть через окно в сад, чтобы не поддаться самому глубокой грусти. Еще и потому, что нежным и смиренным жестом он гладил мою руку, которой я облокотился о стол. Жест благодарности тому, кто видел его сына Андрея в последние годы жизни. И не сказав ни слова, я повернулся и медленно отходил от стола.

Внезапно воздух задрожал от криков,
В пещеру стадо загонял Циклоп:
По ветру уши у овец
И бление жалкое от боли
В ответ ударам.
Над кучей сбившегося стада
Показывается голова
Невиданного чудища.
С глубокой прорезью
На грубой коже вместо рта,
С остатками сыров и мяса на губах.
На лбу лишь глаз один.
Большой, как круглые часы
На станции у старого вокзала.
Огромный черный шар
С провалом белым
Пугает, блеском ослепляя.

Едва я наклонился поднять дикую сливу в жухлой траве тропинки, как услышал чьи-то шаги. Они наверняка доносились от сухого подлеска. Я обернулся и увидел Ремоне. Впервые. Шел он медленно. Высокий и довольно грузный, он ширился книзу неожиданными округлостями. Ремоне походил на большое доисторическое животное, ведомое запахом. Огромные, как листья инжира, уши не собирали более ни человеческих голосов, ни звуков. До него, возможно, долетали далекие и понятные только ему загадочные сигналы. Рассеянный взгляд видел собственные миражи, не замечая ничего вокруг. Крикнул: «Добрый день, синьор Ремо!»
Казалось, я плеснул тишиной в окаменевшую мягкость его лица. Оно выражало лишь полное равнодушие и отрешенность от этого мира. С его губ скатилось едва слышное бормотание, подобное глухому рокоту водопада.
Зачарованные глаза выглядывали из распухшего тела. В них еще жили далекие отблески памяти.

Скот сразу же улегся
На кучках высохшей травы.
Теперь гигант стал виден
Во весь свой рост.
Над ними возвышался, как Храм,
По ногам ползли улитки вверх.

Вдруг руку протянул
И поднял двух несчастных,
Что на него смотрели снизу.
И тут же съел, как семечки разгрыз.

Когда коты совсем ословели от сна и растянулись на полу и на столе кухни, Ремоне берет их одного за другим и закрывает в своей спальне. После чего он высовывает руку из окна. Его ладонь полна крошек хлеба. Свободной рукой тянет на себя сальную занавеску и прячется за нею. Птицы не заставляют себя ждать, хватают на лету с ладони крошки. Редко кто садится на его большой палец с кое-как отрезанным грубыми ножницами ногтем. Иногда он добавляет к крошкам и кусочки мяса для коршуна, который ворует цыплят. Когда появляется коршун, почуяв мясо, воздух трепещет от взмахов его крыльев. Но птица тотчас же летит прочь, низко паря над землей, к самому краю долины.

Потом спросил оставшихся:

«Кто вы такие?»

«Мы — греки, — отвечал Улисс. —

Из Трои возвращаемся».

И ближе к нему вино подвинул.

«Тебе подарок привезли», — добавил.

«Как звать тебя?» — спросил Улисса.

«Никто», — последовал ответ.

«Таких имен не слышал, не бывает», —

Гигант воскликнул.

«Однако так меня все называют — Никто».

Циклоп вино в себя вливает,

Растягивается средь овец.

Но перед тем

Как погрузиться в сон, отвечает:

«И я хочу подарок сделать —

Тебя последним съем».

И сразу же огромный глаз закрылся.

Почти весь день Ремоне провел в поисках тряпья, которое люди, жившие здесь прежде, выбрасывали в канаву. В дождь и грозу вода, накопившаяся в листьях, ложками выплескивалась туда же. Ремоне искал обрывки старой одежды, срывал оставшиеся пуговицы. Он их собирал. Нес домой и выкладывал в ряд на стеной

полке в своей комнатке — специально отведенное для сна пространство под деревянной лестницей.

Она поднималась к потолку лишь для того, чтобы держать на своих ступеньках башмаки с комьями грязи, налипшими на них, ржавые консервные банки и кучу бумаги. Ремоне больше всего нравились чуть пожелтевшие костяные пуговицы, которые когда-то пришивали на нижнее белье.

В детстве мама давала ему в руки длинную нитку, по которой пускала бежать пуговичку, и так он проводил долгие часы.

В один прекрасный день Ремоне разорвал нитку и проглотил пуговичку.

От сонного дыхания Гиганта

Пещера сделалась шкатулкой музыкальной

И стонами наполнилась.

Улисс с товарищами тихо

Кол выстругал и заострил конец.

Углями костра кол выжгли. Ждали.

Храпел Гигант среди овец,

Как громом воздух сотрясая,

Раскачивались головы животных,

Когда он воздух выдыхал.

При вдохе весь дым костра,

Жуки и мухи внутрь влетали.

И подал знак Улисс,

И кол с концом горящим взял в руки.

Товарищи сумели его поднять

И поднести к лицу Циклопа.

Тогда Улисс повелевает

Толкнуть его так сильно, как умели.

Горящей палкою в глаз чудища попасть,

Чтоб ослепить!

Ожегся глаз и начал вытекать.

Вот уже несколько дней, как Ремоне собирал старые фотографии родственников. Некоторые из них так и остались стоять за стеклянными дверцами буфета.

Когда все еще жили вместе, фотографии были аккуратно разложены по ящикам домашней мебели. Целую ночь он рвал все эти фотографии. Лица, запечатленные на них, давно его раздражали. Он не желал ничего общества. Ему хватало двенадцати котов.

брошенных бедными обитателями соседних домов. Он спустился к ручью, где застыли каменные глыбы. И выбросил туда разорванную в клочья бумагу.

Ужаснейшие вопли Полифема
Всех оглушили.
И понеслись вон из пещеры
К ушам других Циклопов,
Они бежали к проделанной дыре для входа.
Сейчас он был задвинут огромным камнем.
И спрашивали, в щели прокричав:
«Кто или что тебя обидело, боль причинило?»
«Никто!» — ответил Полифем.
«Никто!» — раз десять повторил.
Тогда Циклопы спокойно отошли.
Он поднялся на ноги,
Кол выдернул из глаза:
Кровь пролилась и увлажнила землю.
Когда Гигант ослеп и понял это,
Пал на колени, плача,
И воззвал к Нептуну, своему отцу,
О помощи.
Потом поднялся и сдвинул камень,
Пещеру закрывавший.
Сам встал на место камня
И пропускал овец, но только по одной,
Проверив перед тем вокруг нее весь воздух,
Своим убийцам выход закрывая.
Улиссу равных не было
Ни в выдумке, ни в ловкости обмана.
Он привязать велел себя
Под брюхом у козла —
Так избежать хотел
Грозящей руки Циклопа.
Его примеру быстро последовали все.
Вон из пещеры выбрались на волю,
Крича от радости, бежали к лодке.
И потешались громко над Циклопом
Обманутым.
И Полифем пещеру покидает
Вслед голосам, идущим с моря,

Камней швыряет глыбы.

Они стеною вздымают волны перед лодкой.

И стаи рыб, поднятые водой, испуганно глядят оттуда.

Пошел дождь, и Ремоне помог всем кошкам зайти в дом. А сам остался на улице. И в детстве он так же мок под дождем.

Ему было приятно чувствовать прохладу, стекавшую по коже.

Вымокал с головы до ног. К счастью, горели одновременно четыре фонаря там, где раньше была площадь.

Возможно, мэрия Бадиа Тедальда по ошибке забыла о них.

Ремоне нравилось двигаться в этом влажном свете. Он ходил, пока ему не начало казаться, что он должен что-то совершить, но не знал, что именно.

Дойдя до часовни, сложенной угольщиками, Ремоне принялся сразу же разбирать перекрытие из дерева и жести. Он аккуратно складывал все это: бревна по длине, а кровельные листы — один на другой.

Наконец-то Ремоне открылся зеленый ковер пола из травы «Луиза».

Он вырвал все до последней травинки. Уничтожив ковер, спустился к горному ручью и доверил сорванные листья травы водам.

Возвратился домой, разделся донага и запихнул всех кошек в мешки. После чего покинул навсегда и этот дом, и эти места.

К счастью, снег начал падать.

Сокрылось все в молочной пене,

В молчании свой страх похоронив под снегом.

Он стал редеть,

И белизна исчезла.

Открылось море.

Все опять далеко

Ото всего.

Снег, снегопад, как снежно воздух бел от взвешенной в нем пыли. Мне страшно весело, я знаю, куда пойду. Туда еще в тридцатом шли вместе и старые, и молодые, когда все заматало снегом и редкие костры согревали руки, а изо рта шел пар. По ночам собирались в кинотеатре «Эден» и смотрели фильм про Африку об искателях жемчуга или погонщиках верблюдов в песках. Весь городок тянул руки к экрану, где жаркий песок согревал глаза. Вот почему и теперь в круговороте снега я возвращался к старому полуразрушенному кинотеатру «Эден» и смотрел на еще сохранившийся желтоватый фасад и влажные пятна на нем.

Песнь Цирцеи

Буря прибывает лодку

К острову прекрасной волшебницы

Два месяца скитания по морю:
Лишь Богу одному дано
Смиренье возвратить
Восставшим горам вод
И странникам очаг.
Проиграно заведомо сражение.
Не остается ничего другого в бурю —
Довериться судьбе и затаиться.
Дельфин, запрыгнувший на лодку по ошибке,
Служил им пищей.
Теперь скользило судно без препятствий,
Несомое ладонью усмиренных вод.
Однажды ночью, наконец,
Луна им осветила
Земли полоску.
Казалось, что она к ним приближалась.
Но это лодка медленно плыла
Навстречу острову,
Где обитала волшебница Цирцея.
Красавица заметила несчастных оборванцев,
Что приближались к ней,
Измученных, усталостью убитых.
Слегка дотронулась до них
Волшебной палочкой из тростника —
И на глазах они все превратились
В свиней.
Улисса не было среди них,
Он не сошел на берег.
Остался у руля.
Как только о беде товарищей узнал,
Решил освободить тотчас.

Женщина появилась в этих краях «летающего пуха» в самом начале лета. Худощавая и молодая, разговаривая, она постоянно жестикулировала, что меняло очертания ее тела. Маленькая церковь в горах, где пол был покрыт травой «Луиза», пробудила ее любопытство.

Однажды утром женщина остановилась возле меня. В то время 98
как я издали наблюдал за ее молитвой. Без сомнения,
она была хороша собой. Однако во всей ее фигуре не было 99
и намека на откровенный вызов. Скорее хрупкость придавала
ей монашеский вид. Возможно, ее неторопливые движения —
словно они с опозданием повиновались ей — и вызвали мое
любопытство.

Она сразу же заговорила со мной о преимуществах рабства.
Подчиниться глубокому убеждению, желание быть ведомым:
«Нами всегда управляют указующие стрелы».

Она говорила о своей любви к запаху травы, доносившемуся
из маленькой церкви. Он омывал ее волнами духовного спокой-
ствия.

В пути свою Богиню повстречал —
Она Улисса повелела испить напитков,
Настоянный на черном корне:
Он защитит Улисса
От промыслов Цирцеи.
Невдалеке сбирала Фея
Цветы с полей.
Вокруг нее паслись и свиньи:
Улисса видят и бегут навстречу.
Волшебница смотрела нежно,
Улисса завлекая взглядом.
Но он не оставлял животных,
Приблизиться к ней не желал.
Тогда она цветы бросает: «Лови, Улисс!»
Но падают они на землю.
Волшебница отвортилась и прочь направилась.
Помедлив, вдруг вновь возвратилась,
Свиней коснулась тростником —
И сделались людьми.
Улисс благодарит Цирцею,
Пытается к прекрасной подойти.
Она, внезапно отвернувшись,
Прочь уходит.
Он следует за ней.
И вместе в дом сказочный
Волшебницы вступают.
В свои покои ведет его Цирцея,

Где ложе сплошь подушками укрыто.
В их мягкость окунулась фея.
Улисс застыл, на ложе глядя.
Возник внезапно между ними
Павлин. Хвост веером раскрыл.
До Улисса доносится вопрос Цирцеи,
Смягченный перьями цветными:
«Как звать тебя?»
Улисс задумался и не ответил.
Рука Цирцеи на спине павлина
Покоилась, Улисс дотронулся своею
И молча гладил.

Несколько дней назад я случайно оказался возле дома, где жила Женщина. В тот же миг она открыла дверь и пригласила войти, потому что начинался дождь. Показала мне стеклянную вазу, полную птичьих перьев разного цвета и формы. Дождь стучал по крыше, и мы стали слушать, как сбегала вода по дырявым водосточным трубам. Эти звуки сливались и с шумом воды, которую сбрасывали с себя пригоршнями листья. Мы раздеваемся донага и ложимся в постель, не сдерживая робкой смелости наших жестов. Казалось, тела объаты музыкой дождя. Временами молнии разрывают воздух. Оба зеркала на комодке загораются их отблесками.
«Нужно верить во все, — прошептала мне. — Особенно в то, что кажется невозможным».
Теперь многие думают, что народные поверья ошибочны, и забывают их. Но великие истины не терпят ясности. Тотчас ее внимание возвращается к дождю. В какой-то момент мне показалось, что ее рука нервно погладила меня, словно хотела сорвать случайно найденный цветок. Казалось все созвучным грозе. Когда небесный грохот стих, в комнате еще слышалось учащенное дыхание.

Бывает и такое в жизни: когда смешалось все,
Ты ослеплен
И опьянен моментом.
Дни быстро пролетают,
Сменяя время года.
Весной едва уловишь аромат цветка,
Как вновь наступит вечер,

И под ногами зашуршат сухие листья.
Два года провели вдвоем
Улисс и Фейя.
Им кажется, что вместе лишь неделю,
Поскольку обо всем забыли.
Однако нечто в глубине души
Тревожило Улисса —
Он счастлив не был до конца.
Однажды с мыслями собраться постарался,
Поднялся на горы вершину, где бил воды источник.
Омыл лицо три раза и после
На песке, водою увлажненном,
Стал чье-то имя тростником чертить.
Заметил, что рука произвольно
Слагала буквы в слово «Пенелопа».
Спросил себя: «Кто это мог бы быть?»
И в тот же миг волшебница явилась,
Последовал за ней до самой спальни.
Однажды рано поутру в их комнату большая бабочка влетела,
Над ложем долго вилась,
И задрожала Фейя.
«Чего ты испугалась?» — спросил Улисс.
Наполнились глаза слезами.
Промолвила Цирцея: «Она с Олимпа с вестью прилетела».
«Но я ее не слышал!» — Улисс воскликнул.
«Ты — человек, и только. Я — нечто большее».
«Что бабочка сказала?»
«Хотят, чтоб отпустила я тебя. Должна исполнить».
Тогда Улисс убить пытался,
Погнался вслед за бабочкой
С огромным веером на длинной палке.
Подушками попасть в нее хотел.
В какой-то миг она к нему спустилась,
Но силы не достало поднять плечо,
Поймать ее, убить.
Отбросил прочь ту палку, рядом сел,
На бабочку любясь.
И время шло, ее дрожали крылья,
Как будто говорила с ним о чем-то.
И вдруг взлетела.
Улисс следил, как поднималась ввысь.

Покуда поднималась, память возвращала
Ему всю правду жизни.

Я радовался часто и бывал доволен.
Но счастье в жизни испытал впервые,
Когда в Германии меня освободили
Живым из плена:
Я снова смог на бабочку смотреть
Без всякого желанья съесть ее.

Он снова вернулся мыслями
И к Родине своей, и к Пенелопе.
Ушел к товарищам в барак,
Дождлся, покуда Фея о лодке позаботилась,
На ней должны домой вернуться.
Однако обещания добились:
Им велено вначале провести
Усопших в Стране Теней.
Утром рано к отплытию Цирцея показалась,
Не удержала слез.
Улисс спешил подняться на палубу,
Назад не обернувшись.

Возможно, она хотела уехать, даже не простившись со мной.
Я встретил ее случайно, уже с дорожными сумками в руках.
И сразу понял, что она покидает эти места. «Как же так?» —
только и вырвалось у меня.
Тогда она подошла и стала объяснять, отчего она приняла внезапное решение. Не только разрушение часовни, но и ее собственные несбывшиеся надежды на перемены. Уходя, добавила:
«Как было чудесно, когда мы слушали вместе шум дождя».
Но в ту грозовую ночь я был в доме один и живо воображал себе эту несостоявшуюся встречу.
У меня ушло невероятно много времени на то, чтобы уложить чемодан. Те немногие вещи, что я привез с собой, складывал со скоростью черепахи. Стал смотреть в ящиках старой мебели, не забыл ли чего-то случайно.
Нахожу ключ. Не мой. Иду проверить, не от той ли он комнаты, что хозяин запер (не хотел, чтобы ею пользовались). Чувствую, что ключ поворачивается в замке. Открываю. Но не вхожу.
Много раз я представлял себе, что могло быть закрыто там,

102
103

в этой комнате. Какие-то неясные догадки, предположения. И только. Я сидел и никак не мог решиться покинуть комнату, прощаясь с самим собой в том месте, где прожил долгие дни. Наконец выхожу, но тут же возвращаюсь, как будто что-то позвало меня назад. Без сомнения, это был запах легкий, но узнаваемый. Подумал, что память вновь возвращает мне запах разрушенной церкви, аромат лимона. Теперь он заполнил собой уже весь дом. Исходил из затворенной двери. Теперь я должен был открыть ее. Не сразу решаюсь на это. И вижу нечто, похожее на чудо: весь пол комнаты зарос, был покрыт травой «Луиза». Листья травы разрушенной часовни выросли на полу этой комнаты. Я сел и задумался. Пока не осознал, что все мои ответы становятся вопросами.

Песнь теней

*Есть такое место из песка,
Где находятся тени мертвых*

Без всякого желанья плыть,
Хоть очевидность встречи неизбежна —
Обещанное должно исполнять —
Гребли слегка, не утруждая рук,
Как будто силу потеряли вовсе.
Ведь мертвых повстречать в Стране Теней —
Не так легко, как цвет собирать с полей.
Их редким окриком подбадривал Улисс.
В какой-то миг возникла там вдали
Цепочка желтых гор.
Застыли тотчас и, руки свесив, ждали.
Скользила лодка по воде вперед,
К холмам песчаным приближалась.
Никто не греб, и паруса не гладил ветер.
Вода сама несла их к берегам,
Где стала лодка.
Там тишина царила,
Умерли все звуки.
И не царапали шумы застывший воздух.
Казалось, вовсе нет его,
Однако все дышали.
Тишину можно вдыхать, как запах.

Редко случается увидеть подлинный свет, первозданный свет рождения Мира. Теперь уже он так состарился, что не способен освещать, и рождается в пыли, оседая на грязной коросте земли и стеблях травы. Однако это свечение возвращает дух стенам заброшенных домов, позволяет разглядеть трещины старого дерева и наделяет загадочными очертаниями, превращая в тайну мертвого жука, закрывшегося путаницей своих лапок. Поведал мне о первых вспышках света, осиявших Мир, монах из Кастельдельчи. Этот свет удалился от крупных центров, которым необходимо яркое освещение.

Его лучи еще можно встретить в покинутых людьми местах. Там они продолжают жить, утратив свою яркость. Они оживают сразу после заката, когда руины становятся светлыми, невесомыми страницами, уже запачканными пеплом ночи.

Бледные пятна отрываются от стен и улетают, чтобы стать темнотой. Мне привелось увидеть их однажды утром, до рассвета. Я искал утешения в замершем мире, где до костей пронизывала влажность. Она поднималась из глубоких расщелин. Спрашивал себя, для чего пестовать нежность к России вдали от нее. И чувствовать себя изгнанником в Италии. Особенно теперь, когда жена вновь обрела любовь к своей земле, где мы вместе прожили незабываемые дни, где под снегом жила музыка. Квартира в Москве была маленькой клеткой для нашей сказки.

Страх сковывал.

И встали дыбом волосы на головах,

И голоса дрожали,

И затаились — все ждали появления теней.

Сойти на берег не тянуло.

Улисс, однако, сандалии развязал,

Босым отправился, и ноги утопали

По голень в песке тончайшем.

Он между пальцами струился, как вода.

На берегу пустынном

Ни ракушки единой не увидеть,

Ни дерева, прибитого водой.

Без пены море

Волнами на берег набегало.

Улисс назад возвратился,

В друзьях надежда засветилась:

«Пора в обратный путь сниматься.

Наверняка не до того усопшим
Хоть тенью снизойти до нас». 104
К отплытию готово все.
На насыпи песчаной вдруг 105
Сгустился воздух темными тенями.

В какой-то момент поезд, который возвращал домой часть итальянских пленников, останавливается на краю необъятной ямы, оставленной воздушной атакой. Выхожу со всеми, чтобы размять ноги. Старый немецкий генерал скорчился невдалеке от нас среди развалин. Его потерпевшую душу прикрывала грязная униформа.

И в тот самый момент, как отрываю от развалин глаза, передо мной вырастает гигантский Собор Ульма. Он поднимается от самого края воронки, чтобы дотронуться до неба. Показавшееся солнце вмиг рождает длинную тень, которая падает к нашим ногам, и генерал наклоняется, чтобы погладить это темное пятно Собора, прося защиты. Но тотчас тень бежит от него, чтобы вовсе исчезнуть, выпитая солнцем.

Неслышным шагом тени продвигались.
Цепочкой длинною, смотря вперед.
От них повеяло
Водой заплесневелой.
Рукою поднятой указывали вместе на то,
Что память возвращала.
Другим — то было недоступно.
Улисс смотрел на эти тени.
Всех узнавал: вот шел Ахилл —
Прямой, как палка,
Высокомерья полный,
Ему руки не протянул.
Взгляд перевел Улисс —
Шла, голову склонив, старуха.
Последовал за ней.
Казалось, что вот-вот узнает.
И наконец спросил:
«Не вы ли мать моя?»
Остановилась тень.
И так ответила:
«Положено из жизни старым уходить.

Печально, если юноша без времени умрет.
Того ужаснее, как на войне погибнет».

Однажды вечером мама сказала мне, маленькому: «Возьми камень и приложи его к уху. Потом слушай и жди, пока не почувствуешь, как что-то задрожит внутри, словно хочет вылететь комар. И голоса, говорящие о чем-то. Но ты слушай. А когда пойдет дождь, обратись сам целиком в слух, пока не почувствуешь, что вода внутри твоей головы. Шум дождя останется в ушах и тогда, когда выйдет солнце.

Однако, мальчик, хватит задавать мне вопросы. Малышом ты хотел знать, что такое солнце и снег и понимают ли тебя коты. Я все тебе уже ответила и вручила тебе целый Мир. Любая вещь должна стать уже понятной и спереди, и сзади».

Улисса руки потянулись —
Дотронуться, погладить, приласкать.
Под пальцами лишь ощутил дрожанье
Влажной пыли.

Так молча шли они.
На все его вопросы
Ответила она вначале:
«Когда ты тенью сделался,
Ответы приходят прежде
Заданных вопросов».

По телефону мне кто-то сообщает, что моя старая мать Пенелопа в Риме искала меня на площади San Pietro. Был один из тех жарких дней, когда солнечная пыль обжигала лицо. Подъезжаю на такси к площади, которая кажется пустынной. Подумал: все туристы наверняка едят, однако замечаю множество японцев. Они заполнили собою длинную тень от обелиска. Прохожу между колонн Бернини и поднимаюсь по лестницам до верхней площадки перед самым входом в Базилику. Наконец маленькая тень отделяется от стен и приближается ко мне. Тогда от волнения начинаю несправедливо упрекать ее: «Отчего не сказали мне, что вы приедете в Рим? Почему же?» Она подошла совсем близко и, показывая на большой дворец Ватикана, поднимающийся над колоннами площади, спрашивает меня: «Из какого окна говорит Папа в воскресенье?» Палец про-
должает указывать на окна.

- 108
107
- Не знаю, — отвечаю, стараясь увести ее к такси.
— Почему тогда эти окна без занавесок?
Наконец усаживаю в машину, и мы отъезжаем. Замечаю, что ее карманы чем-то набиты.
— Что у вас там?
— Ничего особенного, два бифштекса и трубочка с семенами белладонны.
— На что вам это?
— Не хотелось беспокоить тебя с едой. С другой стороны, семена белладонны ты можешь подарить тому, кто тебе помогает, — услуги многого стоят.
Когда мне удалось привезти ее домой, чтобы она отдохнула, сказала: «Думала, что ты умный. Я же приехала в Рим, чтобы увидеть твой дом. Когда буду говорить теперь с тобой по телефону, то увижу тебя в твоём доме, а не на улице».
Глажу ее руки и говорю: «Я рад, что вы приехали».
— А ты когда вернешься?
— Зимой. Не этой, так следующей.
— Зима — это только запах, — говорит мне, засыпая.

*Я выучиться смог,
Лишь матери моей благодаря.
Она крест ставила в том месте,
Где имя пишут прописью обычно.
И если я узнал все города,
Царящие над миром,
Я матери обязан этим.
Она сама не знала путешествий,
И вот вчера повел ее в кафе.
Хотелось ей пройтись немного —
Два шага сделать перед сном —
Она теперь почти не видит.
«Присядьте здесь. Желаете чего?
Могу вам предложить пирожное бинье,
Хотя оно здесь дорогое...»*

Теперь другая цепь теней
На самом дальнем из холмов
Внезапно показалась,
Там выявились ясно
Два белых скакуна, впряженных в колесницу, —

Она к ним приближалась.
Ей правил юноша высокий.
Гордилась грудь его
Цветеньем мускулов.
И сразу понял Улисс
И закричал:
«Смотрите, Гектор!»

Не помню точно год, думается, лето 76-го, когда добрался с Антониони до Самарканда, которому арабский Восток подарил свои краски. Однажды в предвечернее время мы пригласили трех путников-мусульман, одетых в белые халаты с маленькими синими пятнами у воротника, сесть с нами в кузов грузовичка, на котором мы ездили по Узбекистану. Путешествие проходило в молчании. Иногда обменивались легкими взглядами. До тех пор пока старший из них не подал знака, что они приехали, куда хотели. Мы сошли вместе с ними. Антониони, как и Тарковский, в ту пору очень много снимал «Полароидом» и попросил трех путников разрешения сфотографировать их. Вручил фотографию самому старшему, который, лишь мельком взглянув на нее, передал своим спутникам. Потом возвратил фотографию режиссеру со словами: «Зачем останавливать время?» Они тотчас же удалились, оставив нас в раздумье. Эти слова упали, как могильный камень, на всю нашу работу.

На смерть Микеланджело

*Микеланджело,
И снова, как тогда, мы вместе на пароме,
Влекомые Амударьи теченьем.
И снова иногда мы семечки грызем
На палубе средь брошенных канатов,
Бидонов и тряпья цыган.
Напротив нас с коляской мотоцикл
Непредсказуемого розового цвета.
Баграми длинными нас держат в стороне
От отмелей песчаных моряки:
Неведомо куда нас лодка уносила.
Не отрывали глаз от полосы бегущей Реки.
Она вдали скрывалась,
Теряясь в парусах тумана.
Он ясным был, знакомым до обмана.*

*И думалось, что плыли мы в Феррару,
Туманную твою Феррару.*

Тогда от первой тени отделился Ахилл.
Пошел к коляске, что остановилась.
И Гектору, сошедшему навстречу,
Сказал: «Прости меня за все, что причинил тебе».
Волнуясь, Гектор отвечал:
«Нас вечно помнить будут
За то, что между нами случилось».
Взошел на колесницу
Ахилл, хромая — наследье старой раны,
К другим вернулся.

Мы вновь закрылись и работали в небольшой студии Феллини на виа Систина. Прямо перед нами — окна квартиры Гоголя, где он написал большую часть своих «Мертвых душ». Мы приводили в порядок первый вариант сценария фильма, который был очень дорог Феллини. Однако Федерико был уверен, что именно этот фильм приносил ему несчастье. Каждый раз, возвращаясь к этой истории, он тяжело болел.

Был жаркий день. Федерико в белой шелковой рубашке прилег на диван, стоящий у окна, ставни которого были прикрыты. Рядом с диваном — стеклянный журнальный столик, на котором стояла ваза с букетом почти увядших роз. Время от времени отрывался лепесток и падал на стекло.

Я сидел за пишущей машинкой недалеко от него. В какой-то момент зазвонил телефон, и я ответил. Звонили мне. Великий дантист Хруска, лечивший зубы Римскому Папе, хотел успокоить меня: белая точка на десне удалена вовремя. Это было необходимо, потому что могло принести мне в будущем большие неприятности. Рассказываю об этом Федерико. Некоторое время он молчал, потом поднял руку, чтобы освежить ее в доносящемся из окна ветерке, и опустил на стекло стоящего рядом столика. Стал собирать с него опавшие лепестки. Потом подошел ко мне. Медленно и нежно перебирал страницы, написанные нами, осыпая их собранными лепестками роз. Потом решительно собрал всё и закрыл в ящике комода. Сказал: «Мне совсем не хочется возвращаться к Казанове, но мы должны сделать это. Мне не нравится, что сказал тебе Хруска. Все то же проклятье, теперь оно ложится и на близких мне людей».

Мы вышли на виа Систина и молча направились к началу лестницы Площади Испании. Так же молча он помахал мне рукой и стал спускаться по лестнице к Фонтану-лодке, а я двинулся к садам виллы Боргезе.

Среди развалин покинутого монастыря в Монтефельтро была найдена окаменевшая от времени книга. В ней один голландский ученый с помощью мощных линз сумел разглядеть лишь одну фразу, написанную отшельником: «Никто так не одинок, как Господь». Это случилось утомленным днем середины августа, когда мы наконец приехали в огромный дикий сад, который вот уже шестьдесят лет как держат вокруг дома два английских художника: скульптор и его жена. Солнце умирало на листьях инжира и на случайных цветах, которые выросли среди камней. Она зажигала ночью свечу, чтобы позвать мужа, ушедшего далеко в сад. Сегодня сыграла на дудочке, и ее жалобы донеслись до него сквозь тени олив. И тогда показался сам скульптор: высоченный, как гора, обьятая сном, человек с седой бородой.

Внутри дома плетеные корзины, подвешенные на гвоздях, заменяли мебель, как будто на стены надели сережки. В них аккуратно сложена одежда. Они угостили нас каплей вина, тем временем как мы смотрели на тазики с водой, расставленные на земле, чтобы напоить мошек, комаров и жуков и всех других жужжащих насекомых: им ведь тоже летом хочется пить.

Когда мы поднялись, чтобы уйти, скульптор, прощаясь и пожимая мне руку, сказал: «Иногда настоящая встреча случается во время прощания».

И он был прав.

Влажный гул поднимается со дна колодца, чтобы открыть тайну глубины.

Песнь сирен

*Когда поют красивые женщины,
Надо быть внимательным*

И плыли месяцы, и плавание длилось. Горами часто море поднималось. В безветренные дни лишь волею удерживали лодку, обменивались жестами без слов.

Внезапно лодку занесло
В лагуну, наподобие болота,
По маслу гладкому воды.

Понурые свисали головами за борт,
С них капала усталость, как вода
С белья, что сушится на солнце.
Глубокой ночью
Земли коснулись незаметно —
Все спали.
Когда наутро розовый рассвет их разбудил —
Потерянных и сгрудившихся в кучку —
Заметили, что любопытство глаз
Их окружало
Людей, известных тем,
Что лотос ели.
От лотоса они теряли память,
Способность он имел такую:
Не ведал ты,
Кем был
И кто ты есть.
Особенность цветка знал лишь Улисс —
Он не спешил его плодов отвеждать.
Друзья его наелись до упаду.
Стал неразборчив их язык:
Болтали с курами
И целовали камни,
Выкрикивали цифры наугад,
Не знали более, куда идти.
В те дни дождь простынями воды
Деревья покрывал.
Прозрачными накидками на них
Казались листья.
Дурманом лотоса опьянены,
Стволы деревьев греки обнимали.
Вода дождя скользила по телам,
Застывшим, словно камень.

Уже много лет как большие павильоны сумасшедшего дома
в Риме почти совсем опустели после реформы психиатра Базалья.
Мир, за которым с интересом наблюдал Феллини, думая о буду-
щем фильме. Первый раз, когда мы вошли в огромные пустые
помещения с забытыми поржавевшими приборами, Феллини уви-
дел свое лицо, отраженным в зеркале, которое висело на стене
длинного коридора — места зимних прогулок заключенных здесь

больных. Забытый бюст благодетеля, пожертвовавшего деньги на строительство этих павильонов в начале прошлого века, был задвинут к правой стене. С левой стороны — одинаковые окна, закрытые выцветшими занавесками, напоминавшими скорее желтую паутину, впускали туманный пыльный свет. В этой дымке мы и увидели огромную женщину в халате рядом с высоким стариком, одетым во все темное и с широкополой шляпой на голове. Они отмеривали шаги с видимой целью и настойчивостью. Прошли мимо нас, даже на взглянув в конец коридора, заставленного старым шкафом с оторванными дверцами. И тут оба развернулись и направились назад. И это продолжалось целый час. Женщина не позволяла ни приблизиться к старцу, ни обменяться взглядом с ним. Старый человек шел гордо и глядел вдаль, не замечая ни нас, ни стен. Он сам задавал ритм их шагу без передышки. После от санитаров мы узнали, что это был еврей-эмигрант, сошедший с ума в аэропорту в день, когда узнал, что семья решила ехать в Америку.

Он покинул Россию, чтобы попасть в Иерусалим и никуда более. В тот день мы с Федерико молча пустились за ними вслед. Феллини прошептал мне: «Как было бы великолепно, если бы и наш герой отправился в это сумасшедшее путешествие». Заметили, что старик чертил палочкой на стене, когда добирался до конца. Стена походила на страничку из школьной тетради. Нам стало ясно, что он пытался преодолеть пешком все те километры, которые отделяли Рим от Иерусалима.

Задолго до него больные или старые люди совершали паломничество, не покидая дома, по лабиринтам церкви. Спустя два месяца Феллини рассказал мне, что вернулся в сумасшедший дом в день, когда оба путника достигли Иерусалима. Он стоял за спиной старика, когда тот совершал свои последние шаги. Стена была теперь сплошь покрыта знаками; он упал на колени, и его лицо просветлело от счастья. Он был наконец перед Стеной Плача.

Не выдержал Улисс однажды утром.
Устав от обезумевших солдат,
Он каждого связал,
По одному тащил их к морю.
Канаты открепил —
Они у берега держали лодку.
Вмиг оказались в открытом море.
В руках застыли весла у солдат:

112
113

Не помнили, как с ними управляться.
Кричали:
«Кто ты таков, куда идем?»
Беспамятные дни, неразбериха,
А судну надо б плыть вперед...
Покамест в ком-то не проснется память,
События и имя возвернет.
Блуждающие взгляды постепенно
Вновь обретали смысл.
Прощения добиться от Улисса
Им было нелегко.
В их сторону он вовсе не смотрел
Или плевал в лицо.

Пошла уж пятая весна. Ночами звезды в море отражались.
И думалось, что расцвели ромашки.

Улисс сам у руля.
Спокойно море.
Гладь до горизонта.
Он вспомнил,
Как ребенком мама
Впервые к морю повела
Увидеть и ногой вступить.
Вода холодной показалась,
Заплакал он.
А мама пела.
И слезы высыхали сами.
Ту песню слышал и теперь Улисс.
Казалось, в памяти мотив остался.
Однако легкие порывы ветра
Издалека несли им голоса.
И сразу понял он,
Что пели им сирены.
Всем приказал наглухо хоть тряпками,
Хоть воском
Уши заложить,
Так, чтобы песен тех не слышать.

Мой отец вовсе не желал, чтобы я слушал грохочущую музыку
негров. Мешанину звуков, которые нельзя было сравнить

с мелодиями Верди или Пуччини. Он пел оперы по воскресеньям в trattoria, возле которой играли в боччи². В ту пору мне было лет пятнадцать, и я обожал Армстронга и Дюка Эллингтона. Они соответствовали моим рваным и беспорядочным мыслям, которые тотчас же прояснялись от этих синкопированных звуков. Поначалу беспорядочные шумы, полные то мощного звучания, то затихающие. Это совсем не походило на привычные мотивы. Неожеланные тропы, открывающие новую загадочную гармонию в моих смятенных ощущениях. Когда, уже двадцатилетним, оставив впервые застенки лагеря в Германии, я шел по лесу в высокой траве, внезапно возник передо мной танк. Он двигался на меня. Я поднял вверх дрожащие руки, но тотчас наверху откинулась крышка люка. Показался негр, и вместе с ним из железного нутра лился голос Армстронга. Он пел: «I can give you anything about baby». Я заплакал, думая о моем отце.

Себя, однако, повелел Улисс
К высокой мачте крепко привязать.
Он любопытству дверь не затворял
Ни разу в жизни.
Нежнее становились
голоса сирен.
Лились, как мед.
Он вслушивался в них:
От радости дрожало сердце.
Взывал к друзьям освободить его —
Закрытые не слышат уши:
Гребут, не поднимая головы.
Сходил с ума.
Веревки телом рвал,
Раскачивая мачту.
Вперед согнулся, старался зубами
Узлы развязать.
Тем временем проходят перед ним
Сирены,
Собою позволяя любоваться.
Их голоса скользят
По коже,

2 Игра с попаданием железных шаров в цель.

Истертой в кровь, и вместе с нею
Вниз стекают.

Друзьям проклятья посылают,
Покуда лик не падает на грудь
Без признаков единых жизни.

Я вспомнил, как в Грузии мы с женой искали «музыкальное ущелье» — впадину, поросшую травой, куда доходили шумы и звуки из самых отдаленных мест. Мы оказались там вечером к концу лета. Было жарко, и свет омывал очертания окружавших нас гор. Донесся шум дождя, который шел где-то возле Зугдиди за сотню километров отсюда. Какими тропами бежали звуки, чтобы добраться до маленького ущелья? Столетний грузин, который жил на самом краю оврага, поведал, что сюда доносятся не только гул шторма с Черного моря, но и волны тишины, что царит перед заснеженными лесами.

Немногие исследователи этого странного явления обнаружили извилистую трещину. Она тянулась от ущелья, соединяясь с другими, через весь горный хребет, до чайных плантаций у самого моря. Словом, это инструмент, лучше назвать его каменной музыкальной шкатулкой, поросшей влажной вечнозеленой травой.

Друзья как только замечают:
Улисс в крови и чувства потерял,
Отвязывают вмиг
И расстилают ткань чистую.
Его поверх кладут.
Чтоб разбудить, его зовут,
Морской водой все тело обмывают,
Чтоб раны залечить.
С трудом Улисс раздвинул веки,
Не больше щели на ракушке.
Растерянно всю лодку оглядел
И понял, что приблизилась она
К Сицилии, ее брегам желанным.
Там множество паслось коров
С быками белыми
Среди травы высокой
За берегом песчаным сразу.
К Улиссу разум возвратился,
Спешит друзьям поведать тайну.

Бог Солнца тех зверей властитель,
Они ему принадлежат.
Кто тронет их,
Беда случится
Непредсказуемое страшных бед.
Солдаты на берег сошли
И отдыхать устроились в тени
У зарослей прибрежных,
Увешанных плодами дикими.
Улисс луг с мягкой травой отыскал,
Она его покой оберегала,
Покуда не проспал чуть больше часа.
К несчастью, не сомкнули глаз солдаты:
Смущало их обилие еды —
Скот так заманчиво доступно пасся.
Накинули веревку на корову —
К ногам их пала —
И разделали ее.
Проснувшийся Улисс не мог понять причину
Так рано темноты упавшей.
«Ужели ночь?» — спросил он у друзей,
Что прочь бежали врассыпную.
«Погасло солнце!» — закричал один
С глазами, округленными от страха.

Я ехал в такси по улицам Рима. За несколько минут до полдня погасло солнце. Водитель спокойно зажег фонарь, поскольку знал, что наступило затмение, объявленное перед тем в газетах. Я же непонятно отчего нервничал. Попросил остановить машину, вышел, вбирая в себя дрожание воздуха, который очень медленно набирал свет дня, как будто миллионы светлячков летали вокруг меня.

«Я слышу запах мяса на углях!» —
Кричит ему вослед Улисс.
И сам пустился в бегство —
Отчаливает лодка,
За собою пыль страха оставляя.
Как вдруг горящий глаз Светила
Вновь отпечатался на небе.
Ночь убежала в глубь морскую.
Лучи палящие настигли подну

116
117

И обжигают паруса.
Горит и мачта,
Обугливаясь.
Людей не пощадило Солнце.
Улисс один ныряет в море
Быстрее пыли, уносимой ветром.
За ветку дерева
Руками ухватился,
Несомого волнами моря.
Так плыл он день,
Не зная цели.
Покуда ветви не уткнулись
В песок полоски узкой берега —
Царство финикийцев,
Где правил Алхинея.
Богиня за собою повела,
Где во дворце на троне сидел король.
Четыре золотых собаки
Покоились у ног его.
Пред ним толпились важные персоны,
Обмахиваясь веерами
Гигантских листьев.
Все слушали слепца,
Что пел им, рассказывая
О войне Троянской.
Тогда Улисс вслух произносит,
Что он причастен к той войне.
Сам Алхинея
Ему повелевает поведать
О войне, что знает.

В первые римские годы было трудно, и я старался предоставить в распоряжение свою фантазию итальянскому кино. Часто мне помогал режиссер Джузеппе де Сантис, который после «Горького риса» стал одним из самых интересных художников мира. Иногда он собирал друзей в своей роскошной вилле, а я в благодарность за его доброту веселил их рассказами о моем плене в Германии. В истории, вызвавшей у всех аплодисменты, я вспоминал о рождественской ночи 44-го. Транспорт, который должен был привезти в лагерные бараки похлебку на ужин в тот праздничный день, перевернулся, и в наших глазах застыл голод.

Кому-то пришло в голову, что утолить его можно словами, рассказывая о том, как на Рождество всегда готовили тальятелле³. Все смотрели на меня, надеясь, что я смогу помочь им. Сначала я растерялся, потом приступил к изготовлению тальятелле словами и жестами. Я вспомнил, как делала это моя мама. Так потихоньку я повторил все, что часто видел мальчишкой. Я насыпал муку по кругу, в оставленную середину разбил десять яиц, добавил соли и щепотку соды. Подливая постепенно воду, замешивал тесто, которое потом и раскатал скалкой очень тонко. Получился большой лист. Свернул его, чтобы нарезать тальятелле. Бросил их в уже вскипевшую воду. Когда они были готовы, я наполнял тарелки и раздавал в дрожащие руки товарищей, посыпая дождем пармеджано. Они брали у меня эти воздушные блюда, которые издавали настоящий аромат пасты. Как только я, усталый, прислонился к стене барака, наблюдая этих ребят, которые с такой жадностью повторяли по памяти жесты еды, как вдруг вижу поднятую руку с вопросом: «Можно добавки?»

Улисс вначале певцу слепому поклонился,
Вослед открыл им тайну коня Троянского.
Все поднялись и хлопали в ладоши.
Король не уставал благодарить.
И обещал Улиссу
До Итаки добраться.
С дарами был готов корабль наутро,
На нем отправился Улисс,
Оставив остров.
И взяли курс на Итану родную.
На верхней палубе готовят моряки
Улиссу отдых,
Расстелив ткань белую,
Чтобы улечься мог и видеть небо.
Смотрел и дожидался журавлей,
Что с острова его летели.
И правда, видит в небе белых птиц.
В полете лодки чуть коснулись,
Приветствуя его.
Во сне иль наяву,
Поскольку жил во сне.

3 Разновидность итальянской домашней лапши.

118
119

Тем временем добрались моряки до цели.
Вошли в залив на Итаке.
На Родину во сне он возвратился.
Улисса не будили, перенесли на остров,
В тень уложили, укрыв.
Баюкала его, как в колыбели, родная Итака.

Песнь Свинопаса

Собака узнает тебя, если даже

Увидит через 100 лет

Когда мне, едва живому, в обносках, удалось наконец в товарном вагоне добраться до вокзала родного городка, я не знал, были ли еще все мои живы. Я хорошо помнил последнюю встречу с моей матерью Пенелопой до моего плена. Фашисты тогда передали меня немцам.

Она хотела, чтобы я прочел только что написанное ею завещание, поскольку фронт угрожающе приближался. Она не обучалась грамоте, однако обслуживала мессу каждый божий день в четыре утра в церкви при больнице. Говорила на свойственной лишь ей латыни — к каждому слову на диалекте прибавляя латинское «-us».

Когда однажды сказал ей: «Ваш язык никто не понимает», она посмотрела на меня с нежностью и, указывая пальцем на небо, ответила: «Он меня понимает», с другой стороны, моя Пенелопа не знала и итальянского языка — это я учил ее читать и писать.

Когда наконец вручила мне лист со своим завещанием, у меня сложилось впечатление, что держу в руках римский мемориал. Там крупными буквами было написано: «Завещаю⁴ все мое добро мужу моему с тем, чтобы делал все, что ему угодно».

Подписано: «Пенелопе Карабини». Все ее имущество состояло из сорока дырявых кастрюль, в которых разводила свои цветы. В то воскресное утро я остановился сразу же в начале аллеи, но тут же поспешил назад к начальнику станции, что ходил под навесом по перрону в служебном одеянии. Хотел узнать, что происходило тут во время войны. Он ответил, что в городке не случилось ничего особенного и родители мои были живы.

Последние сто метров мама повисла у меня на шее, не отпуская. Я боялся встречи с отцом. Знал, что он не выносил нежностей.

4 Так с ошибкой написала мама.

особенно проявления их перед другими. В то утро вокруг меня была толпа любопытных. Он ждал меня перед дверью у входа в дом, не выпуская сигары изо рта. Я остановился в четырех метрах от него. Наконец, он вынимает сигару изо рта и спрашивает: «Ты ел?» — «Да, конечно. Я всегда был сыт», — отвечаю. А он проходит мимо меня, не оглядываясь, неведомо куда, чтобы спрятать свое волнение.

По возвращении меня более всего поразили тени. У нас они были гораздо темнее, чем в Германии в тот год бледного солнца. Я тотчас же направился к колокольне, чтобы увидеть тень от нее, и, как в детстве, прошел по этому черному прямому профилю, не нарушая его.

И просыпается Улисс внутри тумана,
В нем все сокрылось,
И понять не в силах,
На корабле своем или на землю сошел.
Тогда он встал, прислушиваться начал,
Во взвешенной пыли тумана
Искал хоть чей-то голос или звук.
Хотел увериться, где он теперь,
В каком он мире.
Стояла тишина, где можно было
Услышать муху, если б пролетала,
Как весть благая, аромат травы
Донесся до него.
Узнал он запах —
Росла повсюду вольно скальфанина
На Родине его.
Тогда сказал себе:
«Я дома».
И в тот же миг шаги услышал.
Неведомо кто приближался,
Мог быть и зверь, кабан, к примеру,
Глазами в толщ тумана впился,
Во влажную его прозрачность.
И перед ним возник
Пастух, как темное пятно.
Он не замедлил тотчас воплотиться
В Минерву, богиню мудрую.
Туман исчез —

Узнал он землю свою —

И на колени пал,

И начал целовать.

Богиня поспешила проснувшуюся радость погасить:

Поведала, что не ему теперь

Подвластен остров. Другие правят —

Нелегко изжить. Призвать необходимо

Умение быть осторожным, к хитрости прибегнуть

И, наконец, избавиться совсем.

Мы двигались с Тарковским по Италии в поисках натуры для будущего фильма. Наступила уже осень, деревья пожелтели, и на нас иногда падали сорванные ветром листья. Мы их собирали, радуясь цвету.

Несколько раз я замечал, что он останавливался в одиночестве перед только что вспаханymi полями. Это случилось и вблизи Сорренто, и за городом Лечче, и несколько раз недалеко от Пьенцы. Тосканский город одного лишь архитектора.

Однажды к вечеру я не выдержал, подошел к нему и спросил: «Отчего, Андрей, ты всегда смотришь на вспаханные поля?»

Он улыбнулся сначала, а потом ответил: «Вспаханная земля везде одинаковая. Когда я смотрю на нее, мне кажется, что я дома, в России».

Дотронулась, и стариком он стал.

Согнулось тело

И лицо в морщинах —

Как выжатый гранат.

Она вновь обернулась пастухом.

Улисс с трудом последовал за нею

По диким козьим тропам.

Иногда, замедлив шаг,

Округ себя глядел.

Все узнавал — там впереди был камень у дороги.

Ребенком он любил

К нему навещаться часто.

Руками гладил, как белое

Большое яйцо,

Был камень там,

Где помнил он его.

Поверхность грубой сделалась.

К нему лет двадцать никто не подходил, не гладил.
На плоскогорье у стены
Стоит свинарник, где самки, как всегда,
Выкармливают поросят.
Улисс калитку отворил
И в руки взял комочек розовый,
Но тут услышал голос свинопаса:
«Что делаешь ты здесь?»
«Хотел погладить», — отвечал Улисс.
Он обернулся — исчез пастух, его приведший.
А свинопаса мучает вопрос,
Где и когда они уже встречались.
«Ты голоден?» — спросил.
Улисс не отвечал, но следовал за ним,
Пока в дом не вошли,
Где он поел немного.
Не оставляло любопытство свинопаса.
Не выдержав, спросил:
«Мы с вами где-то виделись и раньше?»
«Быть может», — отвечал Улисс.
Дал отдохнуть ему хозяин дома,
Внимательно ухаживал за ним.
Улисс не торопил часов.
Спокойствие в свинарнике обрел.
Когда совсем стемнело,
Заплакал свинопас, пал на колени
Перед Улиссом и тихо прошептал:
«Хозяин, я не понял сразу, простите,
Вас годы изменили очень».
В тот вечер сын Улисса, Телемах,
На Итаку родную возвратился,
Прошел всю Грецию,
Искал отца, но не нашел нигде.
Ему давно уже немоготу
От люда наглого,
У матери отнявшего покой.
И он решил
Заночевать у свинопаса,
За тот же стол,
Что и отец,
Присел.

122
123

Не узнавал его.
А тот с великой нежностью глядел.
Как только сын глаза опустит.
Пора пришла укладываться спать,
Тут свинопас спешит поведать правду сыну.
Отец в тот миг уже отворотился.
И юноша к отцу припал
И обнял со спины.
И говорит ему, как счастлив:
«Чтоб отыскать тебя, я, как безумный, свет исколесил».

Точно так же и мой отец искал своего брата в 1906-м в Нью-Йорке. Без единого слова по-английски и по-итальянски. Немного диалекта на губах. Как неодушевленный пакет, брошенный на палубу, теперь точно так же чувствовал себя на улицах Нью-Йорка. Там, однако, ходили лошади, оставляя на земле множество навоза. Деревянные и кирпичные дома с лестницами для пожарных. Единственный адрес, который запомнил, была Элизабет-стрит. Или нечто похожее. И искал брата, думая, что может встретить его на улице. Останавливал каждого итальянца. Люди из Абруццо, Сицилии или Калабрии. В какой-то момент видит со спины человека, который подбирает с земли окурки сигары. Тотчас же узнает эту спину и обнимает брата сзади.

Улисс лишь гладил руки,
Обвившие его за шею,
Не в силах обернуться.
Так и стояли, плача, —
Впереди один,
Другой за ним,
Обнявши спину.
Сын рассказал, как тронуло его,
Когда в гостях у Менелая
Впервые он Елену увидал.
В руках она держала ларец серебряный.
Он был набит цветными
Мотками шерсти для работы:
«В тот миг я понял Елены красоту,
Которая войны причиной стала».
Тогда Улисс к нему оборотился
И обнял вновь.

Сказал: «И красота бывает страшной,
Она собою беды навлекает».

Чувствую, что избегаю Красоту. Заметил это в Санкт-Петербурге, когда глаза мои не останавливались в восхищении на дворцах вдоль Невы и не застывали на куполе мечети. Предпочитал смотреть, как падают ватные комочки тополей: неожиданный снегопад. Тогда вспомнил, что и в Париже я подолгу стоял у старых лавок, а когда проходил мимо Нотр-Дама, опускал голову.

Наконец понял, что Красота не позволяет мне спокойно думать о смерти. Она требует поклонения, которое я не в силах более дать ей, во мне не живет скромность смиренного обожателя.

Мое одиночество хочет простой и бедной пищи.

Шума дождя, например.

Красотою должно дышать.

Песнь Пенелопы

*Переодевшись стариком, Улисс
участвует в состязании, где победитель
получает в награду его жену*

Наутро Свинопас, как делал всякий день,
Свинью понес на кухни во дворец —
Ее к банкету заколоть хотели.
Улисс в одеждах старика
Последовал за ним, помощником сказавшись.
Под стенами дворца, на куче из навоза,
Недвижно растянулся Арго,
Улисса верный пес —
На лапы встал с трудом
И завилал хвостом — узнал Улисса.
Хотел сказать ему,
Как помнил он всегда
Веселую охоту, игры вместе.
Залая — Улисс склонился
И с влажными глазами гладил пса,
Но тут же поспешил за Свинопасом.
Арго от радости, обрушившейся на него внезапно,
Не устоял и снова в грязь улегся.
Смотрел вослед хозяину,

Пока Улисс не скрылся совсем из виду.
Потом уснул. Теперь уж навсегда.

У моего отца было две собаки — Фриц и Яго. Фриц встречал его за три километра от дома, когда тот возвращался с ярмарки в горах. А по воскресеньям они шли вместе в trattorio, где отец любил выпить стакан вина. Яго был сторожем склада. Всегда на цепи, укрепленной за ствол ясеня, у деревянной калитки и сетью ограды. В один прекрасный день утром отец остался лежать в постели. Он приближался к своим девяносту, врач не посещал его никогда. Ни простуды, ни лихорадки. Равнодушие к привычным недомоганиям позволяло ему всегда находиться в добром здравии. Когда он слег, в доме поселился страх.

— Отчего вы не встаете? — спрашивал я и другие братья.

— Устал.

— Вас лихорадит?

— У меня ничего нет.

— Тогда пойдемте и поедем вместе.

— Я слишком устал.

Фриц был рядом. И поднимал голову, когда мой отец начинал храпеть слишком громко. Мы не беспокоили его более, а через три дня он умер, так и не поднявшись. Пепел от тосканской сигары и стакан воды на тумбочке.

Не помню похорон. Совсем мало людей, старики и музыка в душе. Быть может, оттого я и хочу забыть этот день.

Устроили пышные похороны, когда у сестры С. Параджанова умер муж, знаменитый тбилисский парикмахер. Пришли все городские цирюльники и их клиенты. Люди столпились в маленьком дворе у лестницы. Гроб с трудом спустили вниз. Прежде чем отправиться в последний путь, остановились в молчании. Маленький духовой оркестр шел впереди толпы. Недоставало лишь его, Сергея Параджанова. Он появился в последний момент с двумя чмо-данчиками в руках, которые тут же открыл и стал что-то раздавать друзьям умершего. Процессия медленно двинулась вперед, вниз по узкой улице к центру Тбилиси. Музыка сопровождала медленный ритм похорон, когда наконец все звуки смолкли, наступила короткая пауза, в воздухе взорвались металлические звуки. Это и был прощальный подарок Параджанова своему зятю. Он перед тем закупил в городе огромное количество ножниц, которые и раз-

дал провожающим. Они подняли и застучали ими в воздухе, чтобы все присутствующие и город помнили: умер великий парикмахер.

Когда я отправился спать, в комнате меня уже ждал Тео. Пес погиб два года назад из-за отравленной котлетки. Тео улегся, растянувшись рядом со мной на кровати, и лизнул мне руку. «Где ты был все это время? Где же ты был?» В ожидании ответа я заснул. И сразу же мне показалось, что я бреду в степи по жаре, где железные клетки-ограды охраняют старые могилы, коих великое множество. Это Киргизия, где кумыс — конское молоко — держат в маленьких кожаных бурдюках. На вкус оно напоминает горгонзолу — пикантный сыр, только в жидком виде.

Ковер уж соткан.

У Пенелопы не осталось оправдания

Томить отказом толпы женихов.

Подумала она затеять состязанье:

Супругом станет тот,

Кто, выстрелив из лука, победит.

Лук мужа своего, Улисса,

Хранила в спальне Пенелопа.

Стрелой, пущенной из лука,

Соперник должен был пройти

Сквозь все отверстия двенадцати колец

Величиной не более монеты серебряной.

Те кольца на воротах укреплены у входа.

В четыре пополудни ровно

Оповестили трубы о начале

Объявленного поединка.

Первым вышел соперник молодой

С остроконечной темною бородкой.

Лук поднял, тетиву тянул,

Согнуть не в силах древка.

Десятки раз пытался — не выходит,

Струился пот с лица,

Стал красный, как гранат,

И сдался — лук передал другому.

Тот сразу вызвал смех в толпе:

Он так старался выпустить стрелу,

Так тужился, что лопнули штаны.
И третьему, как, впрочем, и другим,
Не удавалось справиться с задачей.
Послышались протесты, пожеланья
Лук заменить. Огорченной
Казалась Пенелопа.
Однако веселилась втайне.
В глазах ее на самой глубине
Таилась радость.

Англичанин и русская познакомились на Капри, и был у них короткий, но сокрушительный роман. После того англичанин уехал в Лондон, а русская вернулась в свои бескрайние просторы. Они решили продолжить свою любовь, играя долгую шахматную партию на расстоянии. Время от времени приходило письмо из России с очередным ходом, и время от времени приходило в Россию письмо с цифрами из Лондона. Между тем англичанин женился, и у него родилось трое детей. И русская счастливо вышла замуж. Шахматная партия длилась двадцать лет — по одному письму раз в пять или шесть месяцев. Пока однажды англичанину пришло письмо с таким коварным ходом конем, что он съел королеву. И англичанин понял, что этот ход сделала другая персона, чтобы уведомить его о смерти любимой.

Когда жена должна была уехать в Москву, я остался совсем один в этом большом доме. И уже на следующий день понял, как мне ее не хватало. С каждым днем все больше. Тогда я стал утешать себя коротенькими стихами, которые напоминали о прожитом вместе.

*В Москве однажды
Увидел я жену,
Перед букетом роз,
Увядавших в вазе.
И временами падал лепесток.
Хотелось ей услышать
Дыханье тишины.
Когда листок стола касался,
Та тишина и в нас жила.*

В какой-то миг Улисс
Выходит из толпы и просит

Позволения судьбу изведать
И силами померяться с другими.
Настолько жалок он, что смех
Служил ему ответом.
Наклоном головы согласие дала
Лишь Пенелопа.
Лук поднял от земли,
Отер руками пыль
И принял позу.
В натянутую тетиву стрелу приладил —
И на глазах открывшей рот толпы
Согнулось древко и стрела взлетела.
Всю дюжину колец пронзила
И в лоб сопернику впилась,
Стоявшему вдали.
Занервничали принцы — и замертво упал,
Как тряпка, один из них.

В детстве мы с художником Морони были невиданно жестоки
с ящерицами. Думаю, что будем наказаны за нашу охоту рогат-
ками с отточенными, как стрелы, камешками. Почти каждый
вечер на закате мы направлялись по слякоти дороги, вдоль
которой длинным рядом стояли шелковицы. Внизу протекала
канавка, разделяющая поля. Маленькие ящерицы грелись
на последнем солнце, почти сливаясь с морщинистой корой
деревьев. Наши шаги утопали в грязи.
Казалось, что мы нарочно замедляем их, чтобы не спугнуть бед-
ных созданий. Пущенные нами стрелы попадали почти всегда
в цель. Часто оторвавшийся хвост извивался в воздухе сам
по себе. Потом мы возвращались домой, увешанные гроздьями
наших жертв, с тем чтобы закопать их во дворе художника.
В том самом, где он научил меня слушать шум дождя, падаю-
щего на огромные листья инжира, и показывал на мокрой земле
следы кур, напоминающие японские иероглифы.

Рукою, полною неутомимой злости,
Другие стрелы шлет Улисс:
И ранит — они вонзались в груди.
В горле застревали,
Как и слова, испачканные кровью,
У женихов, его жену желавших.

128
129

Все прочь бегут —
И Телемаху не надобно таиться боле.
Пастух с друзьями взялись за мечи,
Ножи и копья — началась резня.
Все принцы пали —
Бледнее мрамора их лица,
И выпавшие языки лизали пыль.
И мертвых быстро увозили прочь
На тачках для свиней.
Тем временем Улисс с друзьями
Присели на ступенях отдохнуть,
Водою поливали друг на друга.
Старались кровь отмыть и заодно усталость.

Часто я грущу от того, что мне не хватает злости. Хотел бы вылизать всю сладость, что стекает с моих слов, и говорить о людях, которые пинают беременных женщин в живот или мочатся в стаканы и предлагают это свое шампанское путанам, с которыми проводят ночи. Чтобы рассказать о сегодняшней жизни, нужно иметь силу молодых матерей, которые рожают на улице и выбрасывают этот живой комочек мяса в мусорные бидоны. А я все твержу, что нужно слушать симфонию дождя. К сожалению, не умею делать лучше, и струны нежности держат меня вдали от ужасающей правды. Оптимизм ночи угасает, дрожа перед светом свечи или в белизне молока в стакане на тумбочке.

*Меня в Большой ты повела впервые.
Горами золота предстали ложи
И стали рушиться и падать, показалось.
Но ты сказала мне:
«Стой прямо — ведь красота не может подавлять».*

Когда в дверях дворца явилась Пенелопа,
Укрытая прозрачными шелками,
Все разошлись,
Оставив их вдвоем.
И встал Улисс — с его груди
Стекала каплями вода.
Он долго смотрел на Пенелопу молча,
Застыв от восхищенья.
Она ему улыбкой отвечала:

И воздух вокруг дивного лица
Светлел.
Пошла навстречу мужу.

*Воздух — это та легкая вещь,
Что вокруг твоей головы.
И становится более светлой,
Когда ты смеешься.*

Едва касаясь, влагу осушила на теле
Тканью, ее руками сотканной.
Ласками казались прикосновенья —
Двадцать лет их сдерживала Пенелопа.
И вдруг обнялись. Улисс боится
Прижать сильнее — боль ей причинить.
Она прильнула к нему всей нежностью,
Дотоле накопившейся.
Когда же сил хватило оторваться,
Разъять объятия, чтоб поделиться,
Поведать обо всем словами,
Дрожали только губы и... молчали.

*Она сверху пришла из сада,
Где цветущий миндаль сотворял свое чудо.
Между губ мне вложила цветок.
Так же точно, как делала мама
С первым цветом фиалки в горшочке,
И отец ту фиалку держал
Со словами, расцветшими с нею.*

Сегодня сильные чувства можно встретить лишь на сцене.

ЛИСТ И МОЛНИЯ.

Часть вторая

«Одиссея» в том виде, в котором она вышла в России, не предусматривалась в итальянском издании. «Одиссея» в Италии вышла без истории деревенского Улисса, то есть без автобиографических заметок Тонино. Поэтому эти дорогие Тонино тексты вошли в книгу «Лист и молния», которая появилась позже в Италии. Оттого в русских текстах они повторяются дважды, как в «Одиссее», так и в «Листе и молнии». Мы предлагаем читателю оба аутентичных текста.

Лора Гуэрра

Посвящаю моим сестрам Гуэррине
и Марии, которые держали меня,
маленького, на руках, и моему брату
Дино, научившему любить родителей.

Желание уединиться появилось у меня, когда я понял, что мысли блуждают в запыленной пустоте головы. Я должен был оставить всё, что меня окружало, и дотронуться руками до моего детства. Вновь обрести радость, которую испытывал мальчишкой, подставляя раскрытый рот дождю, или просто почувствовать ладонью только что сорванный листок. Хотелось бы следовать запаху диких трав и легкому поскрипыванию ржавых водосточных труб, ведущих дождевую воду вдоль стен покинутых домов.

Когда я добрался до долины «летающего пуха» — так называют уединенное место в Апеннинах, уже тосканских, — то с удивлением заметил, что со мной происходит нечто подобное, что и с учительницей из Калабрии.

Она давно мечтала купить дом в Романье⁵, на холмах, но никак не решалась. Не могла ни на чем остановиться, всегда чего-то не хватало, и наступало разочарование.

Однажды в двух шагах от Сан-Марино⁶ увидела старый дом рядом с заброшенным кладбищем. С первого взгляда влюбилась в него и тотчас захотела приобрести. Поняла, что этот мир ждал ее появления.

Год спустя родные из Калабрии прислали ей журнал с фотогра-

⁵ Область Италии.

⁶ Независимая республика на территории Италии.

фией дома и рядом — покинутое кладбище. Там жили их предки. И она сразу увидела, что купленный ею дом невероятно похож на родовое гнездо ее семьи.

Обветшалые дома и развалины, что были теперь перед моими глазами, напомнили то время, когда брат привозил меня в эти места. Он покупал уголь для отца, а тот продавал его в Сантар-канджело. Здесь я уверился окончательно, как мне необходима потрескавшаяся земля под ногами, а не крытый асфальт дорог. И облаку воды случается вырастить на наших глазах цветы, которые вмиг увянут. Как только я оказываюсь перед руинами, меня охватывает волнение, чувствую присутствие времени, его плотность, разрушения, произведенные дождем, солнцем, и умирающие камни. И понимаю, что природа дарует архитектуре следы времени и смерти. Готические дворцы и памятники Возрождения, так хорошо сохранившиеся, вызывают во мне привычное восхищение. Однако руины помимо восхищения требуют моей нежности и сочувствия к их человеческой агонии.

В памяти оседают тихие беседы с немymi предметами. Эти затаенные разговоры проясняют скрытые от нас истины. Тяга к покинутым местам во многом зависела от соседства сада с двором моего дома на улице Верди. Четыре метра металлической сетки до покосившегося сарая, где кучей был насыпан уголь. Мой отец продавал его, отвешивая на прикрепленных к потолку весах. За сеткой — зеленое поле Милотти, которое кончалось садом семьи Морони.

В ту пору я очень дружил с Федерико, их старшим сыном. Мы сидели вместе в хлеву и слушали, как идет дождь и стучат капли по листьям инжира. Куры оставляли на влажной земле следы, похожие на иероглифы.

Мне намного проще было осуществить намерение уединиться, потому что моя жена решила уехать в Москву. На некоторое время. Одна. Это меня удивило. За тридцать лет нашей жизни лишь я настаивал на возвращении в Россию. В последнее наше путешествие, которое продолжалось дольше обычного, она вновь обрела глубокую привязанность к друзьям, проснулся интерес к театрам и концертам.

Когда мы вернулись, лабиринт нашего дома, образ жизни, немного уединенный на природе, не удовлетворял ее более. Когда она решила возвратиться в Москву, я не спросил ее, сколько времени хочет остаться вдали от меня: понимал, что она растеряна. После ее отъезда много дней мне не хотелось ни с кем гово-

рять. Я поднимался наверх в сад миндаля, откуда мы вместе смотрели на долину. Однажды, перед вечером, я сел за стол, где она оставила вазу с розами. Теперь они завяли, я старался услышать шум падающих лепестков, когда они касались стола. Так она научила меня в Москве.

Наш след земной сотрут,
Сокроют солнце, ветер, воды.
Оставленный им знак иль тень
Мы силимся найти.
Так и жена моя в Москве
Стремится отыскать слова,
Оброненные тридцать лет назад,
Их в поле травы сохраняют,
Где мы пушинки белые сдували
С головок одуванчиков —
Цветы цикория так называют.

К счастью, во мне крепла спасительная мысль уехать на некоторое время и увидеть те места, где летает пух. С этой долиной меня связывали воспоминания детства. Брат возил меня в горы к вершинам Апеннин на грузовике. Путешествие, полное приключений. Я знал, что почувствую, вернувшись: то же самое, когда мальчиком воображал, что море окончательно затопит собою пляж и все остальное. Понимал, что пройду по тропам забытого.

Я остановился и долго смотрел на мир жестяных крыш над грубо сколоченными досками, поросшими мхом, со щелями, затянутыми паутиной.

Отвлекло меня появление нереальной фигуры: ко мне, как к давнему знакомому, с улыбкой подходила старая женщина. Она принимала улыбкой каждого, кто попадал в этот безлюдный мир. Я утонул в спокойствии ее глаз, которые поначалу казались подернутыми туманом. Ее взгляд постепенно прояснился, как глубокая прозрачная вода показывает тебе свое дно.

В какие-то моменты жизни случается испытать пронзительный восторг и потрясение. Ты наслаждаешься этим тайно, не пытаешься ничего объяснить. И сумерки души не кажутся более такими непроницаемыми. Лицо подошедшей женщины через многие годы напомнило мне мою бедную мать, не знавшую грамоты, но мысли ее были чистыми и удивительными. Она была сильной, несмотря

на ее хрупкие кости. Могла остановить бегущую лошадь, ухватив свисающие до земли поводья. Мне до сих пор больно за недостаток проявляемой к ней нежности. Я корчился от стыда за ее невежество, не понимая, насколько велика ее мудрость.

В те времена жили гиганты, способные преодолевать нечеловеческие трудности. Они умели прокормиться, не теряя достоинства. Я последовал со старой женщиной по неровной, поросшей кустами дороге. Мы прошли дубовой рощей, где воздух почти всегда пронизан перьями и летающим пухом. Их оставляют в небе этого отдельного мира птицы в период линьки.

Иногда мы огибали холмы, покрытые каменной коростой, которая легко крошилась от солнца и дыхания ветра. И тогда вся эта зернистая материя катилась вниз по склону, образуя маленькие пирамиды осколков на дороге, что спускалась к мосту Сестино. Нам надо было добраться до светлого склона скалистых гор. В июле во время полнолуния на этом склоне возникает особое свечение. Лунный свет попадает на скалу, и она отражает его, посылая в долину. Идем вдоль каменистого ущелья, за ним открывается поляна с травой, усеянной белыми мотыльками, которые поднимаются в небо при нашем появлении. Запах лимона мы услышали, когда было еще далеко до маленькой часовни.

Ее сложили угольщики из дерева и жести. Преодолев трудную часть пути, мы добрались до нее довольно быстро. Церквушка была окружена дубами, которые спускались к каменистому ручью. Пенистый ветер убегал вниз по расщелине, гладил стены старой постройки. Моя спутница открыла затворенную на деревянный засов дверь.

Я не сразу увидел, что было внутри. Разглядев, был поражен: весь пол был устлан зеленым ковром травы «Луиза». Она тихо колыхалась, послушная ветру, доносившемуся из верхнего оконца. И ничего другого, лишь эти листья. «Каждое воскресенье, — доверилась мне старушка, — вот здесь, перед часовней, я становлюсь на колени и вдыхаю этот запах. Он приносит смирение и благодать. Это моя молитва. Трава здесь весь год зеленая. Видите, из того маленького окошка до нее долетают брызги, когда идет дождь». — «Кто посадил эти листья?» — любопытствую я. В ее глазах появилась нерешительность: «Листья умирают и рождаются сами. Кто-то так хочет, но я не знаю, кто». Старуха опускается на колени, а я стою рядом с ней. Она не отрывается от листьев травы «Луиза». Никто и не пытался объяснить:

отчего жизнь зеленого покрова непрерывна. Я стыдился встать на колени. Мне казалось, что это противоречит моим убеждениям. Тогда я сел рядом. Она ушла в себя. Зеленый ковер все более зачаровывал меня, и мысли питались его ароматом.

В конце войны почти исчезло поклонение разлитому в воздухе запаху. Немногие приезжали сюда. Те, кто верил тайно и убежденно. Поднявшись, спутница долго прощалась со мной, пожимая руку, сказала, что уезжает к больной сестре в Сицилию, но в случае надобности я могу обратиться к женщине, которой она оставляла дом. Это и была одна из последних прихожанок маленькой церкви с ее ароматом, приехавшая на покаяние. Уходя, обернулась, чтобы сказать мне: «Встречи часто начинаются в момент расставания». Она не дала мне времени ответить. Я долго оставался под впечатлением этой загадочной и прекрасной фразы.

Я поселился в большом старом доме со множеством окон, почти без мебели. Дверь одной из комнат была заперта. Туда наверняка поместили наиболее ценные вещи. С собой я привез все, что могло пригодиться. Простыни, туалетные принадлежности и одежду. Узнал, что раз в неделю на развилке местной дороги останавливается грузовичок с фруктами, сыром, хлебом и другой снедью. Покупатели были редки: одинокие люди или семьи, которые остались жить на зиму в этих горных ложбинах для заготовки дров. Торговец сообщил, что к нему приходят покупать хлеб женщина и толстяк, которого звали Ремоне. Видимо, немой. Первую ночь шел дождь, и я слышал, как капли стучали по дереву окна и двери. Растрогался, вспомнив, как однажды мы с матерью отправились навестить деда. Он жил в маленьком сарайчике — его летнее убежище в Сантарканджело. В тот день была сильная гроза, и мы молча сидели, укрытые старыми досками стен. Когда дедушка умер, я не раз возвращался в этот сарай. И летом. Как только я входил в него и садился, сразу же начинался дождь. Его удивительный шум жил в моей памяти, и я его слышал. Он возникал во мне всякий раз, когда я туда заходил. Даже если на улице светило солнце.

Женщина появилась в этих краях «летающего пуха» в самом начале лета. Худошавая и молодая, разговаривая, она постоянно жестикулировала, что меняло очертания ее тела. Маленькая церковь в горах, где пол был покрыт травой «Луиза», пробудила ее любопытство. Она знала, что многие стремились сюда, чтобы просить милости и найти утешение. Женщина приехала с мужем.

136
137

В тот день им пришлось идти по нехоженным тропам, часто опасным и ухабистым. Иногда встречались кусты с дикими ягодами, а временами совсем голые тропы были отмечены следами животных, искавших траву. Они знали, что одна старая женщина собирала летающий пух и делала мягкие перины. Продавала их на ярмарках в горах. Им удалось найти ее. Она-то и привела их к маленькой церкви. Женщины подружились. Во второй раз молодая синьора вернулась одна и остановилась у новой подруги. Она подолгу стояла на камнях и вдыхала аромат лимонов, исходивший из часовни. Просила о помощи. Ей хотелось обуздать свое воображение. Независимость его доставляла беспокойство, особенно после того, как вышла замуж. Время от времени она возвращалась в эти места, где летал пух. Это помогло ей подавлять запретные, произвольно возникавшие желания, и в их отношениях с мужем воцарялось спокойствие.

Я остановился и через запыленные стекла разглядывал пустые комнаты в домах. Туда проникал укрощенный свет, и бледный воздух этих комнат походил на разлитое грязное молоко. Видел покосившуюся мебель или пустоту, огражденную стенами, которым уже нечего было защищать. Разве что забытый обеденный стол из дерева, выкрашенный в голубой цвет. Он потускнел от времени и потных рук. Я наслаждался: люблю краски, на которых печать времени и нищеты.

Часто разглядываю пейзажи, подсказанные пятнами на облупившейся штукатурке. И тени, оставленные подтеками воды, с рисунком ветвей, растрепанных ветром. Если сел на забытый стул перед камином, легко представляешь, что ты и есть тот человек, которого здесь не хватало. Если подолгу не отводишь глаз от гор мусора и отходов, то можно поверить в их готовность пробудить воображение в тех, кто питает к ним жалость.

Я долго шагал по Земле, собирая слова, затерянные среди ржавых шумов. Заметил, что стены брошенных домов и развалины вновь оживают от теней внимательных к ним прохожих. Когда я понял, что и моя тень приносит утешение, стал переносить ее от одной разрушенной стены к другой. Потом присел отдохнуть на край длинной каменной поилки для скота, в которой не было воды. Вокруг нее росли пучки высокой и сухой травы со склонившимися гроздьями семян.

Едва я наклонился поднять дикую сливу в жухлой траве тропинки, как услышал чьи-то шаги. Они наверняка доносились от сухого подлеска. Я обернулся и увидел Ремоне. Впервые. Шел он мед-

ленно. Высокий и довольно грузный, он ширился книзу неожиданными округлостями. Ремоне походил на большое доисторическое животное, ведомое запахом. Огромные, как листья инжира, уши не собирали более ни человеческих голосов, ни звуков. До него, возможно, долетали далекие и понятные только ему загадочные сигналы. Рассеянный взгляд видел собственные миражи, не замечая ничего вокруг. Крикнул: «Добрый день, синьор Ремо!» Кажется, я плеснул тишиной в окаменевшую мягкость его лица. Оно выражало лишь полное равнодушие и отрешенность от этого мира. С его губ скатилось едва слышное бормотание, подобное глухому рокоту водопада. Зачарованные глаза выглядывали из распухшего тела. В них еще жили далекие отблески памяти. Хотелось бы дать совет, чтобы все внимательными глазами посмотрели на старые двери, отдавая им должное. Они и теперь оберегают деревенские брошенные дома, хлева или загоны для скота. Вас не смогут утешить художественные достоинства или особое мастерство их изготовления. Однако это встреча со временем, оставившим на них свой след. Так вы вдруг заметите, что существуют предметы, которые смотрят на нас сердцем, и вы сможете дотронуться до мира даже с закрытыми глазами. Такие двери ждет одна и та же судьба. Их защита — паутина вбитых гвоздей и россыпь деревянных заплат. Те, кто не может позволить лишних затрат, не собираются заменять их, предпочитая чинить, прошивая гвоздями фанеру, которая бережет от жары и защищает от холода.

Когда я снова приехал в места, где летает пух, чтобы взглянуть на стоящий последним огромный крестьянский дом, мне бросилась в глаза старая дверь, будто видел ее впервые. Я сразу же влюбился в нее. Делал ее, вероятней всего, простой плотник или хозяин этого дома в горах. Доски были так грубо заколочены, и в это бедное дерево вбили такое множество гвоздей, что я сразу же нашел ей имя: распятая. Я стоял и смотрел на этот ковер из гвоздей, когда дверь отворилась, и в ней появилась ЖЕНЩИНА. Совсем не удивившись моему присутствию, она прошла мимо и удалилась.

Женщина подошла к маленькой церкви, как только наступил рассвет. Небо пересекали светлые полосы, как будто летели уставшие птицы с размытыми крыльями. Она опустилась на колени и ждала с закрытыми глазами, когда до нее донесется аромат листьев. Но в этот день листья не источали аромата, будто не хотели общения с ней. Она открыла глаза и увидела,

что ковер был еще в тени, тронутый местами блестящей темной росой. Спустя некоторое время, когда посветлело, стали видны маленькое окошко и задние стены. Воздух в часовне прояснился. Прошло еще немного времени, наконец первая струя лимонного аромата донеслась до нее, и Женщина подумала, что долетевший до нее запах и есть тайное откровение. Я понял, что тишиной можно дышать. И сам того не замечая, надолго погружаешься в покой.

Вот уже несколько дней, как Ремоне собирал старые фотографии родственников. Некоторые из них так и остались стоять за стеклянными дверцами буфета. Когда все еще жили вместе, фотографии были аккуратно разложены по ящикам домашней мебели. Целую ночь он рвал все эти фотографии. Лица, запечатленные на них, давно его раздражали. Он не желал ничего общества. Ему хватало двенадцати котов, брошенных бедными обитателями соседних домов. Он спустился к ручью, где застыли каменные глыбы. И выбросил туда разорванную в клочья бумагу. Заметил Женщину, которая в ручье набирала воду, придя несколько раньше.

В определенные часы заката трудно сохранять яркость своих последних вспышек, им не на что опереться. Я сидел на камне перед стеной, внутри разрушенного дома без крыши. Смотрел на эти безжизненные отблески, которые поднимались снизу, обнажая осыпающуюся штукатурку. Свет удивительной прозрачности постепенно позволял увидеть грязно-зеленую краску стены. На моих глазах развалины домишек высвечивались, становясь прозрачными. Бледная ясность сумерек долго сопротивляется пепельной пыли вечера, которая пробует ее уничтожить. Она отрывается внезапно от стен и улетает, становясь темными страницами ночи. В воздухе тут же угасает птичий гомон. Но живут другие звуки. Они отзываются в горах, доносясь с дороги на Сансеполькро.

Я вспомнил, как в Грузии мы с женой искали «музыкальное ущелье» — впадину, поросшую травой, куда доходили шумы и звуки из самых отдаленных мест. Мы оказались там вечером к концу лета. Было жарко, и свет омывал очертания окружающих нас гор. Донесся шум дождя, который шел где-то возле Зугдиди за сотню километров отсюда. Какими тропами бежали звуки, чтобы добраться до маленького ущелья? Столетний грузин, который жил на самом краю оврага, поведал, что сюда доносится не только гул шторма с Черного моря, но и волны тишины.

что царит перед заснеженными лесами. Немногие исследователи этого странного явления обнаружили извилистую трещину. Она тянулась от ущелья, соединяясь с другими, через весь горный хребет, до чайных плантаций у самого моря. Словом, это инструмент, лучше назвать его каменной музыкальной шкатулкой, поросшей влажной вечнозеленой травой.

Рано или поздно я хочу сделать признание: стараюсь найти не только свое детство, но прежде всего детство мира. Не знаю отчего, но когда я добрался до края долины, чтобы увидеть руины «Дворца Монахов» — так называют теперь старую обитель, — память выплеснула на развалины монастыря образы Берлина, который превратился к концу войны в улей с пустыми сотами. И тотчас же на меня обрушились отрывочные воспоминания о больших городах, которые я посетил. Окраины с обшарпанными зданиями. Длинные ряды двухэтажных домов и каркасы трамваев, сто раз перекрашенные, с номерами, обозначенными по старинке. Мусорные баки, обломки дерева, остановленные фабрики с печными трубами, покрытыми ржавыми листьями жести, питейные заведения со складными деревянными стульями. Кофейные чашки без ручек, чугунные колонны, кривые ограды, люди, которые гортанно выкрикивают слова. Болезни, вышедшие из моды, например человек с зобом. Помпезные здания, распухшие от лепных украшений на окнах, источающих скуку. Не будучи в моде, они обваливаются, теряя каждый день по кусочку. Дух большого города ощущается, когда в нем остаются еще неизлеченные места. Быть может, они и не станут здоровыми. Именно туда я устремлял свои глаза. Районы, где живут люди с врожденным равнодушием к любым новшествам и благополучию. Обычно из трясины этих районов приходит к тебе ощущение, что именно здесь сплетается порочный узел. Меня совратил Нью-Йорк, потому что в нем есть обветшалые окраины, которые освещались всего несколько лет назад газовыми фонарями, и облезлые многоэтажки, где живут пуэрториканцы. В таких кварталах пространство сжалось, а время растянулось от скуки и отчаяния. По-иному, нежели в богатых кварталах, где пространство расширяется, а время сжимается. Лавина беспорядочных образов, хлынувшая на руины монастыря, вскоре иссякла. Я шел по рассыпанным камням и прогнившим балкам, пока не наткнулся на яму, куда бросили спрессованные шары из бумаги. Их было штук сорок, и я никак не мог понять, для чего они нужны. Взял один из них и показал его старому

разносчику. Он сказал мне, что ими растапливали печи, как углем, в последний год войны, когда монастырь был действующим и прятал беженцев. Эти шары делали из бумажных отходов, выброшенных писем, а часто и из важных документов, украденных из библиотеки монастыря. Не знаю почему, я подумал, что внутри шара, который держал в руках, было письмо от моей жены. Тогда я разворошил этот спрессованный комок бумаги, сплошь исписанный от руки счетами. Бумага, ставшая словами и цифрами.

Три дня мы не обмолвились ни словом —
На то свои причины были.
И все ж едой она мою тарелку наполняла,
А я съедал с понурой головой.
В постели, отвернувшись, спали,
Пока однажды утром наши руки
Не встретились случайно на спине собаки.

Ремоне провел почти весь день в поисках тряпья, которое прежние жители выбрасывали в канаву. Туда во время дождя и гроз выплескивалась накопившаяся в листьях вода, как из ложек. Когда Ремоне находил лоскуты старой одежды, срывал с нее пуговицы. Он их собирал и выкладывал в ряд на стенной полке в своей комнатке — специально отведенном для сна пространстве под деревянной лестницей. Она шла к потолку лишь для того, чтобы держать на своих ступеньках башмаки с налипшими на них комьями грязи, кучи бумаги и ржавые консервные банки. Ремоне нравились больше всего чуть пожелтевшие костяные пуговицы, которые когда-то использовались для нижнего белья. Его мама в детстве давала ему в руки длинную нитку, по которой пускала пуговичку взад-вперед, и так он проводил время. В один прекрасный день Ремоне порвал нитку и проглотил пуговичку. Запах лимона сопровождал Женщину до ручья, где валуны наполовину погружены в воду. Ей хотелось избавиться от дурных мыслей. Ни в ее поступках, ни в поведении не было ничего постыдного. Сохраняя верность мужу, ей не удавалось, однако, избавиться от фривольных игр воображения. Она была пленницей мысленного непослушания, приносившего ей слабое утешение, но уводящего от реальной жизни. Теперь в ней проснулось желание рабства и всецелого подчинения вере. В эти дни она была счастлива, стоя на коленях перед полем травы

«Луиза», которое своим ароматом вселяло в нее спокойствие и защищенность.

Однажды утром Женщина остановилась возле меня. Я изда- лека смотрел, как она молилась. Без сомнения, она была хороша собой. Однако во всей ее фигуре не было и намек на откровен- ный вызов. Скорее хрупкость, которая придавала ей монашеский вид. Возможно, ее медленные жесты и движения — словно они с опозданием повиновались ее же воле — и вызывали мое любо- пытство. Она сразу заговорила со мной о преимуществах рабства, необходимости подчиниться некоему убеждению, о желании быть ведомым: «Нами управляют всегда указующие стрелы». Она говорила о своей любви к этому запаху травы, доносившемуся из маленькой церкви, который омывал ее волнами спокойствия. Когда пришел мой черед отвечать, я рассказал о своем трепет- ном отношении ко всему забытому и покинутому.

Потом я понял, почему мне хотелось говорить. Она слушала, смущаясь, но с глубоким вниманием. Я заметил, что ее губы двигались вяло, как у людей, которым мешают другие мысли. Постепенно разговор приобрел ритм беспорядочного танца, наполненного таинственным смыслом, как будто это были знаки, затянутые темной паутиной. До тех пор пока одна мысль не находила другую, чтобы вылиться в дрожащее, напоенное светом нечто, понятное обоим, стоящее выше всего недоска- занного. Приходило второе дыхание, полное ожидания. Главное, что дарила мне Женщина, — это свое умение слушать. Она всем существом откликалась на слова, текущие к ней, отвечая легким дрожанием взгляда. Могла настолько растрогаться, что глаза ее увлажнялись от полного понимания. И тогда ты не знаешь, что более ценно: то, о чем ты сейчас говорил, или почти молит- венное внимание твоего слушателя. Я доверился, рассказав, что могло понравиться и ей: «Меня иногда охватывает необъясни- мый восторг. Тогда я превращаюсь в человека, у которого много вопросов и нет ответов на них. Мои мысли вспыхивают и гаснут так же быстро, как закаты превращаются в пепел ночи. Насла- ждаюсь своей растерянностью. Однако не в силах ни в чем разобраться. Часто нахожусь в состоянии, близком к озарению, впрочем, всегда недостижимому». Слова росли и вели дальше по затаенным тропам. У нас возникло единое дыхание, как будто говорит и слушает один и тот же человек. До тех пор пока я ненароком не приподнял ее легкую блузку, которая скрывала маленькие груди с упругой точкой над мягкой припухлостью,

142
143

воскрешавшей в памяти детские желания. Она не отреагировала. Блузка вновь прикрыла молодую и равнодушную грудь. Женщина отошла, но казалось, что она и не тронулась с места. От ее походки возникало ощущение неподвижности, словно ей незачем было торопиться — она уже убежала от всех и вся. Потом Женщина решительно пропала. Мы снова держались друг от друга на расстоянии, как в тот первый раз, когда, глядя на одну из кошек Ремоне, я увидел ее: она появилась светлой точкой на стене, вобравшей мои закаты. На закате Женщина, гуляя по лесу вдоль ручья, заметила, что за ней следует совсем близко лиса. Днем на голову Женщины села птица, чтобы любоваться оттуда миром. Ночью обнаружила, что лесные светлячки образовали вокруг нее облако светящихся точек, и вдруг все вместе разом угасли. Она подняла руку, провела ею по воздуху, почувствовала на ладони пульсирующие живые песчинки. Оказавшись рядом с моим жилищем, бросила светлячков в мою комнату. И воздух вокруг меня засветился. Но это мог быть ее сон, отчасти и мой тоже.

В Баку однажды забрели мы в лавку
С расшатанными тридцатью дверями.
Среди вещей, покрытых пылью,
Ты отыскала голубой комод,
Украшенный осколками зеркал.
Легчайшие, как ноготки, дрожали
От ветра с моря.
Оно волнами перекатывалось рядом —
И временами зеркальце слетало —
К рукам моим его нес ветер,
Лицо твое в нем отразилось.
Я в зеркальце смотрел, покуда
Твое лицо моим не стало.

Когда коты совсем ословели от сна и растянулись на полу и на столе кухни, Ремоне берет их одного за другим и закрывает в своей спальне. После чего он высовывает руку из окна кухни. Его ладонь полна крошек хлеба. Свободной рукой тянет на себя сальную занавеску и прячется за нею. Птицы не заставляют себя ждать, хватают на лету с ладони крошки. Редко кто садится на его большой палец с кое-как отрезанным грубыми ножницами ногтем. Иногда он добавляет к крошкам и кусочки мяса для кор-

шуна, который ворует цыплят. Когда появляется коршун, почуяв мясо, воздух трепещет от взмахов его крыльев. Но птица тотчас же летит прочь, низко паря над землей, к самому краю долины. Если появится коршун, почуяв мясо, воздух вокруг руки сотрясается от взмахов его крыльев, и птица тотчас же летит прочь низко над землей в конец долины.

Я нагнулся подобрать с земли какой-то круглый предмет, похожий на яблоко, но потом понял, что это был старый клубок ниток. Поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с глазами зверя, которые тоже смотрят на меня. Это был не кот, какое-то более дикое существо. Во взгляде — нескрываемое любопытство и страх от загадочной встречи. Некоторое время мы внимательно изучаем друг друга, и я спрашиваю себя: как такое совершенство, как глаз, смогло возникнуть само по себе? Занятый этой мыслью, я двинулся дальше и оказался совершенно случайно возле дома, где жила Женщина. В тот же самый миг она открыла дверь и пригласила меня войти, потому что начинался дождь. Женщина сразу же начала рассказывать, что не получала никаких известий от старухи... Показала мне стеклянную вазу, полную цветных птичьих перьев. Дождь стучал по крыше, и мы слушали, как сбегала вода по дырявым водосточным трубам. Эти звуки сливались с шумом воды, стекавшей с листьев.

Мне захотелось отыскать в горах место, где жил старик, умерший всего несколько лет назад. Он соорудил настоящую паутину из водосточных труб, привязывая их к высоким деревьям. Дождевая вода, по его словам, полная космической энергии, стекала в ржавые бочки под виноградными лозами. Женщина предлагает мне накрыться клеенкой от дождя и выходит вместе со мной. Тропинка приводит нас под сплетение этих труб. В них пела вода, быстро текущая внутри. Мы долго наслаждаемся музыкой, которую дарит дождь, и совсем не замечаем, что насквозь промокли. Тогда она берет меня за руку и ведет к себе. Я покорно следую.

Зимой лишь солнце угасало,
Мы спать ложились.
Когда шел дождь,
Подолгу воду слушали,
Бегущую по трубам.
Покуда не вступали в сон.

144
145

Мы раздеваемся донага и ложимся в постель, не сдерживая робкой смелости движений. Казалось, наши тела объаты грохотом дождя. Временами молнии разрывают воздух. Оба зеркала на комоде загораются их отблесками. Я рассказал ей об одном грузинском князе. Опасаясь ГУЛАГа, он укрывался в горном селении над Бакуриани, где разводили лис. Он показал мне на горизонт, которым кончался высокогорный луг: «Я все смотрю туда и жду, когда покажутся наши знамена». Его глаза светились надеждой. Мы вместе вышли к опушке леса, где стоял старый деревянный дом на высоких сваях, под домом держат скот. Неожиданно мой спутник наклонился, сорвал с куста зеленый листик и протянул мне его со словами: «Положите лист в карман — он защитит вас от молний». — «Каких молний?» — спросил я, решив, что он намекает на политические гонения. «Грозовых молний. Они стали очень опасными». Я вложил листик в записную книжку и спрятал в карман... Когда мы прощались, он сказал мне: «Нужно верить во все. Особенно в то, что кажется невозможным. Сейчас многие думают, что народные поверья ошибочны, и забывают их. Но Великие Истины не терпят ясности».

Женщина улыбнулась: «Вот видите, значит, я права, что верю в этот аромат». Мы вновь возвратились к шуму дождя. Слушали и наслаждались. В великих симфониях присутствует дыхание тишины. Так и в этом оглушительном грохоте возникали затишья, предваряя и подготавливая новые громовые раскаты. Наши тела вздрагивали, непроизвольно учащая прикосновения. В какой-то момент мне показалось, что ее рука нервно погладила меня, словно хотела сорвать случайно найденный цветок. Все казалось созвучным грозе. Когда небесный грохот стих, в комнате еще оставалось учащенное дыхание.

Пошел дождь, и Ремоне помог всем кошкам зайти в дом. А сам остался на улице. И в детстве он так же мок под дождем. Ему было приятно чувствовать прохладу, стекавшую по коже. Вымокал с головы до ног. К счастью, горели одновременно четыре фонаря там, где раньше была площадь. Возможно, мэрия Бадия Тедальда по ошибке забыла о них. Ремоне нравилось двигаться в этом влажном свете. Он ходил, пока ему не начало казаться, что он должен что-то совершить, но не знал, что именно. Дойдя до часовни, сложенной угольщиками, Ремоне принялся сразу же разбирать перекрытие из дерева и жести. Он аккуратно складывал все это: бревна по длине, а кровельные листы — один на другой. Наконец-то Ремоне открылся зеленый ковер

пола из травы «Луиза». Он вырвал все до последней травинки. Уничтожив ковер, спустился к горному ручью и доверил сорванные листья травы водам. Возвратился домой, разделся донага и запихнул всех кошек в мешки. После чего покинул навсегда и этот дом, и эти места.

Редко случается увидеть подлинный свет, если он еще жив, первозданный свет рождения мира. Теперь это лишь усталые его отголоски, приглушенные нити свечения, которые пронизывают дрожащие тени. Ему любопытно проникнуть в щели не силой, а своей слабостью, дабы суметь снова зажечь краски, ставшие прозрачными у насекомых, уснувших в щелях. Этот свет так постарел, что не способен более освещать. Он продолжает жить, оседая на пыльную россыпь, коросту грязи и стебли травы. Это свечение дарует духовность забытым домам и развалинам. Ему удастся придать загадочные очертания жукам, закрывшимся сплетением лапок. Поведал мне о первых вспышках света, осиявших мир, монах из Кастельдельчи; однако этот свет давно ослаб, удалился от крупных центров, которым необходимо яркое освещение. Эти лучи можно еще встретить в покинутых людьми местах, только там они и продолжают жить, утратив свою яркость. Они оживают сразу же после заката, когда руины становятся белыми невесомыми страницами, уже запачканными пеплом ночи. Бледные пятна отрываются от стены и улетают, чтобы стать темнотой. Мне привелось увидеть их однажды утром еще до рассвета. Я искал утешения в этом мертвом мире пронизывающей до костей влажности, которая поднималась из глубоких расщелин.

Спрашивал себя: для чего пестовать в себе нежность к России далеко от нее и чувствовать себя изгнанником в Италии?

Особенно теперь, когда моя жена вновь обрела любовь к своей земле, где мы вместе прожили незабываемые дни, шагая под снегом, который сопровождала музыка.

Квартира в Москве была маленькой клеткой для нашей сказки.

Случалось иногда нам завтракать вдвоем.

Ей в чай клал сахара кусочек я,

Она заботливо — в мой кофе с молоком.

В то утро с миндаля все лепестки, как снег,
опали.

Она сказала: «Помнишь, как в Москве

Мы с воробьями завтракали вместе —

Бросали, стоя у окна, на снег
Им крошки хлеба?»

148

149

Возможно, женщина хотела уехать, даже не простившись со мной. Я встретил ее случайно, уже с дорожными сумками в руках. И сразу понял, что она покидает эти места. «Как же так?» — только и вырвалось у меня. Тогда она подошла и стала объяснять, что именно подвигнуло на такое внезапное решение. Не только разрушение часовни, но и ее собственные несбывшиеся надежды на перемены. Уходя, добавила: «Как было чудесно, когда мы слушали вместе шум дождя».

Но в ту грозовую ночь я был в доме один, хотя живо воображал себе эту несостоявшуюся встречу. Незаметно для себя оказался в саду у старика, жившего в горах. Он умер несколько лет назад. Давлю ногами сухую траву на высохшей земле. Остановился в полосатой тени от огромной паутины водосточных труб. Старик создал ее, крепя эти трубы к ветвям больших дубов и крышам брошенных домишек. Теперь вода не бежала вдоль этих каналов, подвешенных в воздухе, и все же мне казалось, что я слышу ее шум, как будто я совсем недавно стоял здесь под ними во время грозы.

Это место больше не было тем же без женщины и Ремоне.

Но я по-прежнему оставался в этом мире, словно хотел помочь обрывкам памяти слиться воедино. Искать пейзажи, подсказанные пятнами штукатурки, и находить наслаждение от розового цвета вокруг трещины на деревянной поверхности. Она наводит на мысль о тающем пирожном, выпавшем из дрогнувших губ.

Нам нужны не только слова, чтобы избежать однообразия нашей жизни. Любое дикое место может перенести тебя к истокам забытой жизни, где ощутим запах детства вновь рожденного мира.

В этот день в воздухе кружились легкие птичьи перья, как будто они не могли опуститься. Мне удалось поймать одно из них на ладонь. Я почувствовал холодную свежесть и невесомость предмета, который может исчезнуть. Мне удалось снова вернуть его потоку воздуха. Оно полетело вслед птице, поднявшейся из сухой травы. Мне хотелось узнать чуть больше того, что рассказал разносчик о пожилой паре из Римини, уединившейся в домике возле большого кукурузного поля. Они были одеты несколько чужаковато, но жизнеутверждающе. В первые дни октября постоянно удалялись в кукурузное поле, теряясь в высоких колосьях.

Я решил последовать за ними. Часто выглядывал из зарослей кукурузы, стараясь понять, где они. Видимо, остановились где-то или, не задевая стеблей, прошли через все поле. И я неожиданно вышел на каменистый участок, где ничего не росло. Оттуда я заметил легкое движение в середине поля и возвратился. Видно, мы разминулись. Они так хорошо изучили самые короткие пути в кукурузной чащобе, что забавы ради избегали встречи со мной. Я уже собирался уходить, как вдруг набрел на крохотную полянку, которую они расчистили от початков. Вполголоса поведали мне историю. Они окончательно поселились в горах, потому что город не соответствовал более их образу мыслей. Когда они впервые вошли в кукурузное поле, как раз туда, где мы сейчас сидели, то заметили раненого зайца. Ухаживали за ним несколько дней. Потом заяц исчез. Теперь они постоянно приходят сюда и ждут зайца. Они знают, что он тоже придет повидаться с ними и поблагодарить их. Отныне это ожидание стало для них главным занятием.

Бледный, небогатый свет не может жить без поддержки отблесков влаги. Я сидел на камне против стены дома без крыши, наблюдал, как снизу поднимаются гаснущие блики, высвечивая неровную штукатурку. Этот свет прозрачной туманности постепенно обнажал для меня пятна старой стены. Потом я сошел по тропинке и остановился перед садом. Очарованный этим убежищем засохших цветов и травы. Неброское место, с маленькими скромными фигурками из камня, потерявшими свои очертания. Их можно было принять за пятна выцветшего лишайника. Место для полного отдыха ума, поскольку ничто не требует внимания и все покорно откликается на твою грусть. Я стоял у гранитного выступа, который оберегал несколько старых дырявых кастрюль, из которых торчали засохшие ветки, и следил за медленным падением солнца за гребень Лунных гор. Подумал: когда угасает дневной свет, мы тоже становимся пейзажем на закате.

Она сверху пришла, из сада,
Где цветущий миндаль сотворил свое чудо.
Между губ мне вложила цветок.
Так и мать моя делала точно
С первым цветом фиалки в горшочке,
И отец ту фиалку держал
Со словами, расцветшими с нею.

148
149

Сегодня сильные чувства можно встретить лишь на сцене. У меня ушло невероятно много времени на то, чтобы уложить чемодан. Немногие вещи, что я привез с собой, складывал со скоростью черепахи. Едва захлопнув чемодан, вдруг понял, что покидаю мир, где подружился с деревьями, светом, запахами и звуками. Долгие молчаливые беседы. Это и удерживало меня. Во мне росло новое понимание того, чего не замечал прежде. Покидая эти места, чувствую, что мне будет очень не хватать солнечных полос света, пробивающихся сквозь дверные щели. Я часто смотрел на тени, подобные нотным линиям, возникающие на потолке, и ждал, когда жуки, всегда снующие по старым стенам, остановятся на этих линиях, обратившись в нотные знаки, не спрашивая себя, какую мелодию они записали. Не думал, что эти случайные и таинственные встречи так прочно и надолго осядут в памяти. Днем я погасил в себе желание долго и путано объяснить самому себе, отчего держу на ладони осенний лист, пока не кладу его на траву в знак нежного прощания. Часто я грущу от того, что мне не хватает злости. Хотел бы вылизать всю сладость, что стекает с моих слов, и говорить о людях, которые пинают беременных женщин в живот или мочатся в стаканы и предлагают это свое шампанское путанам, с которыми проводят ночи. Чтобы рассказать о сегодняшней жизни, нужно иметь силу молодых матерей, которые рожают на улице и выбрасывают этот живой комочек мяса в мусорные бидоны. Я все твержу, что нужно слушать симфонию дождя. К сожалению, не умею делать лучше, и струны нежности держат меня вдали от ужасающей правды. Оптимизм ночи угасает, дрожа перед светом свечи или в белизне молока в стакане на тумбочке.

В Москве однажды
Увидел я жену перед букетом роз,
Увядших в вазе.
И временами падал лепесток.
Хотелось ей услышать
Дыханье тишины,
Когда листок стола касался,
Та тишина и в нас жила.

Быть может, мне просто хотелось оттянуть время отъезда,
но я отошел от уже уложенного чемодана и начал снова копаться
в ящиках старой мебели, отыскивая то, что случайно мог забыть

и оставить. Нахожу ключ. Не мой. Иду проверить, не от той ли он комнаты, что хозяин запер и не хотел, чтобы ею пользовались. Чувствую, что ключ поворачивается в замке. Открываю, но не вхожу. Не хочу проливать свет на эту маленькую тайну. Много раз я представлял себе, что могло быть закрыто там, в этой комнате. Какие-то неясные догадки, предположения, и только Память возвратила мне историю о Б. Пастернаке. Не помню, кто рассказал мне это. Пастернак жил какое-то время на даче и должен был возвратиться в Москву. Когда друг заехал за ним, чтобы отвезти домой, поэт медлил и долго не спускался к машине, в которую уже погрузил вещи. Друг застал его сидящим на кухне в полном молчании. Подождав немного, обратился к поэту: «Что случилось?» — «Нет, ничего, — ответил Пастернак тихо. — Я прощаюсь с самим собой в том месте, где прожил сорок дней в тишине». Вот и я сидел и никак не мог решиться. Наконец, выхожу, но тут же возвращаюсь. Как будто что-то позволяло меня назад. Без сомнения, это был запах, легкий, но очень определенный. Подумал, что память вновь возвращает мне запах разрушенной церквушки, аромат лимонов. Теперь он заполнил собою уже весь дом. Я понял, что этот запах исходил из затворенной двери. И должен был ее открыть. Не сразу решаюсь на это. Передо мной предстает нечто, поразившее меня, похожее на чудо: весь пол комнаты был покрыт травой «Луиза». Казалось, в этой комнате вновь выросла, возродилась та самая трава разрушенной церкви. Я сидел и думал, пока не понял, что все мои ответы превратились в вопросы.

Francisco Sánchez
2010

ПАРАДИЗ ЕЛИСЕЯ

Октябрь

Казалось, что больные груши,
Упавшие на землю,
Живот на солнце подставляли
Подгнившими местами к свету —
Так Елисей их бережно лечил,
Переворачивая осторожно.

В тот день к нему я подошел впервые.
«Не огород, а госпиталь», — подумал.
И тыквы семечки большие
На жести жаркой в ряд сушились
И ржавчину питали влагой.

И сморщенные яблоки лежали,
Укрытые соломой, на траве —
Она к реке спускалась, зеленея.
И гроздья винограда походили
На горстки пороха,
Отстрелянного на охоте.
Капуста на земле застыла
С гнилой каемкою на листьях.
Он ложками золу ей сыпал.

Заботливый, как лекарь, Елисей
Свой огород спасал от жаркой пыли,
Она издалека бедой настигла.
Страшнее были вести из России —
От взрыва на глазах людей
Разверзлось небо там,
Исчезли птицы, листья на деревьях,
И корчились, как от огня бумага,
Людские лики.

Уж восемьдесят с лишним лет
Носил он имя Елисея.

Жил одиноко, ни дня свой огород
Оставить не решался.

То место называлось Ранко:
Горсть брошенных домов,
Где в октябре дождем орехи
На черепицу падают от ветра.
Там в комнаты пустые по ошибке
Шмели летят, и после они
Не в силах выбраться наружу
Ни к облакам, ни к солнца свету.

Декабрь

Настало время в декабре
Итоги подводить:
Мешок фасоли и картофеля —
Два по сто, и мушмулы⁷ немного,
Плохой наполовину, но и хорошей тоже —
Невидное богатство Елисея.
Снег сыпал с выцветшего неба.
Теперь в оконное стекло
Он видел огород.
На изгороди два дрозда
Старались клювами пробить
Засохшие на ветках гранаты.

Почти весь день валялся он в постели
И наблюдал, как созревает сорба⁸,
Подвешенная на гвозде горстями.
Протянет руку к сорбе иногда
И пробует, готов ли плод.

Созрев, он мягким делался
И походил на яблочко печеное.
Последнее растаяло во рту

Однажды утром, как и снег на крышах,
Что с черепицы капал.

7 Мушмула — экзотический фрукт, который растет и в Грузии.

8 Сорба — плоды, похожие на «райские яблочки».

Он глубиною в метр за зиму накопился
И начал оседать, покуда трава
Не высунула голову из-под него.
В тени, куда не доходило солнце,
Последняя хранилась белизна
И пряталась, пока и от нее
Лишь лужи темные остались.

В день своего рождения,
Шестнадцатый по счету в декабре,
Его кузина навестила.
Вдвоем отведали сухих каштанов —
Он их купил на ярмарке в Сан-Лео⁹.

Помедлив уходить, спросила:
Он верил в Господа, Ему молился?
Не ожидал вопроса Елисей такого,
Склонился к башмакам,
Завязывал шнурки.
Лишь у дверей смог ей ответить:
«Сказать, что есть Господь,
И ложью может стать,
Что нет Его — ложь большую сказать».

М а й
Цвели черешни в мае,
Их аромат до кельи
Отшельника в горах добрался
И омывал вершину Сассо де Симоне.

Елисей все окна настежь отворил,
В них воздух с пылью солнечной струился,
Он зайчиками на стене играл.
И деревянный осветлился шкаф,
Где под ключом четыре платья
Жены ушедшей сохранялись.

Земля наваянную гадость поглотила
И взращивала вновь здоровые плоды.

⁹ Сан-Лео — город-крепость на скале в области Эмилия-Романья, владение Римских Пап.

Лишь тыквы хоронились под навесом —
Пугал их иней по утрам.

У лука зеленели ушки,
Он их считал, и пальцы
В земле проделывали ямки,
С тем, чтоб фасоль похоронить.

Сиденье старого грузовика
На землю у лозы приладил.
И сиживал, застыв подолгу,
Лишь тени редкие на нем дрожали.

Однако нечто шевелилось в огороде
Под зеленью салатных листьев
И полем небольшим клубники.

Не понял Елисей вначале,
Спокойно отдыхал в излюбленном углу,
Тем временем крот в огороде
Все перерыл, пустил на ветер.
Он в ярости хотел крота прикончить,
Замешкался и упустил момент.
Крот сгинул невредим,
Но кладбищем казался рай Елисея, огород.
Салата листья, лук и первая клубника
Корнями вверх покоились на нем.

И ю н ь

Июнь провел с мотыгой в руках,
Лелея благодарным взглядом
Зеленые стручки фасоли
И глаз не отрывал от помидор —

Их кустики поддерживал тростник.
Не забывал колени преклонить,
К земле прижаться ухом, опасаясь
Крота услышать в огороде.
Собрал пустые домики улиток
И в ямки закопал, водою поливая,
Особенность их знал:

Карбидным газом наполнялись щедро —
Кроты его не выносили.

Друг о беде узнал и раздобыл kota,
Тот на дух не мог переносить кротов.
Лишь на воде три дня держал,
От голода живот стал полон злости у kota.
Однако он охоты не имел охотиться,
Лишь весело за бабочкой гонялся.

Крот времени не тратил даром —
Перевернул тростник, державший помидоры.
Гнев ослепил глаза, невзвидел света Елисей.
За шиворот kota схватил
И в воздух над рекой забросил.

И ю л ь

И прежде слышал Елисей —
Из-под земли кроты лишь ночью выползают.
Осведомился лишний раз, уверился,
День ночью подменил:
Днем спал и бодрствовал ночью.
В карманах спички, со свечой зажженной
Блуждал по огороду Елисей,
На каждый звук, едва в траве заслышит,
Он спичкой новой чиркал.

И наконец однажды увидал —
В широких листьях тыквы
Темнело что-то и вынюхивало воздух.

Поскольку крот был слеп,
К нему неслышно Елисей подкрался,
Пытаясь шерсть кроту поджечь.

Рука к зеленым листьям
Тихонько направляла пламя,
И тень крота гигантской вырастала
На освещаемой стене сарая.
Рука от страха задрожала,
Так близко слышал он теперь

Вонь от дыхания крота,
Оно дрожь пламени задуло,
И сделался слепым и Елисей,
Вдвоем остались в темноте —
И крот слепой, и он...

Август

Запели в августе цикады,
И Елисей внезапно погружался в сон,
Не выпуская ложки из ладони,
Щекою к тростнику припав.

Однажды он решил протянуть
Железный прут от дерева к другому.
На нем повесил камни и жестянки —
Все издавало звон, качаясь на ветру.

Веревкой длинною мог со своей постели
Устройство хитрое в движенье приводить.
Звенел оркестр весь месяц, не смолкая,
Гремящий огород пугал крота.
И целых тридцать дней отвратный зверь,
Улиток и червей сосущий жадно,
Искал их по другим местам.

Порвался первый шнур, другой за ним.
Веревке из окна не вторили шумы.
Тогда, как сукин сын, вновь объявился крот —
Арбузы с дынями перевернул.

В то утро Елисей бродил по огороду
Без цели — в карманах руки, шапки не снимал,
Знать больше не желал ни о кроте,
Ни о загубленном им огороде.
Уединился в доме опустевшем,
Где в комнате стоял забытый стул.
Засохшие початки кукурузы
И одинокое седло велосипеда
Напоминанием валялись на полу.
Казалось, стул хозяев дожидался,
Не верил, что покинут дом.

Как будто молча предлагал
Присесть и снова отдохнуть —
И Елисей уважил стул,
Сидел на нем, о времени забыв, —
Стул утешался вместе с Елисеем.

Сентябрь

Сентябрьские грозы потушили лето,
И Елисей шарф завязал на шее.
Вновь солнце засветило,
Когда от месяца осталась половина.
Решился Елисей на хитрую уловку —
Пустые закопал бутылки
Меж грядок для зеленого горошка
Вниз головой, оставив над поверхностью
Стекло блестеть лишь на четыре пальца.
Не сразу в темноте земли
Сумел заметить крот,
Как вырастало эхом
И множилось в пустых бутылках
Шуршание его шагов.
Застыл на миг, но тотчас
Лазейку отыскал и выполз прочь.

Дней десять землю рыл у берегов Марекньи,
Перед часовенкой перевернул все поле.

Нежданно снова объявился в огороде,
Нашел пути в земле, бутылки обходя, —
Из грядок вон горошек полетел.
Взял палку Елисей с концом, как острие, —
Ждал часа своего, чтоб заколоть крота.
Взывал к нему, бывало, иногда:
«А ну-ка, трус, хоть выгляни наружу,
Коль смелости хватает, покажись!»

Недели шли, поста не покидал,
Внезапно вскакивал он в ярости слепой
И палку с острием, не уставая,
В безумии вонзал в свой огород:
В тот миг земля вся делалась кротом.

И вразумить вполголоса старался:
Он, Елисей, жизнь долгую
Оставил за спиною,
Теперь его не испугать ничем —
Господней кары не боялся.
Рассказывал, как сторожил ребенком
Двух дремлющих под деревом овец.
То было в девятьсот двенадцатом году.
Вдруг в небе показалась тень.
Плыла, от дьявольского шума содрогаясь.
Старушка побежала в колокол звонить,
Оповещая в страхе о кончине света.
И облако зловещее скользило над полями,
Тень ледяная заслоняла солнце
И пала на людей с поникшей головой,
Которые стояли на коленях.
Тень в небе, напугавшая людей,
Узналось после, называлась дирижаблем.
К нему со спичками боялись приближаться,
Он тотчас вспыхнуть мог,
Как бабочка, что на огонь летит.

О к т я б р ь

Повел рассказ о войнах в октябре.
В Пазубье¹⁰ на передовую
Был брошен в двадцать лет.
В грязи по пояс утопали,
Вниз по ногам она до башмаков стекала,
Заплесневевшие галеты служили
Пищей им на целых десять дней.

Однажды поутру вокруг все побелело
От инея, как будто выпал снег,
Тогда и капитан с победным криком
«Вперед, Савойя!» из окопа прыгнул.

С кусачками в руках у проволоки колючей
Внезапно оказался Елисей.
Свист пуль в ушах стоял,

¹⁰ Пазубье — местность в Северной Италии.

Они вокруг изрыли землю,
Шлем голову едва оберегал.
Согнувшись, побежал и бросился в воронку,
Оставленную бомбой на земле.

Там, схоронившись в глубине,
Солдат австрийский,
Вокруг себя не видя ничего,
Похлебку теплую спокойно доедал.
Вмиг вытащил винтовку Елисей —
Беспрекословно недруг протянул
Свой котелок с похлебкой Елисею,
Однако вырвало австрийца
От страха в тот же котелок.
Недвижно Елисей застыл,
Минуту думал, присев, устроился удобно
И всю бурду вмиг проглотил.
И в Африке, где тоже воевал,
Однажды негр за ним погнался,
Бежал, спасаясь, в горы Елисей.
Однако тот его настиг
И изнасиловать пытался,
Чинам английским свойственный порок
Ему, к несчастью, привитый.
Спасло лишь чудо Елисея: лев
С пышной гривой объявился —
Наполовину были спущены штаны
В тот миг у Елисея.

В России, на войне последней,
Которую не зря Вторую мировую называли,
По воскресеньям разводил огонь
В избе, где жили три старушки.
В корыте с теплою водою
Им вчетвером случалось обмываться.
Горячим паром вся изба дышала,
К телам нагим пар жаркий
Березовыми вениками поддавали.
В жестокий холод фронт прорвали —
Вся армия поспешно отступала.
И более всего тревожился за уши Елисей:

Мог не почувствовать, как отморозит,
Тогда на землю сами отпадут.
Домой вернуться выпало немногим —
Четыре с половиною бедняги.
С тех пор вниманием своим дарил
Лишь овощи на огороде,
Покамест незаметно старость не подкралась.
Вода, что падала дождем обильным
С небесных туч и облаков,
Была полезнее для огорода во сто крат —
В том Елисей был твердо убежден.
Канал из водосточных труб
По крышам протянул,
Их позаимствовал в домах,
Людьми покинутых давно.
Так наполнялись дождевой водою
Все бочки для полива в огороде.

По водосточным трубам в дождь
Вода стекала, и звенели черепицы —
Так музыку дождя
Любил он слушать, стоя под зонтом.
Все мысли в голове, когда ребенком был,
Выбеливали молнии, сверкая;
Теперь в грозу он ясно представлял
Лик матери своей,
Когда она в ручье белье стирала.
У Елисея золотые руки —
Тем слухом полнилась земля. И на камнях
Посеянная им трава взрастала.
За плату небольшую повсюду зван был Елисей.
В Равенне, за железными путями,
У самых рельс на лоскутках земли
Работники разбили огороды.
У них фасоль не вырастала —
Так Елисею жаловались часто:
Шум поездов был вреден ей.

Вначале землю всю, где пряталась фасоль,
Покрыв соломою Елисей
И разложил поверх посева мешки,
Ему и это показалось мало —

Для верности листьями жести
Прикрыл. И угадал — все уродилось!
Священник в Миратойо¹¹ сад имел
Не больше коробка для спичек,
С колодцем старым посреди.
Воды ни капли выкачать не удавалось —
Колодец был сухим давно.

Подумал Елисей, на кухне искал,
На чердаке пошарил — и собрал
Кастрюль штук двадцать и горшков дырявых,
Их разместил поверх камней колодца,
Землею предварительно наполнив.

И травы ароматные посеял —
Они вкус пище, как известно, придают.
В земле особо щедрой «траву Мадонны» посадил,
С тем чтоб по утрам священник
Лицо свое листвою омывал
И чувствовал себя, как Бог,
Вкушая запахи земли святые:
Так ловко все придумал Елисей.

Отшельнику из Сассо ди Симоне
Рассаду мяты раздобыл.
Развел свой огород из мяты
В дощатом ящике для сбора винограда —
И под окном его приладил,
Где солнце больше попадало.

Весной распахивал все ставни —
И воздух зелень омывал.
Цветы с черешен облетали,
От них не мог он взгляда оторвать,
Подолгу стоя у окна,
Где в ящике зазеленели листья мяты.

До сентября цветущими держались,
Пока не засыхали на корню.
И каждый лист поочередно,

11 Миратойо — название местечка в Апеннинских горах.

16
16
Как четки, пальцами перебирал
И растирал, молитвы повторяя.
Всю зиму наблюдал, как падал снег,
Заваренною мятой согревался.

Н о я б р ь

Не прерывал рассказа Елисей,
Увлёкся сам воспоминаньем,
Да так, что и забыл совсем
В руках о палке острой наготове
К войне непрерываемой с кротом.

По правде говоря, до этих пор
Дарил жену лишь откровеньем.

Царил покой и в огороде,
Все вызревало в красоте на радость.
Спросил себя однажды поутру:
Крот не оставил ли его в покое,
Растрогался и он, быть может,
Наслышавшись историй от него.
Внезапно крот исчез, не подавая знака.

Вначале огляделся Елисей,
Пожалуй, даже пожалел, что нет крота,
И не заметил, как дошел
До Сассо ди Симоне, интересуясь, впрочем,
Не завелись ли у кого кроты.

Едва вернувшись, в тот же самый вечер
Бадью водой залил и в огород пошел.
Ревень посаженный, да и другая зелень,
Торчали вновь корнями вверх.
Крик вырвался, ругательства, угрозы.
И если б крот ему в тот миг попался,
Живьем готов был съесть его.

Д е к а б р ь

Два дня пицаль не выпускал из рук,
По огороду колесил, присаживаясь редко.
Он молодым с ружьем не расставался —

Охотился на уток. Усталые от перелета,
Они бросались к заводи реки.
Почистил и привел ружье в порядок,
Засыпал порохом отверстие в стволе,
Готов был выстрелить,
Малейшее внизу движение заметив.

В одно из воскресений, в семь утра,
Увидел, как приподнимались
Зеленые салата листья,
Им словно снизу кто-то помогал.

Нацелился — и выстрел прогремел,
И даже булочник из Пеннабилли
Его слышал. В земле возникла
Воронка глубиной в ладонь.

В ушах стояли жалобные стоны —
Крот таял на глазах
И поднятыми лапками с когтями
С отчаянием в воздухе сучил.
Однако это был лишь сон —
И все приснилось Елисею.
С открытым ртом проснулся он в испуге,
Встал, медленно направился к окну,
По полу каменному шаркая ногами,
Обутыми в привычные чувяки.
Ночь светлая и лунная была.

Луна упала, отражаясь в бочках,
Наполненных водой.
Вся зелень, фрукты и плоды
Под этим светом становились
Бледнее лиц умерших на земле.

Безмолвно шевелились тени
Капустных листьев,
И показалось Елисею — весь огород
В руках у сонмища кротов.
Был изгнан Елисей
Из Парадиза.

Песнь первая

Четыре дня уже, как семьдесят мне лет.
Едва успел сесть в поезд уходящий —
Из города меня он увозил.
Невмоготу остаться было дольше —
У самых губ мерещились мне когти.

Теперь я здесь, в деревне,
Вместе с братом.

Дома все опустели. От тысячи двухсот,
Что жили в них, нас девять лишь осталось:
Я, прибывший, Бина,
Филомена с убогим сыном,
Пинела, крестьянин старый,
Брат мой, всю жизнь проживший в отцовском доме,
И трое, весь день сидящие без дела
На площади ступенях, —
Они хорошими сапожниками были.

Где все теперь?
В Америке иные, в Австралии, быть может,
По достоверным слухам, в Бразилии
Фафин безумный на охоту вышел
С одним ножом. Убил он ягуара,
Приняв его за дикого кота.
Работники, умеющие стены возводить,
В Китай отправились.
Далек их путь был:
В девятьсот двадцатом
Добрались по воде рек Долгих¹², моря,
Шесть месяцев лишь на воду глядели,
Свисая головами вниз.
Великая стена нуждалась в их руках —
Ее коснулось время, местами разрушая.
Папаша Бины, был он вместе с ними,
Покамест навсегда не сгинул,

12 Долгая река — так в Китае принято называть большие реки, как Янцзы.

Один раз в год знать о себе давал.
«Вести из Китая» — те письма долго называли.
В посланье первом он о козе справлялся,
Которую знобило в день отъезда;
В письме втором рассказывал, что ел змею;
О женщине поведал в третьем,
Она ему все пуговицы пришивала;
А из последнего понятно стало:
Не помнил он ни слова, ничего —
Одни каракули, похожие на знаки,
Что оставляют куры лапками своими
На влажной почве.
Он сделался китайцем.
Мои не уезжали никуда, не покидали дома:
Отец торговлю вел углем,
А мама, не зная грамоте, вела счета:
Записывала на бумаге желтой,
Которой заворачивали рыбу, —
Людей худых прямою палочкой обозначала,
Кружочки рисовала толстякам.
И всех, когда долги платили,
Крестом зачеркивала.
Здесь родниковая вода и воздух чистый,
В машинах надобности нет.
Собаки посреди дороги дремлют.

Песнь вторая

Как только вышел утром за калитку,
Поторопился тотчас возвратиться,
Едва успев дойти до абрикоса.
Казалось мне, что в доме я забыл
И нечто важное оставил.
Теперь, когда совсем не занят делом,
Спросить себя не грех:
«Чего ты хочешь?»
Я сел к окну и спрашивал себя.
Из памяти я выбросил и выжег
Страницы книг, календари и карты:
Америка не существует больше,
Как и Австралия. Китай — лишь запах,
Россия — паутина белая

И Африка — стакан воды,
Которым бредил наяву.
Уже два дня иль три хожу я следом за Пинелой,
Он — крестьянин старый.
Мед диких пчел мы ищем вместе с ним.

Песнь третья

Мой брат не оставляет службы
На стационарном телеграфе,
Хотя здесь поезда уж сорок лет не ходят
В войну все рельсы разобрали,
Тогда на пушки шло железо.
Сидит и ждет,
Его никто не вызывает,
И он не шлет известий никому.
С Австралии последней телеграммой
Искали Рино Фабиота,
Но адресат давно уже в земле.
Однажды навестил я брата —
Сидел, держа в карманах руки,
Под козырьком навеса ржавым.
Вокруг него весь воздух исклевали
В полете птицы.
Травую перед нами путь зарос;
Где прежде ходили поезда по рельсам,
Теперь спускалась курица спокойно,
Прошествовала мимо по дороге,
На нас не обернувшись.

Песнь четвертая

Так вот, однажды в воскресенье
Все овцы разом перестали есть.
И, свесив головы, застыли в поле.
Казалось, их обуял сон. И в понедельник
То же повторилось. Во вторник отказались пить.
Промаялись они так месяц целый.
Их ноги высохли, как плети,
Поддерживая тела пустоту.
Когда глаза вдоль носа покатались,
Одна вслед за другой попадали на землю.
И шерсть мгновенно превращалась в пыль,

16
16
Как только их рукой коснешься.
Так всякий день поутру Филомена
Спешит поведать сыну-дурачку
Историю овец — их было тридцать,
И ни одной не стало у нее.
Внимает матери с открытым ртом.
Лет сорок уж ему. На вид не скажешь —
Усы не пробиваются никак.
Его спасти необходимо было
От женщин — ночами мучили воображение,
От голых тел кружилась голова.
И днями напролет старался сам себе помочь руками.
Тогда ему сказали: «Теперь ты Рыцарь Бога
И должен соответствовать сему».
«Но где же шпага?»
«С небес падет, обязан дожидаться».
Послушно ждет, тем временем как мать
Историю овец все повторяет.
Сидят вдвоем, их камни окружают.
То место белыми усыпано камнями
Горы, взорвавшейся под Пертикарой.
Тогда с небес все на землю упало!
Немного погода встают и к дому направляются,
Как говорят, все камни белые в траве
За ними следуют тихонько.
И кажется тогда — идут те овцы,
Нет уже которых.

Песнь пятая

Пирина в честь отца назвали.
Тот имя унаследовал от деда,
Пиринам Эви, в общем, нет конца.
Они всегда мед делали особый —
Он мятой пахнет.
Дом вдалеке стоял, на полпути
И от деревни, и от реки долины.

В Америке — не всем известно это —
Весною посылают поезда в долины,
Где яблони и персиков деревья
Стоят в цвету.

Те поезда развозят ульи пчел.
Они к цветам летят, как свахи, —
От ветки неподвижной к ветке
Нектар любовный переносят.

Пирин весною тем и занят:
Он ульи с пчелами разносит
И ждет в тени, покамест пчелы,
Нетерпеливые от голода и страсти,
Зачать плоды цветам помогут.
Заботой пчел в любви родятся фрукты —
Иного не бывает.
Нам не отведать без того
Ни персиков, ни яблок.
Плоды земли исчезнут.

Песнь шестая

Жила одна в своем сарае Бина,
На улице кривой и узкой,
И вдоль канав водила гулять козу.
Никто не знал, была ли Бина
Мужчиной или женщиной:
Грудь у нее имелась, но и усы росли,
И грубые носила башмаки,
Пригодные для гор.
Мальчишками пытались мы под юбку
К ней заглянуть — понять хоть что-то.
Но ноги плотно сжатыми держала,
И длинные трусы их облегали.
Никто не знал, была ль хоть раз близка
С мужчиной иль с животным, может статься?
Однако все запомнили надолго,
Как самую большую из сестер —
Их всех шутя «американками» прозвали —
Учила молоко доить с сосков козы своей.
Шептала девушке на ухо:
«Сожми в кулак, держи покрепче, не выпускай его!»
Ладонями ей руку покрывала.
И под конец сжимали вместе
Вдвоем сосок — всегда в нем оставалась
Несдоенная капля молока.

Бине почти сто лет теперь.
Вслед за козой бредет
И никому в лицо не смотрит.

Песнь седьмая

У Пидио была жена,
Она белье стирала по субботам.
И ровно в полдень он ей помогал;
Вдвоем располагались
Широкой улицы посередине
И выжимали вместе все простыни,
Покамест те змеей не скручивались длинной
И с них едва на землю капля упадет.

Теперь, когда жены не стало,
Лишь певчий дрозд готов
С ним одиночество делить,
Да два сапожника —
Джепи и Нано — на площади до полночи сидят,
И всякий вечер он им напевает вполголоса
«Страсть губит» из оперы «Федора»
На музыку Джордано.

Песнь восьмая

Сухие листья в этот год остались
На ветках, с них не облетали —
Без ветра выпала осенняя пора.
Деревья пламенем объятые стояли.
Казалось, фокарины¹³ разожгли повсюду.
Под Монтебелло, у реки Мареккьи,
Есть монастырь, покинутый сто лет,
Ореховая роща перед ним.
Мы с братом в монастырь проникли,
Используя отверстие в стене —
След временем оставленных потерь.
Хотелось в роще под деревьями пройтись,
Под облаком багряных листьев,
Которое удерживали ветви.
Мы зазвонили, в колокол ударив.

¹³ Фокарины — костры, которые разжигают по всей Италии 19 марта, освобождаясь от старой утвари.

Вмиг листья облетели, звону вторя, —
Деревья обнажились перед нами.

Песнь девятая

Дождь лил сто дней.
Вода корням травы вослед
Просачивалась в землю
И проникала в библиотеку монастыря,
Где сохранялись в книгах
Слова святые. Она их залила.

Когда настала теплая пора,
Саят-Нова, молоденький монашек,
По лестнице на крышу поднял книги,
Открыв их солнцу, чтоб горячий воздух
Намокшую бумагу просушил.

Уж месяц, как светило солнце,
И на коленях во дворе покорно
Он ждал, когда же книги
Знак жизни подадут.
Покуда однажды утром
Страницы легкие от дуновенья ветра
Не начали шептать и шелестеть.
Казалось, пчелы прилетели на крышу эту.
Он заплакал: с ним книги говорили вновь.

Песнь десятая

В том доме розовом не слышно голосов,
Он опустел, в нем не живет никто.
Когда-то поле было перед ним,
Куда коней на ярмарки свозили.
Разболтанные ставни на ветру
Скрипят и отлетевшие куски роняют.
Внутри там дерево давно растет
От персиковой косточки,
Нечаянно оброненной, быть может.
Дом трех сестер-американок —
Так прозвали безумного Фафина дочерей.
Он был в Бразилии. Оттуда возвращаясь,
Карету нанял в Генуе, чтобы домой добраться.

И за три дня остался без гроша.
Однажды утром старшую сестру
Нашли утопшей в речке у мостков,
Где женщины белье стирали.
Совсем нагая, лишь волосы лицо ей закрывали.
Вторую видели в Ферраре, в публичном доме.
А третья, что мне нравилась,
На празднике одном под граммофон
С моим лишь братом танцевала.
Он крепко прижимал ее спины пониже,
А я, понурившись, с тоской глядел
На желтые и белые квадраты пола.

Песнь одиннадцатая

Два дня назад настало воскресенье
Впервые в ноябре.
И пал туман, такой густой и плотный,
Хоть режь его ножом.
Деревья инеем белели.
Дороги и поля под простынями снега.
Позднее вышло солнце и просушило мир,
Лишь тени мокрыми остались.

Пинела занят был лозой —
Подвязывал ее сухой травы стеблями,
Которые закладывал за уши.
Работал, а я с ним говорил:
О жизни, что прошла в мгновенье ока;
О смерти, я до смерти был напуган ей.

Тогда его застыли руки,
И стало тихо, все шумы исчезли,
Теперь лишь слышен голос птицы,
Издалека он доносился.
Спросил меня: «Боишься ты чего?
Смерть вовсе не назойлива,
Придет лишь раз один».

Песнь двенадцатая

Временами, когда было жарко,
Возвращались в монастырь пустой

У реки Маренкьи.
Двор порос травой высокой.
Растянувшись в ней на животе,
Вспоминали, как молились братья.
С колокольни мы украдкой наблюдали,
Любопытные, как дети все.
Их тела недвижно распростерты,
Лицами в траве зарывшись,
Ей дарили святость слов молитвы.
И когда монахи поднимались,
На траве примятой оставался след,
Словно тень свою забыли.

Песнь тринадцатая

В дождь кажется тебе, что до костей промок,
Омыт водою,
Град скачет по плечам, как саранча.
Туман все зачеркнул, и мысли тоже.
Свечи сгоревшей пламя лишь голова хранит.
Две ночи или три назад
Снег все покрыл собою — дороги и поля.
Следы большие увидали с братом
Неведомого зверя на снегу.
Медведя, может статься?
Отчетливые, утром шли от дома
С окраины деревни.
И вдруг оборвались на площади посередине.
Казалось, кто-то в воздух взмыл внезапно.

Песнь четырнадцатая

Мне с детства нравился тростник —
Его я воровал у речки,
Пока он был еще зеленым.
Под солнцем расстилал, высушивал все лето.
Он легким делался, как воздух,
Звенящий комарами.
От холода зимой и кости стыли.
Коты на абрикосовое дерево взбирались кашлять.
Тогда я на чердак бежал
И руки зарывал в тростник, в тепло его —
Хранил он солнце.

Песнь пятнадцатая

Хорошая пора пришла с прилетом пчел,
Они стучались в окна.
Сняла с себя и Бина башмаки —
Босая за своей козой шагает.
Проделось солнце в ушко
Иглы в руках у Филомены.
Пинела в землю закопал мотыгу
И сказал: «С меня довольно!»
И брат мой прекратил работать,
Но иногда привстанет чуть,
Стараясь звуки уловить вдали,
Все кажется ему, что слышит
Стук телеграфа.
Свежая трава вытаскивала голову наружу
Из-под коросты зимней во дворе.
И я почувствовал, что старше стал за зиму.
Тогда траву я затоптал ногами,
Как давят тараканов в доме.

Песнь шестнадцатая

Март близился к концу.
И туча над горами собой закрыла небо,
В тень погрузив и горы, и долину.
Над ними и застыла неподвижно.
То круглой делалась, вытягивалась бочкой,
В стог сена превращалась
Иль оборачивалась длинною змеею.
То легким веером казалась,
Как будто воздух полон мошек.
Мой брат и я, да и не только мы,
Подумали, что из России стрижи вернулись.
Свинцом тяжелым налилась, и темный шар
Покрыл овальной тенью всю долину.
Вдруг туча начала земли касаться
И вновь взмывала ввысь,
Седые пятна оставляя,
Как пепел от костров.
И постепенно вся зеленая долина,
Поросшая травой и молодой пшеницей,
Внезапно побелела, как лицо от страха.

Песнь семнадцатая

Рассматривали долго и ревниво
Случайно обнаруженные снимки
В последнем ящике комода.
На них мы были сильно молодыми.
Хотелось убежать, не трогая былого.
В те дни прошедшие
Мы танцевали танго.
Под тень от абрикоса поспешил мой брат,
А я направился к сараю деда.
В какой-то миг у нас обоих
Задвигались в такт кумпарситы ноги.
И каждый молча повторял,
Казалось, навсегда забытые движенья.

Песнь восемнадцатая

В былое время толпа людей
Шла милости просить и покаянья
На «Мост свечей».
Просили за солдат, что были на войне,
Молились о больных,
И многие надеялись на исполнение
Желаний скрытых иль удач в любви.
Просили денег, молодости.
К примеру, утратили иные
С «уччелло»¹⁴ собственным взаимопониманье:
Казалось, на вопрос простой: «Готов ли ты?» —
«Нет», — он ответит.
Свершения желаний заслуживал лишь тот,
Кто донесет свечу зажженной
По мосту и до мельницы с крестом
И пламени не даст погаснуть.
Однако ветрено там было постоянно —
Спускался ветер с гор,

14 Уччелло — в просторечии мужской половой орган.

И трудно было уберечь руками пламя.
И заново попытки повторялись —
Так проходили месяцы и годы.
Старушка со свечой горящей
Дошла почти до самого конца,
Как вдруг одежды вспыхнули на ней,
И все дотла сгорело.
Со времени случившейся беды
Людей не стало здесь,
Не шли на покаянье.
В воскресный день прошедший
Мне захотелось взглянуть на мост.
Не ожидал увидеть свечу зажженной
В руках у сына Филомены.
Легкий бриз с реки не мог задуть свечи —
Ее не гасло пламя.
Какой он милости попросит для себя?
Захочет жить как все?
Что затаилось в голове его убогой?
Недоставало двух шагов до мельницы с крестом,
Как он застыл и сам свечу задул.

Песнь девятнадцатая

Мой брат, за спину руки спрятав, ходит,
Он локти любит за столом расставить,
Завязывать ботинки, ногой на стуле стоя.
Лицо он моет, громко отдуваясь
И фыркая, на холод жалуется вслух.
Усы торчком, в постели шляпы не снимает,
Так неуклюже, телом всем
На бок другой переворачивается,
Будто его запеленали перед этим.
Он жесты старые хранит:
Как прежде, спички зажигает о подошву
И ложку держит всей рукою, в кулаке.
Бывает иногда, что он застынет,
Как гвоздь, посередине комнаты
И пристально глядит, сощурившись, куда-то.
Потом чуть приседает, напрягаясь,
И вслед за тем так непристойно пукнет,
Как дельвал когда-то наш отец.

Песнь двадцатая

Когда у Пидио-сапожника однажды
Дрозд вырвался из клетки на свободу,
В саду его мы возвращенья ждали.
Мелькали тени часто по кустам,
Казалось нам, что он вернулся,
Но это был не он.
Пока в один из вечеров
На камышах забора мы не заметили —
Там темное раскачивалось что-то,
Пронизывало нас глазами, как ножом.
Тогда мы от окна ушли
И притворились, что стулья двигаем,
Переставляем мебель.

Песнь двадцать первая

Однажды утром летним
Остановился под палящим солнцем.
Увидел площадь, полную людей.
Как прежде стекались все на шелковый базар.
Мешки, карманы фартуков у женщин
Раздувались от белых коконов.
Но вдруг исчезло вмиг виденье.
И я, как гвоздь, на площади застыл,
И от меня тень жаркая упала.

Песнь двадцать вторая

Упали редкие большие капли,
Качая ветви на деревьях.
Мы ждали у окна,
Сумеет ли вода добраться
До листьев, прятавшихся под другими.
Позже Господь послал нам
Дождь настоящий, проливной.
Тогда стакан поставили под дождь:
Хотелось нам измерить в сантиметрах
Подаренную воду.

В четыре вновь вернулось солнце,
Стакан, наполненный до края,
Стоял и за окном блестел.

Мы с братом поделили воду
И долго не могли решить,
Которая вкуснее —
в колодце или та, что с неба пала.
Она казалась скользкой поначалу,
Однако запах молний ощущался в ней.

Песнь двадцать третья

В июле листья абрикоса стали падать
И в августе, и так до сентября.
Нас забавляло собирать их
И громко каждый лист считать.
Первый счет начинал: сто, сто один, сто два...
И продолжал другой: сто пять, сто шесть.
До вечера тянулась эта песня.
Так незаметно три мешка
Мы листьями наполнили.

Как-то утром мой брат не пожелал
Со мной работать
И поначалу не сказал причины,
Лишь после я узнал обиды суть —
Шутя, кретином я назвал его
За лист пропущенный, что он не посчитал.
Я двести два сказал, а он двести четыре,
А где же потерялось двести три?
С нас хватит. Целых десять дней
Мы не обмолвились ни словом.
Отворотившись, мы с постели поднимались
И ели, головы понутив.
Меж тем туманов первых влага
Вуалью тонкою легла на плечи одежд.
И вечерами мы бросали
Собранные листья в пламя.
И вместе на огонь смотрели.

Песнь двадцать четвертая

Когда осеннею порою стояли голыми деревья
Однажды вечером большая стая птиц
На дерево устало опустилась,
Как туча.

На ветви птицы сели.
Казалось, что вернулись листья,
Качались на ветру.

Песнь двадцать пятая

Сегодня утром мой брат искал повсюду:
Сначала рылся в ящиках, в шкафу,
В карманах пиджаков и курток шарил,
Проверил и пальто.
И утонул весь с головой
В комоде, из которого все вынул,
И кухню всю перевернул.
Из комнаты в другую перешел,
Меня не замечая вовсе.
В моей постели начал рыться.
Тогда не выдержал я и спросил:
«Чего ты хочешь, ищешь ты чего?»
«Не знаю сам. Искал я гвоздь сначала
И пуговицу тоже. Потом я кофе сделать захотел,
Но тотчас же забыл.
Прошу тебя, скажи хоть что-нибудь,
Хоть слово. Пусть даже глупость,
Но обратись ко мне».

Песнь двадцать шестая

Ла фика¹⁵ — это паутина
И кокон шелковый.
И сердце всех цветов.
Ла фика — дверь,
Чтобы войти куда-то,
Или стена,
Которую разрушить надо.

Веселые есть фики
И сумасшедшие совсем,
Широкие иль узкие,
А есть такие,
Которые не стоят ничего —
На них двух сольди жаль потратить.

¹⁵ Ла фика — в просторечии женский половой орган.

Болтушки есть, заики тоже,
И те, что сразу же зевать начнут, —
От них, хоть ты умри,
Двух слов добиться невозможно.

Ла фика — белая гора
Из сахара
И лес густой, где бродят волки.
Карета, что сама готова
Тянуть вослед своих коней.
Ла фика — это кит, внутри пустой,
И в темном воздухе лишь светлячки.
Она — карман учелло-птицы,
Его ночной колпак.
И печь, сжигающая все,

Ла фика, как час ее настанет,
И ликом Господа, его устами станет.
Все вышло из нее:
И люди всех цветов и рас,
И каждый.
И мир, что видим: деревья, облака и море.
Она и фику сотворила.
Вот это да! Вот это фика!

Песнь двадцать седьмая

Весь месяц провели мы у окна,
Локтями подоконник подпирая.
Перед глазами черная земля тянулась
До изгороди. Так и дождались лета.
Теперь гуляем по улицам пустым деревни,
Не разговаривая и в лицо не глядя,
Словно и не ходим вместе.
Бывает, остаются фонари
Зажженными на площади до полдня —
Как светлячки, сошедшие с ума,
О нас забыли в городе большом.
На солнце фонари горят.
Дороги камнем крыты.
Поначалу они скользили,
Теперь травкою поросли

И под ногами мягкими казались.
А ближе к вечеру, растягиваясь на земле,
Руками гладим редкую траву,
Пробившуюся меж камней,
Как волосы на старой голове.

Песнь двадцать восьмая

Я хижину себе построил у реки
И целый день на берегу сидел,
На воду глядя.
Однажды вечером заметил
Утку белую, плывущую вниз по реке.
Наверняка оторвалась от стаи,
Которую мой брат держал.
Он в доме жил, где с гор река бросалась.

Вослед той утке появилась и другая,
И третья, и четвертая за нею
Ждать не заставили.
Одна в неделю утка приплывала.
Мне ясно стало, что это брат
Мне вести посылает.

Однажды утром предо мною
Вся стая уток белых
Вниз по реке спускалась.
Тогда я в шалаше закрылся —
Плохую весть боялся получить.
Но, к счастью, я упал с кровати,
И тут же свет зажег мой брат.

Песнь двадцать девятая

В карманы руки, руки из карманов,
Всю спальню шагом медленно измерить,
Разглядывать, нет ли в щели стены
Жуков заснувших.
И дожидаться сидя,
Покамест брат готовится ко сну.

Мы вместе из дому выходим
И отдыхаем, дойдя до середины

По длинной улице вдоль камышей.
За горы уходило солнце,
А с моря полная луна росла,
Всплывала на спине у мула.
Два круга огненных, два шара
Отражались, как в зеркале, один в другом.
И мы на них поочередно
Переводили взгляд.
Казалось нам — стоим между двух солнц.

Песнь тридцатая

Мне думается, скупость не порок,
Если придет под старость,
Когда мозг одолела скука.
С семидесяти лет спасать себя я начал —
В шесть вечера повсюду свет тушил,
И брат мой спотыкался в темноте.
Теперь погасшие я спички собираю —
Обернутые ватой, пригодятся почистить уши.
С утра до вечера я страшно занят:
Хочу, чтоб брат мой
Потихоньку сыпал сахар
В любимое им молоко.
А я, равнодушный к меду,
Тайком облизываю ложечку по воскресеньям,
Укрывшись между дверками буфета.
Мы скатерти не стелем,
Обходимся бумагой,
Она послужит после огонь разжечь.
За надобностью ночью встанет кто-то —
Довольно и одной свечи —
Ждет в темноте другой.
В заботе день, другой проходит,
Месяц целый.
И занята работой голова.

Песнь тридцать первая

Был голос, он нас разбудил.
Скорее крик, чем зов обычный.
По имени кого-то звали, меня, быть может.
Открыли мы окно —

Нет никого: ни в комнатах, ни под кроватями.
На чердаке искали, на улицу мы вышли.
А не приснилось ли все это нам?
Того быть не могло —
Одна и та же вещь двоим не может сниться,
И ясно лишь одно — был голос в темноте.
Мужчины или женщины был голос?

Песнь тридцать вторая

На десять дней мы затворились в темноте.
Закрыли окна, не встаем с постели.
Судили обо всем: овальные теперь арбузы
И персики набухли от воды.
Земля как пепел, если не смешать с навозом.
Всю ночь проговорили мы
О преимуществах Ментаны¹⁶,
Которой больше нет.
Пшеница эта от ветра не стелилась по земле,
А ныне сорт выведен со стеблем,
Как голод, длинным.
И падает на землю сразу, как путаны.

Отравлены мы были мыслями своими,
Уверились, что мир становится все хуже и страшнее.
Наутро вынули из ящиков комода
Одежду новую совсем,
Ее мы редко надевали.
Мой костюм пришелся впору брату,
Его пиджак казался сделанным специально для меня.
Не ведая, куда пойдем, открыли двери.
И прямо перед нами на лугу
Стояли вишни у дороги все в цвету.
Деревья нам устраивали праздник
В лазури воздуха над ними.
Мы с братом, как вкопанные, на ступенях
Застыли молча.
И не сговариваясь, перед ними
Мы сняли шляпу с головы.

¹⁶ Ментана — устойчивый сорт пшеницы.

Песнь тридцать третья

Я был в саду, и показалось мне, что вижу брата
Стоящим у окна. Я шляпу снял с себя,
Он тотчас снял свою; я голову, почесывая, гладил,
И он свою погладил тоже:
Он повторял за мной все, что я делал.
Пиджак я сбросил, галстук снял, рванул рубашку
На груди, как перед дракой.
Так мы смотрели друг на друга,
Не отрывая глаз,
Не меньше десяти минут.
И после спиной к нему повернулся,
Пошел на площадь,
И он исчез,
В окне его не стало.

Песнь тридцать четвертая

Я сорванную розу в стакан воды
На столике поставил.
У самого окна, тому уж двадцать дней.
Когда заметил, что лепестки увяли,
Готовые опасть,
Я перед розой сел. Хотелось мне не упустить
Мгновенья смерти розы.
Так прожил я весь день,
Ночь целую вослед.
Наутро в девять первый лепесток
Опал, от розы оторвался.
Его в свои ладони принял.
Мне прежде никогда не приходилось
У ложа умирающего быть.
Когда из жизни уходила мать,
На улице в конце ее далеком
Стоял.

Песнь тридцать пятая

И к нам пожаловали этим летом
Бродяги молодые, рвань.
Те самые, что нос суют повсюду,
Без цели шатаются по миру
На грузовиках попутных или валяясь

На палубе плывущих к Африке
Случайных кораблей.
Обосновались в доме трех сестер-американок,
Где персик, выросший внутри,
Собою между стен заполнил
Пустое воздуха пространство.
Спят прямо на полу, завернутые в тряпки,
И тянут руки к персика плодам.
Днем ходят босиком по улочкам пустынным,
Кричат, смеются и бросают в лица пыль.
И колются, теряя память.
Браниться нету сил, послать подальше,
Сказать, чтоб «не крутили яйца».
Ведь даже саранче,
Которая все на пути уничтожает,
Погибнуть суждено.
Сын Филомены, дурачок, ушел за ними.

Песнь тридцать шестая

На полу письмо под дверью
Обнаружили однажды утром —
Через щель просунули его.
Стало нам досадно, как от мухи,
Невзначай попавшей в молоко.
Мы вестей от мира не желали.
Целые два дня оно лежало
Не раскрытым нами на столе.
Так письмо и затерялось вовсе,
Всплыло наружу средь белья —
Мы его к реке стирать носили, —
Оказалось, что оно раскрыто,
Замусолено, как носовой платок.
Кто ж его прочел, кто распечатал?
Ну не я же и не брат мой, точно.

Песнь тридцать седьмая

Будильник первым перестал работать,
За ним сломались луковкой часы,
Подаренные машинистом брату.
Тогда мы стали время измерять
Лучами солнца, которые на кухню проникали:

Дрожали зайчиками на краю буфета
Утром в девять,
На площади звонили в полдень,
Когда они дотрагивались до стаканов.
Позднее светлое пятно,
Казалось, гвозди забивало в стены
И вдоль постелей двигалось,
Пока в шесть вечера не пропадало вовсе,
Запутываясь в паутине, которая свисала с потолка.
В дождь уши время угадать старались
По звукам, с площади идущим.
Довольно было нам услышать,
Как выходила Бина за козой
Из дома в семь утра,
А возвращалась в полдень.
Сапожники едят, когда заходит солнце,
И за собою стулья с шумом волокут,
Уносят с площади.
Тем временем цикады замолкают, пугаясь темноты.
Филомена в два ночи зерно просеивает через сито.
В одно из воскресений ошиблись мы, однако,
И приняли шесть вечера за шесть утра.
Тогда понятно стало:
Сломалось что-то в нас —
Поломка в голове.

Песнь тридцать восьмая

Вода, огонь, земля,
И после лишь прах останется.
И содрогнется воздух над планетой.
Где листья и трава зеленые?
Горох в стручках с перстами женщин,
Его высвобождавших?
Где розы и гитара, собаки и коты?
И камни, и плетни среди огородов?
Где рты поющие, календари и реки,
И груди, полные, как реки, молока?
Где сказки, если свечи не горят,
Не дарят пламя?
Где Время, дни за днями,
Недели — секунды им вели отсчет,

Ворочается солнце, движет тени
Вещей застывших.
Тогда где я? Где тот?
Венеция ушла на дно морское
Скоплением костей — их белизну вода хранит.
Но день придет, когда Врата Небес отверзнутся
И канет Глас, падет на пыль земную,
К ответу призовет того, кто выдумал все это:
И колесо, и цифры, и знамена на площадях.
Тогда Адам восстанет из пыли праха,
Пойдет на Свет Неугасимый
С высоко поднятой и гордой головой,
Неся ответ за все:
Нам жизни Мед отпущен был на острие ножа.

Песнь последняя

Покоятся теперь два брата
В тени дубов, где покосившийся княгини крест.
Она при жизни ездила в коляске
С колесами на шинах из резины
И обладала землями —
Владений было сорок.
От самой Пасхи и до Рождества
Безвыходно закрылись братья в доме,
Наружу не показывая носа.
Известно стало много позже —
Один из них держал другого
На хлебе и воде, в кладовке прятал,
Ругательства, проклятья посылая.
Когда монахиня взломала дверь —
Они казались грязными мешками,
Что мусором набиты до отказа.
В больнице на постелях рядом —
Стул разделял их только —
Недели не прожили.
Ни разу друг на друга не взглянули,
Но за руки держались,
Так до конца и не разжали рук.

ПРОФИЛЬ КНЯЗЯ

Глава первая КНЯЗЬ АМБЕРТО

Овал лица продолговатый, лоб высокий,
Глаза чуть выцветшей голубизны небесной.
Усы светлее конопли держали нос.
При взгляде мимолетном на него
Понятно становилось: он зверь породы редкой.

Из белой шерсти выделки ручной,
Хранившейся в бауле княгини Виоланты,
Он заказал себе четыре платья,
Пригодные на все сезоны года.

Княгиня бабушке сестрою приходилась.
Рубашки цвета нежного ванили
Застегивал на костяные пуговицы
Для нижнего белья. Их позаимствовал с трусов,
Расшитых руками приближенных дам.

Князь иногда бродил в полях,
Не выпуская тросточки из рук, —
Змей вспугивал в некошеной траве,
И потревоженные бабочки взлетали,
Кружась над головой его вослед.
Амберто звался он — наследный князь
Дворцов Гаттары и Кафельдельчи.

Родители его не покидали Рима
И своего дворца, где было сорок комнат.
Амберто вернулся в горы и поселился
В замке, где обитал ребенком.
Уж двадцать лет тому, как бегством
Семья спаслась, уехав второпях:
Крестьяне флагами кровавыми
Раскрашивали небо и долго гнались
Вослед автомобилю «Деланде».
Теперь дворец казался грудой
Пустых и сиротливых комнат:

С крыш капало, и сыростью несло из кладовых,
Стенные трещины, затянутые паутиной,
Убежищем служили паукам.

Картофель, яблоки, зерно и кукуруза
Рассыпались ковром по полу.

Четыре комнаты фамильных
Не отворял никто уж двадцать лет.
Едва князь двери распахнул,
Как вылетели тучи моли,
Узоры на коврах и гобеленах исчезли.
Моль розы съела.

Была весна, но он пальто не снял
С воротником лисицы чернобурой.
Надолго затворялся в своей опочивальне —
Из комнат всех ее предпочитал:
Диван, обитый желтым полотном,
Две лавки, узкая кровать, как гроб,
Шкаф с рожками кривыми скарабея —
Четыре метра на четыре.

Все стены фреска украшала:
Торжественное шествие за паланкином
Сопровождало взгляд, куда б его ни кинул:
На выданье везли принцессу —
Невесту Дуке¹⁷ из Урбино.
Так часто мать рассказывала сыну
С надеждой усыпить малютку.
Князь в детстве темноты боялся.
Мать спальню выбрала ребенку,
Где от одной стены толпа людская
Переходила, двигаясь к другой.
Картины эти окружали сына.

Теперь наведывался к князю по утрам
Тот, что именем управлял,
Счета подписывал и постоянно величал

¹⁷ Дука — великий князь.

«Его Высочество, Светлейший князь»,
Однако разговаривал со спичкою в зубах,
Она ему служила зубочисткой.
Амберто к двум часам старался отобедать,
По вечерам довольствовался чашкой чая
С печеньем, что заботливая тетя
Из Вены постоянно присылала.
Не часто телефон тревожил:
Лишь раз звонок Хуана Карлоса раздался —
Приветствовал его король Испанский.
Однажды утром принц Англии наследный
Поведал о своей любви к охоте,
Князь отвечал: ни в воздухе, ни на земле
Достойной живности не видел.

По воскресеньям иногда кузина навещала,
С аристократом мужем в Римини жила.
Всегда на стула краешек садилась,
Молчали оба и смотрели на экран —
Лишь для нее включал он телевизор.
В дождливую погоду за окном
Себе просила вежливо брютле¹⁸.

Князь осенью в горах с собаками бродил,
Искал подушечки от цикламенов¹⁹
С корнями черными, картофелю сродни.
Любил расположиться возле дикой груши,
Она листвою багровой заслоняла небо
И иногда роняла на него засохший лист.

Он на долину вниз смотрел,
Где лозы пробивались из земли,
Они на руки, протянутые к солнцу, походили
Тех, кто покоился под нею.

Замужние крестьянки и девицы молодые,
Как вкопанные, застывали перед ним,
Осоловелые глаза на сапоги его потупив,

¹⁸ Брютле — горячее вино со специями.

¹⁹ Цикламены — дикие фиалки.

И телом обмякали от желанья —
Так млеет скот в любовной течке.
Князь, снисходя, шел иногда навстречу
И задранными юбками им лица прикрывал:
Не смел ни с кем пересекаться взглядом,
В котором то отца, то деда узнавал.
Так множилась внебрачными детьми
Порода. Они по жизни шли
С руками грубыми крестьян, однако
Намек на профиль благородный
Их лицам был присущ.

Глава вторая ЗАЛ ГОЛОСОВ

Аллея, шедшая от входа,
С колоннами, чуть пьяными теперь —
В былом сюда въезжали экипажи
С каретами, — в дверь упиралась,
Она вела в салон, что чудом уцелел,
Как новый; стен белизна светлела молоком,
И позолота гипса кружевная
За потолок цеплялась крепко.

«Зал голосов» — так звался он. Тому была причина —
Произнесенные, пусть даже мимоходом,
Слова в одном углу салона —
Другим углом, как эхо, повторялись,
Оно их словно доносило с гор.

И всякий раз, как князь Амберто
Входил в салон, который пощадило время,
От мыслей руки опускались:
Терял надежду замок возродить.
И в памяти всплывало, как ребенком
Перебегал от одного угла к другому —
Ловил слова, хотел их вновь услышать:
Он сказки сам придумывал себе.

Салон для голосов был плод фантазии
Француза-архитектора, но говорили
И об участии Браманте —

Достало лишь того, что взгляд он обратил;
За ними вслед пришли венецианцы,
И гроздь золоченые из гипса
В угоду детям Гвидантонио родились.

Об эхе голосов со временем забыли,
Салона тайна вновь всплыла случайно.
Слух множился — испробовать игру
Издалека стремились люди,
К примеру, из России прибыла
Княгиня Оболенская.

Год девятьсот двадцать девятый
Запомнился великим снегопадом:
Снег в памяти так и не таял никогда.
Венгерский виртуоз на скрипке
Играл для всех в углу заветном,
Но музыка его прилипла к потолку,
Нигде не отдаваясь эхом.

К концу войны, когда бежали немцы,
Италию поспешно покидая,
Тихонько генерал рыдал в углу:
Как шум дождя, плач Кессельринга падал
На офицеров, что застыли молча
Под люстрами в другом конце салона.

Однако, покидая замок, не забыли
В фундамент бомбу подложить.
Но выстоял дворец,
Лишь трещины пошли по стенам,
Зал голосов не пострадал.

Амберто сам пол подметал
И всякий день взбирался к потолку
По длинной лестнице,
Пыль с кружев золота сдувая.
Свет в люстрах не горел,
Но если попадал луч солнца
Иль отблеск снизу от свечи горячей
В подвески хрустала, то искры

Кружились бликами по потолку,
Как будто фейерверк был кем-то пущен.

Размахивая в воздухе большим картоном,
Князь ветер поднимал, и оттого
Слегка дрожало стекло подвесок,
Звон легкий издавая,
Казалось князю: колокольцы слышит
Саней, бегущих по снегу в долине.

Глава третья ГОЛОС ПРИНЦЕССЫ

Однажды ночью не спалось Амберто,
В Зал голосов его пойти тянуло,
Направился туда с зажженными свечами,
Недвижно встал перед углом заветным,
Искал слова, ответ найти стараясь
На жизнь свою. Их не нашел.
Ничем не нарушаемая тишина
До полночи царила.
И в эту пустоту молчанья
Пал голос с потолка,
Его едва сумел он различить,
Девичья речь лилась неторопливо:
«Принцессою Оливой меня все величают,
Судьбой отпущено всего семь дней,
И я должна пойти за Дуку из Урбино,
Он незнаком мне вовсе,
И оттого неумолимо тоскливо».
В ту ночь князь не гасил свечей.
Вернувшись к фреске в комнате своей,
Таинственную связь понять старался
С годами детства, где принцессы образ
Перед глазами постоянно жил.

Девичий голос на четыре века с лишним
Как будто к потолку пристал.
И отчего теперь лишь князь его услышал?
Неудержимое желание возникло
Лицо принцессы рассмотреть вблизи,
Оно скрывалось под вуалью тонкой —

Однако был уверен князь:
Олива Медичи на фреске,
Подобной ей быть не могло.

Взобрался тотчас на комод,
Лик осветил зажженной спичкой —
Читалась только тень от губ и глаз.
Поскольку сон никак не приходил,
Он книгу отыскал, где записи
Веками сохранялись о посещениях важных.
Сам Данте Алигьери почтил своею честью
Фамильный замок.
Германский император, завершив визит,
Святые кости из Сан-Лео
Похитить пожелал тайком.
Однако лошади на подступах к Ферраре
Остановились — не двигались вперед,
Но и назад не шли.
Великий Джотто воды испить немного
Спросил себе, присев на камень,
При въезде в замок издавна лежащий.

Семидесятый лист запечатлел визит
Оливы Медичи, ее стояло имя:
В году тысяча пятьсот сорок четвертом
Принцессе было лишь семнадцать лет.
Тогда в сопровождении отца
Она впервые посетила замок
И Залу голосов доверила сомненья
И думы затаенные свои.

Теперь князь по утрам коня седлал
И отправлялся к склону Лунных гор,
Кортеж принцессы там прошел когда-то.

Дни проводил Амберто в ожиданьи встречи,
Уверен был, что путь их совпадет.
Ничком на землю падал и поднимался вновь —
Все слышался ему далекий конский топот,
Но ошибался он.

ПРОФИЛИ

Отец Донати из прихода в Пеннабилли
Владельцем был редчайшей книги:
В ней профили особ высоких,
Властителей Италии в веках,
Принцесс и королей хранились.
Оливу Медичи искал среди них.
Князь два часа не мог от книги оторваться:
Вновь убедился — прекраснее Оливы нет никого.

В то время как Амберто собирался
С отцом Донати распрощаться,
Тот в сторону его отвел,
Наглядно показать пытаясь,
Какая пропасть пролежала
Меж властью на земле
И той, что с неба управляет ею:
«Никто не видел профиля Господня.
Бог — всё. Кому Его дано познать,
Он полностью являет Лик».

Однажды утром князь решился
Отправиться к гадалке старой
И попытать судьбу.
Валет со шпагой, туз козырной
На картах вместе выпали —
Старухе ясно стало: непредсказуемое
Свершится в жизни князя.
По вторникам показывали на экране
Историю, она Амберто увлекала:
Старик в Америке Латинской
Старался поженить во что бы то ни стало
Двух молодых — погибли оба,
Им не было еще и двадцати:
При жизни встретиться не доводилось,
Однако покоились в могилах рядом.

С их семьями пришел старик к согласью —
Готовы были разрешенья.

Князь свадьбу на экране наблюдал —
Шла с кладбища прямая передача.
Все приглашенные не сдерживали слез,
И плакали, и хлопали в ладоши,
Смеялись, допоздна не расходясь;
Бумаги, где значился брак заключенный,
Доверили огню. И пламя известье это к небу
Прозрачным дымом уносило.

Глава пятая
БЕЛАЯ ЛОШАДКА

В дни Сан-Мартино²⁰ лето возвратилось,
И князь возобновил свои прогулки
На «Перевал принцессы», так он назывался
С тех самых пор, когда в году
Тысяча пятьсот сорок четвертом
Здесь путь она держала.
Благоуханье в воздухе разлито,
Вселяет радость вид долины
Реки Мареккьи с гор.
Ее окутал пар, что поднимался с моря,
Оно казалось сверху
Полоской длинною и синей.

Попался в Миратойо князю на глаза
Отрез вельвета в крупный рубчик,
Он был в ходу еще совсем недавно.
У старого портного в Пертикаре²¹
Князь пожелал сшить платье для себя.

Парадизино²² обшивал еще отца Амберто,
Кроил всегда любимые им брюки галифе.
Портной был с деревянною ногой,
В нее он, примеряя платье,
Закалывал булавки по привычке,
И всякий раз князь закрывал глаза,
Ему казалось, что иголки эти

20 Сан-Мартино — святой Мартин, праздник которого в Италии приходится на 11 ноября.
Обычно в это время возвращается теплая пора.

21 Пертикара — название местечка в горах.

22 Парадизино — прозвище портного, что в переводе означает «Райский уголок».

Вонзаются в живое мясо.
В день накануне сдачи
Готового изделия владельцу
Примерка совершалась перед ширмой
Из трех зеркал. Смотрящий в них
Со всех сторон себя обозревал.

Парадизино на стул взобрался,
С пристрастием проверяя,
Как сел костюм на плечи князя.
Склонившись к уху, наблюденьем поделился:
Горы простертой очертанья
Над быстрою рекой Мареккьей
Ему напоминали профиль князя.
Амберто в одеянье новом
Отправился на «Перевал принцессы».
Он встречи с нею дожидался,
Покуда солнце не упало за горами.

По деревням разнесся слух
О странностях, теперь присущих князю, —
Привязан был к своей лошадке белой,
Выгуливал ее, не оседлав ни разу:
Он впереди шагал, она за ним покорно,
И, останавливаясь, нежно гладил.

Когда срок первой спарки наступил,
Из Франции князь выписал коня:
Бегун породистый у многих вызвал зависть.
Конь на дыбы встал, передние закинув ноги
На спину белую лошадки,
И воздух сотрясал вокруг призыв любовный,
Тем временем как набухала кожа
Растущим мускулом под брюхом.
Крестьянки, что траву пололи,
Стыдливо прикрывали лица,
Пока конь голову не уронил устало
На холку лошади, сам пеной истекая.
Тяжелое дыхание лошадки
В руках Амберто замирало.
Он ласково подбадривал ее.

Глава шестая
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Готовил праздник князь в Салоне голосов.
Вся знать к нему съезжалась:
Маркизы, графы, принцы — из Рима и Парижа,
И даже из России особы царской крови —
Те старики, что управляли миром,
Избранники и соль земли, так принято считать.

У челяди, которая гостей сопровождала,
Дрожали руки, в то время как они
Господ своих обмахивали веерами,
Зевая, и собаки их слюну роняли.
Помимо слуг за ними увязались
Торговцы стариной и вездесущие японцы,
Готовые все сразу закупить,
Не брезгуя дверьми, камней не исключая.
Амберто затворился в комнате своей
От людя чуждого, чтоб «не крутили яйца»,
От тех, кто донага хотел Италию раздеть.
Тут объявился некий англичанин —
Держал себя как «маменькин сынок»²³,
Желал всю фреску отделить от стен
И в Токио ее тотчас отправить,
И на словах миллионами бросался.
Амберто вновь в Зал голосов вернулся.
С гостями должен был вино отведать —
Сам для него гроздь редкую сорвал,
Где прежде виноградник расстился
И издавна зрел белый виноград.

Толпа гостей уgomонилась на одеялах,
Брошенных на землю, вмиг все заснуло.
И обособленная кучка молодых,
У коих высокомерно были задраны носы,
На празднике не больше получаса оставалась;
Они сбежали на автомобиле
Пить кофе в Гранд-отель ближайший,
Он в Римини у моря находился:
Там в креслах мирно спали двое,

—
23 Мужчин иной ориентации в Англии принято называть «маменькиными сыночками».

Со шляпами, надвинутыми на глаза,
И все же узнаваемые без труда —
Политики из новых, мелочь.

А в замке старики до вечера не просыпались,
Уже несли им сливки камерьеры
И разве что их с ложки не кормили.
Они смотрели в небо, закатив глаза,
Где видели другие времена.
В моменты забытья, что наступали после,

Неслись слова дурные, ругательства
По-польски, на языке немецком и английском,
Всплывал и диалект, все мерзкими словами.
Князь из Флоренции в родстве был дальнем
С гостем, который застыл посередине зала.
Тот временами вопрошал: «Мы где теперь?»
Глаза его ослепшими казались,
Как винограда белого плоды.

Никто не отвечал ему, да и не мог ответить.
Не упустили случая в Салоне голосов,
Способном передать слова на расстоянии,
Вслух высказать хранимые дотоле мысли.
Мужчины наконец жен собственных
Отважились путанами назвать.

А связь порочная одной княгини с сыном,
Всегда скрываемая, выплыла наружу.
С огромной грустью, на лицо упавшей,
Барон Раньери ди Фаджола,
Нимало не стыдясь, мочился против двери.

Смех разобрал неудержимый двух старушек,
И оттого штанишки намокли и у них.
Присел на землю князь Амберто и оказался
Лицом к лицу с одной из дам придворных,
Она племянницей Гаспари приходилась,
Тому, что кардиналом был.
Спросил ее, могла ли рассказать,
И слышала, быть может, как сложились

Судьба Оливы Медичи; принцесса
Уже тому четыре века с лишним
Невестой Дуки из Урбино приходилась.
Осведомленной дама оказалась:
Олива Дуке подарила троих детей,
Любила, об этом знали все, другого —
Он князем был Гаттары, как Амберто,
И в замке жил у берегов Мареккьи.
Однако, странно это совпадение!
Амберто ей внимал с открытым ртом

И, прислонившись головой к стене,
От бликов света на зажженной люстре
Глаз отвести не мог.
Все тот же англичанин, «маменькин сынок»,
Нисколько не утратил куража,
Настаивал на приобретенье фрески,
Готов был выложить миллион.

Меж тем всё новые бутылки гости открывали,
Летели пробки с шумом ввысь,
Двух Пап и кардиналов помянули,
Почтили тостом генералов, им наступленье
Турок остановить у Вены удалось.
На судне за Колумбом предки
Последовали в путь далекий,
И им заслуженную честь воздали.
И сорок приближенных короля
Достойны были тостов.
Искал в России идеалы
В семнадцатом году социалист,
Но след его простыл в Сибири.
И до крестин последних добрались,
Бокалы осушая. У маркизы родилась дочь —
Крещение присутствием почтили
Министры, их четыре было,
Собаку, впрочем, в церковь не пустили.
Слез более не сдерживали гости
И целовались после, как будто наступил
День Страшного суда.
Свет лился из овальных рам высоких окон,

В шесть вечера он начал убывать.
Тогда зажгли все свечи,
И воск тихонько на одежды капал.
Все, что блестело, пальцы украшая,
Запястья, шеи и бриллианты в кольцах,
Сверкало и глаза слепило;
Угадывалась явно обреченность
В сиянии драгоценностей надетых —
Судьба сулила им иных хозяев —
Японцы ждали, подставляя пальцы.
Утихло празднество, и полная луна,
На горы опираясь, появилась,
Все вновь надолго замок покидали.
И блеск камней бесценных побледнел,
Под ярким лунным светом угасая, —
Так светлячки внезапно потухают.
Понурился головы, все дальше удалялись,
И тени длинные им двигались вослед.

Глава седьмая КОРТЕЖ

Амберто в марте удалось собрать
В полях за Мадоннучей дикие нарциссы.
Усеял ими «Путь принцессы»,
Но не ступала здесь ее нога.

Тем временем дни потеплели,
У солнца наконец желание возникло
Подолгу в небе оставаться.

Не наблюдал часов на перевале князь,
Рассеянно считал дома,
Разбросанные по горам, они спускались
К морю, которое казалось сверху
Полоской длинной и синей.
В тени дубов им краткий сон овладевал.
Дорогу метили деревья по краям,
Она травой заросла высокой,
В ней желуди искали кабаны.
Нежданно в сумерки весь воздух
Далеким эхом голосов людских

И криками животных зазвучал.
Трубач играл, труба оповещала долину:
Здесь шла в лучах заката
На выданье в Урбино к Дуке
Принцесса Олива Медичи.
Густые листья на ветвях скрывали
Трепещущие на ветру флажки,
Но постепенно взору открывалось
Торжественное шествие в горах:
И головы шагавших лошадей,
И люди с многочисленной поклажей,
Иные и с копьем, скребущим небо.
Ослы с баулами наперевес
Везли приданое — расшитое белье
И простыни любимые принцессы.
Из свиты выделялся кардинал:
Не выпускал из рук подарка Папы —
Подсвечника святое серебро.
Посол французский, растрепанный слегка,
Обнял шитье богатых скатертей.

Принцессы паланкин скрывался
Под белою прозрачною вуалью,
Она от солнца берегла и мошек не впускала.

Казалось князю, фреска ожила:
Вослед за паланкином двигались солдаты,
За ними люд простой, груженный всякой снедью,
Монахи, в пути не забывавшие молитву,
Кортеж венчал дар принцев Малатеста —
Пожалован был ими слон. Он, как гора живая,
Торжественно цепь завершал.
Всей тяжестью своею на земле
Следы печатал. В дождь полнились водою:
Служили птицам жажду утолить.
На шее у слона сидел индийский мальчик,
Слоновьи уши тенью укрывали
Погонщика ступни, которым был послушен.
Весь караван на отдых разместился,
Избрав открытую опушку с лоскуток.
Принцесса с помощью двух дам придворных

Из паланкина своего сошла на землю,
Князь привязал коня под тенью дуба.
Представился по старшинству вначале капитану,
Дотоле неведомые руки пожимал,
Их много повстречалось на пути к принцессе.
Едва приблизился, поклон земной отвесил,
Приветствуя принцессу из Тосканы.

Зятем последовали откровенья:
Князь рассказал, какого роду был,
Чем славны были близкие и деды,
Святого города достигли предки,
В Иерусалиме отстояли Гроб Господень.
Принцесса, долгу опустив глаза,
Поспешности в сужденьях избегала.
Князь протянул соломинку принцессе —
Хранимый бережно подарок крестоносца —
В Христовых светлых Яслях, как известно,
Земля соломой устлана была.
Принцесса голову склонила в благодарность
И отошла, присев на покрывало,
Его поверх травы посол французский
Заботливо раскинул для нее.
Князь вдалеке присел и целых два часа
Глаз не сводил с нее.

Принцесса, наконец, решилась,
Лик приподняв, взор обратить на князя,
Стена солдатских спин их окружала.
Во взгляде боль читалась
И нежность, обращенная к нему.
Князь жадно пил ее, не утоляя жажды.

Миг длился бесконечно —
Забылись ожидания часы.
Кортеж собрался в путь, начертанный судьбою.
Казалось, их не свадьба, а похороны ждали.
Князь двинулся вослед за паланкином,
Он на руках солдат покачивался плавно,
Солдаты на ходу менялись,
Стараясь не задеть вуали.

Глава восьмая
В ЧАС ЗАКАТА

За кронами дубов скрывалось солнце,
Казалось, до него руками можно дотянуться.
Свет угасал, чернели листья,
Упали тени темные, как смоль,
Окутывая караван.

У самого подножья Сассо де Симоне
Остановились на ночлег.
Солдаты в сумерки палатки разбивали.
На шелковых подушках белого шатра
Принцесса отдыхала.

Князь в самом сердце ночи
Тайком к ее шатру пробрался —
Услышал плач принцессы, осмелился войти —
Она ему в объятия пала.

В тени деревьев хоронясь, добрались до коня,
Его в орешнике оставил князь.
Конь шагом двинулся, обоих унося.

Услышали погоню за собою вскоре —
Их обнаружили солдаты;
Тогда коня в галоп пустили,
Хлестали ветви лица, конь уносил их прочь,
Укрылись в тени дубовой рощи.

Она, за спину князя ухватившись,
Щекою к ней прижалась.

Сошли с коня, добравшись до опушки,
Вспугнув его, прогнали. Надеялись,
Обманутся солдаты, последуют за ним.
Обнявшись, обо всем забыли,
От нежности, казалось, не дышали,
Слова не шли, и подкосились ноги,
И не услышали солдат, что их настигли,
Принцессу на скаку от князя оторвали,
Он под копыта бросился, пытаясь задержать.

Оставили пыль с ветром за собою.
Лицом израненным в траву пал князь,
Теперь он был один, и конь лизал ладони.
Тогда он снова оседлал его,
Желая поскорее возвратиться к фреске
И в одиночестве оплакивать потерю.

Конь мчался под Карпеньей,
Оставив башню в Башио торопливо,
И вниз спустились до реки Мареккьи.
Свет поднимался от ее камней.
Остановиться пожелал, обмыть лицо в реке.
Как только наклонился над водою,
Ее ладонями стараясь зачерпнуть,
Заметил, что лицо в реке не отразилось:
Он ясно видел рыб на глубине,
Но не лицо свое.
Он камень поднял над водою,
Тот отразился, но не рука его.
Заметил — на нем надето платье без карманов,
И словно соткано из воздуха оно.

Стоял и спрашивал себя, что случилось с ним,
Когда из ножен вынул саблю капитан.
Все замерло вокруг, стих ветер.
Трава, и листья, и вода в реке застыли.
И понял князь, что берега другие,
И конь — не конь его, и вынес не к Мареккье,
И на земле стоял, где не был прежде он.

Во время последней войны не было топлива, и люди жгли мебель и прочие вещи. Во дворце Монахов, который прятался в тосканских Апеннинах под Лунными горами, семьи, жившие при этом старом монастыре, придумали топить печи комками из бумаги, предварительно увлажняя ее водой и клеем. Бумагу добывали для этого из бедной библиотеки, воруя старинные рукописи.

Один антиквар из Ареццо купил несколько таких самодельных шаров у печника, нашедшего их в развалинах дворца, который рухнул снежной зимой 1951 года. С большой осторожностью расправил их. Он хотел найти старые документы, склеенные с другими бумагами. Ему удалось собрать несколько завещаний и актов по наследству. Совсем немного, если исключить двенадцать заметок разновидности Камасутры для народа, написанные, быть может, одним из монахов — исследователей Востока. Во время выставки антиквариата в Пеннабилли в июле 1981 года я познакомился с антикваром из Ареццо, который дал мне на несколько дней эти заметки, чтобы изучить их. И тогда я решил сделать к ним иллюстрации.

Тонино Гуэрра

Песнь 24 из поэмы «Мед» была написана Тонино Гуэррой по просьбе Федерико Феллини для его фильма «Назанова». Тонино вначале отказался работать над этим сценарием, о чем потом пожалел. Когда Тонино вернулся, Феллини попросил его написать хотя бы одно стихотворение для фильма. «О чем?» — спросил Тонино. «О фике, только очень деликатно». Эти стихи, переведенные на венецианский диалект, звучат в фильме в эпизоде с пещерой. Тонино постоянно вставляет эти стихи в разные книги. Думаю, не столько из-за сюжета, выбранного Феллини, сколько в память о своем друге.

Лора Гуэрра

Выстрел

Призыв к стрельбе при мирной обстановке

Возможен лишь тогда, когда вдвоем

Уже раздеты.

Ее нашел он место драгоценное, ей ноги раздвигая.

Она должна вполголоса сказать:

«Теперь стреляй!» — и дожидаться смело,

Когда настигнет выстрел.

На кресле сидя...
Слияние на кресле так удобно
Для взрослых пар. Мужчина нежно
Ей груди приподнял,
Меж тем как «змей» свободно
Отыскивает норку.
За окном хотелось бы дождя
Услышать звуки, говоря о нем.

Близость с велосипедным клаксоном

На коленях стоя, дама упиралась
Руками в пол, в матрас постели,
Или же на луг, решительно давая
Свой «сад для наслаждения» партнеру,
Коленопреклоненному за ней.
Тем временем играл он с грудью,
Как с клаксоном.

Обвитие вьюна
Возлюбленный ждет стоя
На краю постели даму — она готова
Ему на шею бросить ноги —
Это означает «обвитие вьюна».
Уверен он — она ему подвластна,
На ложе неподвижной стала.

Сонное соитие

Совет вам дать к «слиянию сонному»
Хотелось бы, когда объятье
Как будто в забытии, во сне как будто,
И медленно, помимо воли,
Движение тела расцветает,
И действие главное свершилось.
Тем временем сосок-черешня
Коснулся, невзначай, лица мужчины.

214

215

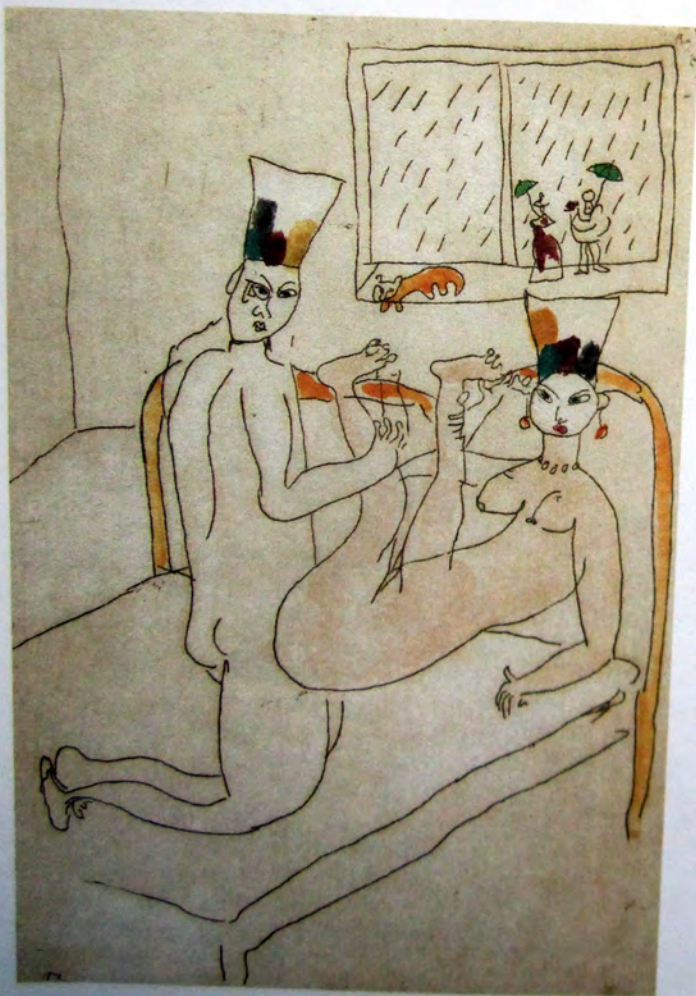

Выжать лимон
В агонии под тяжестью её,
Сидящей сверху, ласки ожидая,
Растерян любящий. Насильственен оргазм
Как выжатый безжалостно лимон.

Разыгранное насилие

Такое тоже может случиться —
Знакомство робкое, наивные слова
Внезапно перейти грозят
В разыгранную грубость.
Он насильно её подталкивает к ложу, к самой спинке,
Сгибая ноги, обладать спеша.
Здесь кот не помешает, как свидетель,
Хотя б ему поведать сможет дама
Страданье невозможное свое
От грубости разыгранной насилья.

Неосторожный отдых

Мужчина сделал вид,
Что он заснул,
Прикрыл глаза и руки
Под затылок спрятал.
Неосторожно женщина присела
На бедра мягкие его,
Чтоб отдохнуть,
И сразу же расти под ней
Начнет предмет, как дерево.
И направляться станет туда,
Куда она не ожидает вовсе.
Неосторожный отдых избегать — совет.

Непристойное присутствие

Часто непристойное присутствие мужского учелло-птицы не может привести к счастливой эйфории женщину. И тогда советуем приобрести увеличительную линзу. Этот предмет был впервые использован маркизой Филиппучи из Сассо Корваро, которая в момент, когда она должна была предстать обнаженной, появлялась с большой линзой в руках, коей начинала пользоваться почти сразу же, чтобы наполниться спасительной ложью: просив избранника занять позицию отдыха, она же садилась на его бедра сверху и рассматривала с линзой предмет мужской гордости, который оставался для нее всегда скромным и недостаточным.

Серебряная ложечка

Когда князь из Гаттары изобрел
Серебряною ложечкой манить
Своих избранниц пылких,
Ему уж было лет за шестьдесят.
К терпенью их взывая
За ласки ослабшие и краткость мига,
Он им сулил предмет блестящий и драгоценный, как награду.
И после смерти господина в 43-м
В домах, рассыпанных по Апеннинам в Марке,
Фамильное блестело серебро.
Лишь в доме князя было пусто...

Узел

Сплестись в борьбе любовной,
Бороться до конца, не размыкая ног, и рук не разводя,
И на вершине зла так грандиозно и тайно проникновение до взрыва.
И станет нелегко потом
Вновь руки обрести, ступни не перепутать.

Шепча слова
Близка уж цель...
Желанную свою сумели вы раздеть
И обнаженной — только очень тихо,
Должны напомнить,
Что птицы от дождя
Под ветками деревьев скрываются.

Ла фика

Ла фика — это паутина,
И кокон шелковый,
И сердце всех цветов.
Ла фика — дверь,
Чтобы войти куда-то,
Или стена,
Которую разрушить надо.
Веселые есть фики
И сумасшедшие совсем;
Широкие иль узкие,
А есть такие,
Которые не стоят ничего,
На них двух сольди жаль потратить.
Болтушки есть, заики тоже,
И те, что сразу же зевать начнут —
От них, хоть ты умри,
Двух слов добиться невозможно.
Ла фика — белая гора
Из сахара.
И лес густой, где бродят волки.
Карета, что сама готова
Тянуть во след своих коней.
Ла фика это кит внутри пустой —
И в темном воздухе лишь светлячки.
Она — карман учелло-птицы,
Его ночной колпак.
И печь, сжигающая всё.
Ла фика, как час ее придет,
И ликом Господа, его устами станет,
Ведь из нее всё вышло:
Мир, деревья, облака и море,
И люди, все по-одному,
Всех рас.
Она и фику сотворила.
Вот это да! Вот это фика!

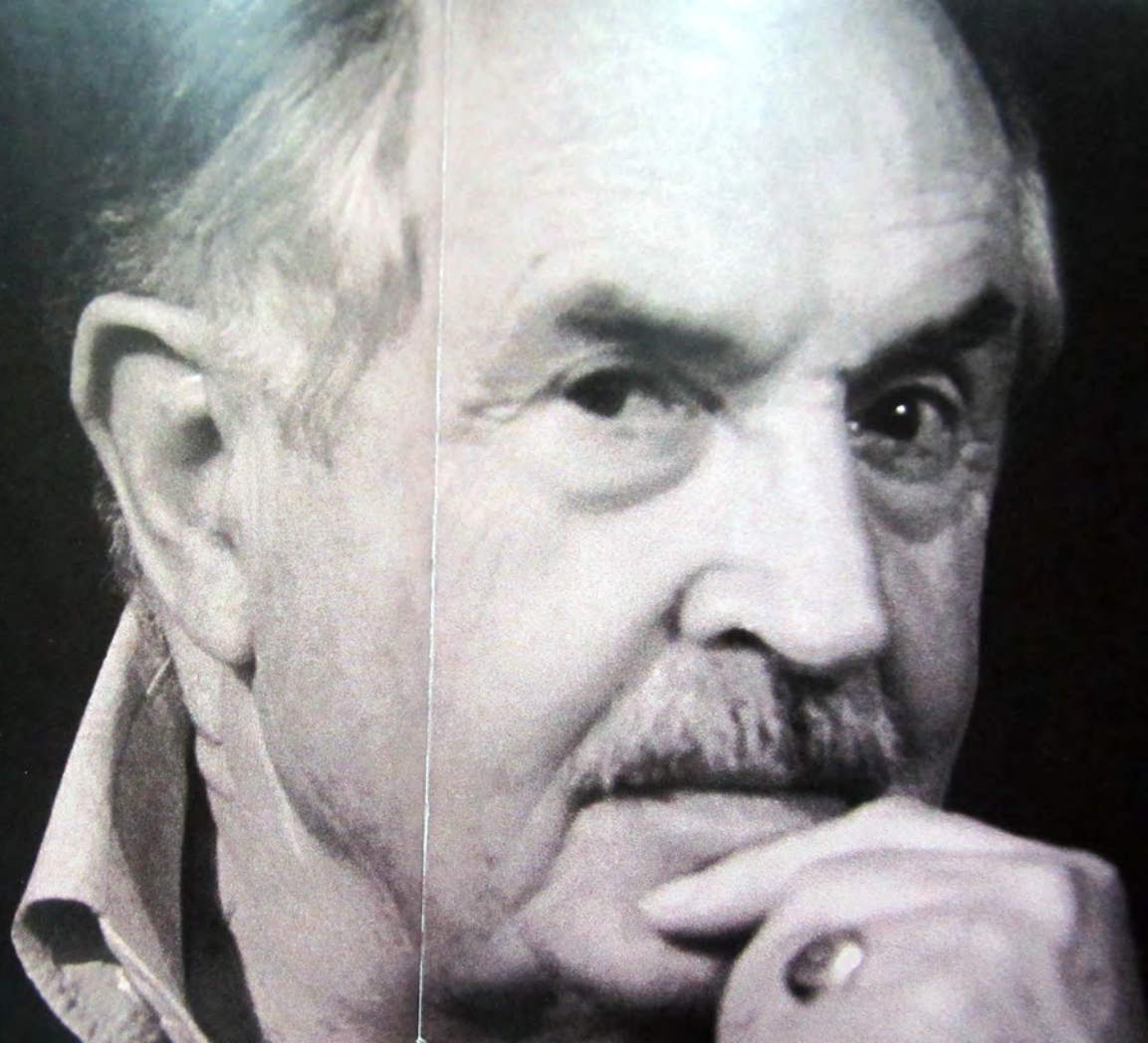
Tiziano Giamari
2008

«ДОЛЖНЫ
ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ...»

—

дневники
и письма

Эти дневники хороши для меня и особенно дороги оттого, что это — момент переселения из Рима. В 1987 году Тонино решает возвратиться к своим корням, покидая Большое Кино, которое его ищет, — Ф. Рози, братья Тавиани, Тео Ангелопулос приезжают и в Пеннабилли, еще будут получены и «Пальмовая ветвь» в Каннах за «Вечность и один день» с Ангелопулосом, снята «Передышка» по роману Примо Леви, многое другое, как, например, «Трепет воробья» или «Особое воскресенье» с Д. Торнаторе, Бертолуччи, и другие фильмы.

Все ищут Тонино в Сантарканджело и в Пеннабилли.

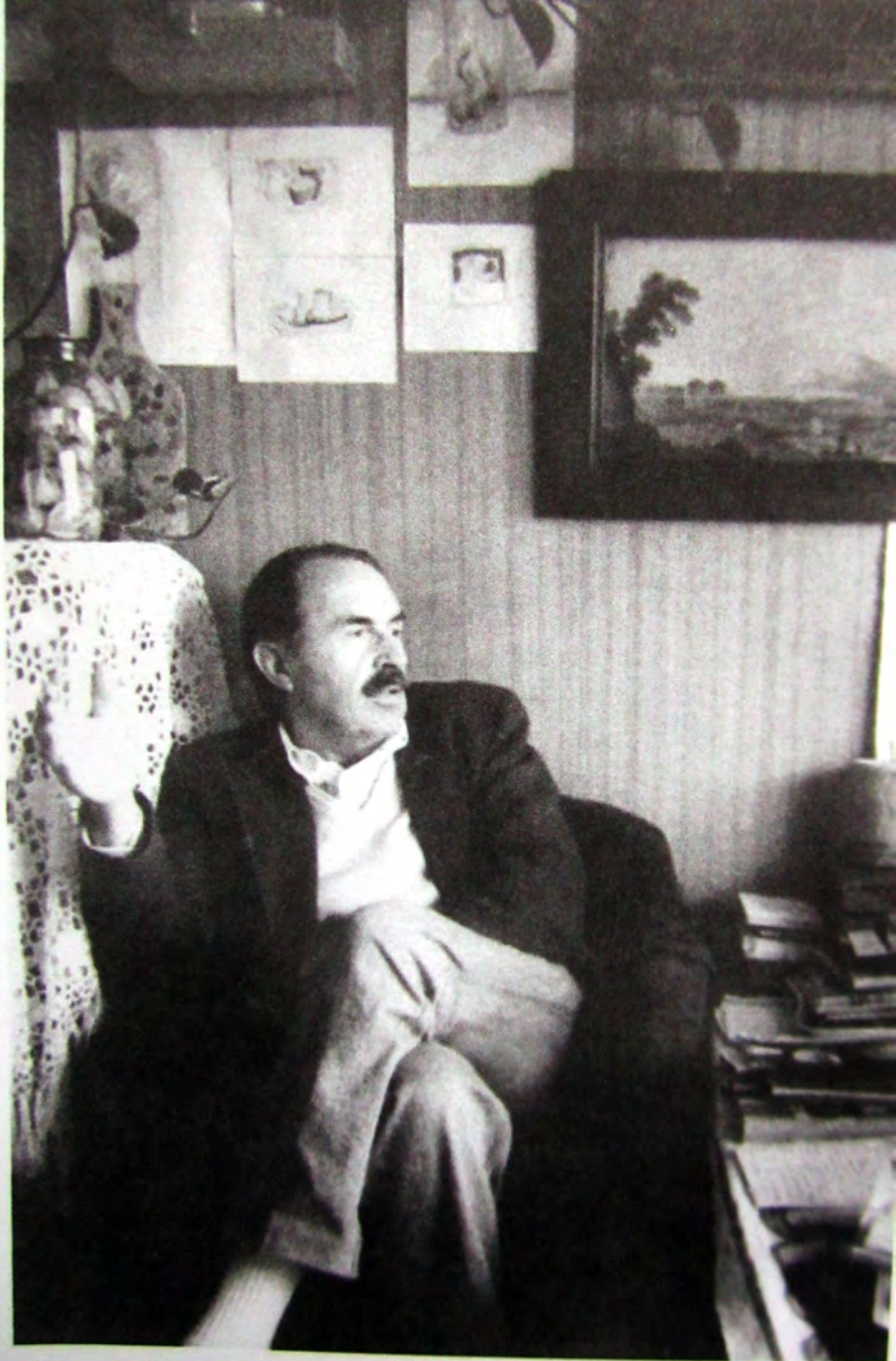
А он «узнает» сначала из окна свое детство, ищет дружбу с Елисеем, — потом родится поэма «Парадиз Елисея». Это там на вопрос Тонино — «Есть ли Бог», Елисей ответит: «Сказать, что есть, может быть неправдой, сказать, что нет, может стать еще большей неправдой». Начало было трудным, но потом были созданы сады, фонтаны, мебель, керамика, мозаика, полотна, но самое главное для Тонино — ему удалось создать своими поэмами эпос этого края.

Ваша Лора Гуэрра

P.S.

Дневники записывались в книжке, где отмечены праздники святых. «Возвращение к себе Улисса деревенского», как называл себя Тонино.

Лора Гуэрра

Тонино в Москве на Мосфильмовской
-должны держаться вместе...»

Понедельник, 5 января

Святая Амелия

Похороны Тарковского в Париже. Похороны Аральдо Санчизи в Сантарканджело. Я шел за его гробом, думая иногда и о Тарковском. Аральдо Санчизи был человеком, который более всего любил свой городок, Сантарканджело.

Вторник, 6 января

Эпифания

Туман покрывает дома, и деревья побелели от инея. С Мальо и Федерико едем к холмам. В Торриане солнце, а долина до моря покрыта туманом. Из него выступают вершины Сан-Марино и Веруккио. Тарковский очень любил длинную змейку тумана зимой, когда она опускалась над речкой, бегущей у ног холма, на котором и стоял его деревенский дом.

Среда, 7 января

Святая Раймонда

На телевидении показали документальный фильм об Армении, это республика, которая граничит с Турцией. Показали библиотеку, в которой хранится 30 тысяч старинных книг. Мне кажется, я услышал, что некоторые обложки окаменели. Думаю о рассказе, в котором найдут уже окаменевшие папирусы. Кто-то будет стараться прочесть эти письма, которые едва видны под светом мощных фар. Если окаменеют книги с рисованными миниатюрами, было бы отлично суметь отделить эти мраморные изображения Персидского сада. (Тонино написал рассказ об окаменевших книгах, где профессору удалось разобрать только одну фразу: «Никто так ни одинок, как Господь» — Л.Г.).

Четверг, 8 января

Святой Массимо

Франко Терилли вернулся из Парижа. Он был на похоронах Тарковского. Грандиозные. Православная церковь была полна. Много известных личностей. На паперти Ростропович играл прощальную песнь. Старший сын Тарковского остался на кладбище, у могилы отца. От растерянности родственники забыли о нем. Он стоял на могиле с его портретом в руках, много позже добрался сам, отыскав Ларису, вторую жену Андрея.

Суббота, 10 января

Святой отшельник Альдо

Идет снег. Голоса людей, говорящих на улице, слышны и в нашей спальне. Воздух роняет на землю запыленные шумы тысячи насекомых. Все слышишь, как будто тебе заткнули уши ватой. На холмах птицы и собаки — маленькие черные и живые пятна, под кружевами веток. Ветер гонит мучную пыль по замершему руслу Мареккьи.

Понедельник, 12 января

Святой Модесто

Из Рима приходят известия. Розы и братья Тавиани заканчивают дубляж их фильмов. Феллини тоже. Для великих режиссеров сделать фильм означает согласиться изначально на английскую копию. Жаль. Мы все чаще будем чувствовать нечто, что не передает истинного оттенка нашего дыхания. В каком-то смысле мы становимся все более провинциальными. Универсальна лишь пыль в наших домах. Уже много дней, как Тарковский похоронен на русском кладбище в Париже. Всего несколько лет назад мы ночью бродили по Москве под падающим снегом и думали о «Путешествии в Италию», потом это превратилось в «Ностальгию». Под пальто на нем был мой пиджак из светлого вельвета.

Вторник, 13 января

Святой Иларий

Не работаю. Не отрываю глаз от оконных стекол. Не выхожу. Но представляю себе белые снежные поля и деревья, которые держат кружева.

Среда, 14 января

Святой Дацио

Приехал Франко Терилли и рассказал о похоронах Тарковского в Париже. Трогают маленькие откровения Андрея, когда в сентябре он был в Анфедонии. Хотел остаться в Италии и не возвращаться в Париж на второй курс лечения. Терилли удалось остановить поезд в Ордетелло, чтобы Тарковский смог в него сесть. Потом они переговаривались по телефону. Андрей попросил его позвонить ему. Это был предпоследний день его жизни. Он должен был поведать ему нечто очень важное. Франко позвонил, синьорина по телефону соединила его с комнатой Тарковского, он поднял трубку, но не мог произнести ни одного слова, и было

В Сантаранджело

232
233
слышно лишь его тяжелое дыхание. Это было прощанием двух больших людей. Долгий звонок, в котором слышно было лишь медленное и прерывистое дыхание. Самое трогательное и нежное прощание двух друзей. В последнее время он просыпался ночью в ужасе от одного и того же повторяющегося сна. Разразилась атомная война.

Четверг, 15 января

Святой аббат Мауро

Тает лед, небо серое. Звуки, которые похоронил снег, оставляют живыми лишь те, которые в воздухе — перекличка птиц и голоса людей — возвращаются и пачкают тишину. Позвонил в Равенну Дону Фускини. Он жалуется, что из-за снега и льда должен оставаться дома. К счастью, ему составляет компанию Пирро, пес, которого он обожает. После креста и святых идет Пирро. Он зовет его Пирро Фускини и в эти зимние дни читает ему «Божественную комедию». Временами прерывается и смотрит долго на свою собаку, в глаза. «Все понимает», — говорит мне.

Пятница, 16 января

Святой Марчелло

И сегодня думал о Тарковском. Мы хотели сделать фильм, состоящий из множества малых трагедий: бутылка с водой, которая опрокидывается на столе, и вода льется на пол и превращается во Всемирный потоп для муравьев; лужа, которая образовалась в комнате во время грозы, потом через открытое окно проникает солнце и высушивает ее; тени деревьев, которые появляются и исчезают, от солнца, скрывающегося за облаками; дождь рисует полосы на стекле окна снаружи, изнутри стекло запотевают от тепла комнаты. Текущая сверху капля позволяет увидеть глаз женщины и становится слезой на ее щеке; человек входит в покинутое жилище, видит, как бьется шмель в закрытое окно, стараясь вылететь, он помогает ему, распахивая ставни, когда опускает глаза вниз — видит на полу множество погибших шмелей.

Суббота, 17 января

Святой Антоний, аббат

Мой праздник. Съел чамбеллу¹ святого Антония. Снег исчез. Холодно. Некоторое время назад я заметил, что многие муж-

1 Ciambella — кружок, сладкое, выпекаемое для св. Антония.

чины теперь сами идут за покупками. Для пенсионеров — это новая работа. Несут полиэтиленовые пакеты с хлебом, фруктами и колбасками. Женская пыль на раманьольской жесткости, которая всегда разделяла женские обязанности от мужских (однако взглядами и голосом, когда просят обслужить их, подчеркивают, чтобы им отпускали все правильно, поскольку они в этом ничего не понимают). Перед церковью лишь собаки и кошки получают благословение. Перед войной поле ярмарки заполнялось лошадьми и волами, ждущими благословения.

Воскресенье, 18 января

Святая освобожденная девственница

Идет дождь. Видел крестьянский дом, который купил Августо Кампана. По телевидению объявили, что умер Ренато Гуттузо. Последний раз я его видел на фестивале в Венеции. Было мало света, и я едва различал большие глаза, которые блестели над улыбающимся ртом, и его нос вызывал у меня мысль о верблюдах. Человек, полный щедрости.

Вторник, 20 января

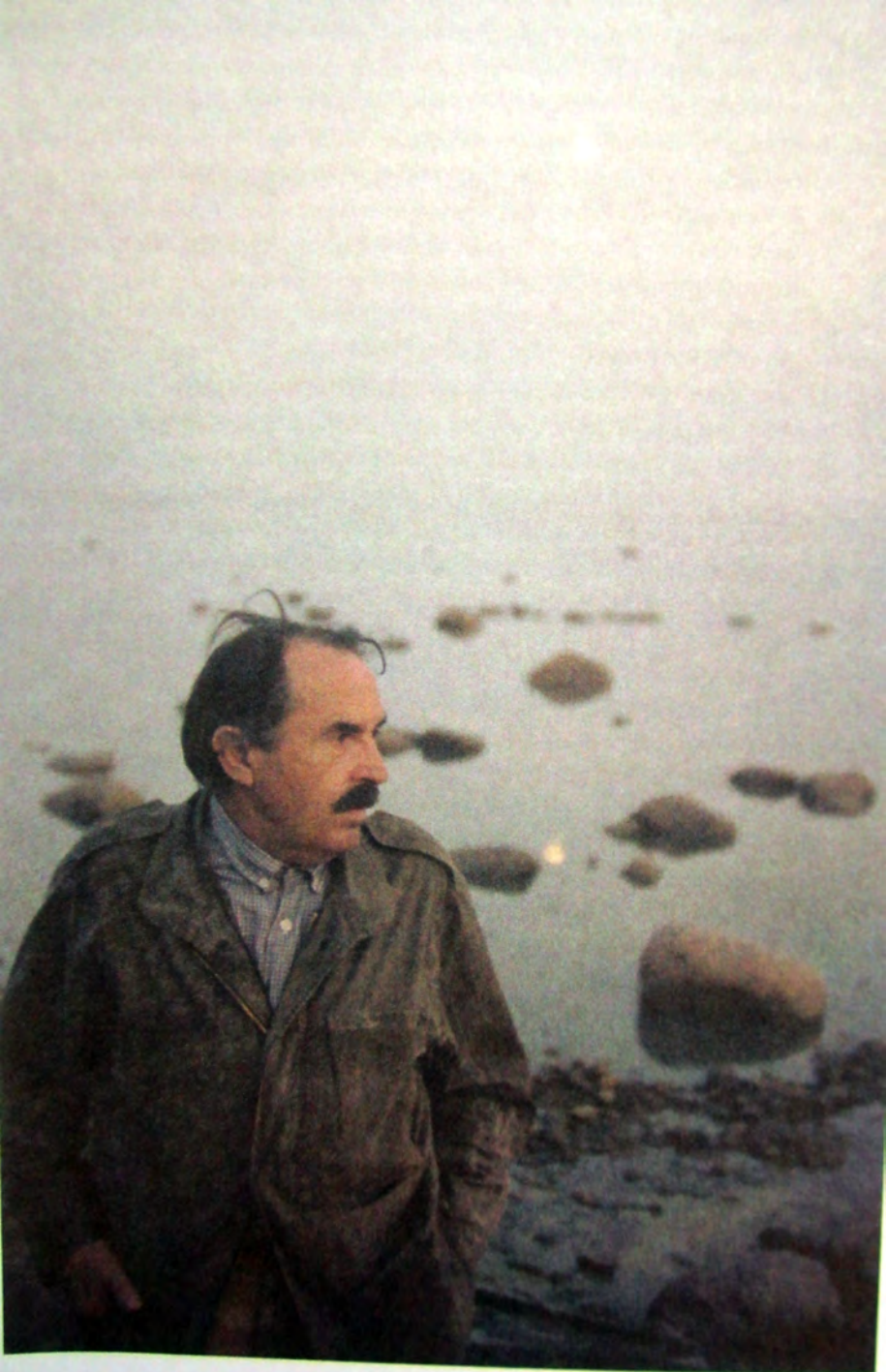
Святой Себастьян

Кажется, что последние вздохи Гуттузо обращены к Мадонне. Сегодня в «Республике» появилась статья епископа, с которым он дружил 20 лет. Мне нравится их беседа об ужине в Эммаусе. (Встреча Христа с двумя путешественниками после Его Воскресения). Какими должны были быть мощными и неописуемыми взгляды, которыми обменивались трое за ужином! Я все более убеждаюсь в том, что для фильмов, рассказывающих такие истории, как эта, не нужно ничего лишнего, никаких других происшествий. Только Тарковский смог бы передать эти взгляды.

Среда, 21 января

Святая девственница Аниезе

Страх смерти, но если хотим и спокойствия конца всех дней, заставляют всегда думать, что жизнь прекрасна в самых простых ее проявлениях: какие-то запахи, некоторые чувства, моменты снега и дождя, и тогда, почему же мы не замечаем того, что действительно ценно? Спрашиваю себя, отчего я никак не решусь возвратиться в Рим? Мне не кажется, что мне теперь хватит сил покинуть город и весь мир кино.

«должны держаться вместе...»

Тонино на Финском заливе

Четверг, 22 января

Святой Гауденцио

Домработница Малио Маджолли (издателя в Римини) подошла к нему, поскольку должна была рассказать ему нечто очень важное. Рассказала свой сон, в котором приснившаяся мать спросила ее: «Как живешь?» Служанка ответила, что не так уж хорошо, потому что дочка не находит работу. Тогда матушка Маджолли, которая появилась во сне, посоветовала старушке попросить работу для дочери у своего сына. Потом служанке снились сны, где она видела уже и отца и мать Маджолли. И все настаивали на том, чтобы он помог ее дочери. Маджолли тем не менее отказался, поскольку несколько месяцев назад трудоустроил на работу ее сына. Воспользовавшись машиной Марио, решил поехать в Рим.

Пятница, 23 января

Святая Эмеренция

В Риме мне звонят и говорят, что два проекта фильма о реке Мареккье развалились. Кино, к сожалению, в руках у людей, которые не умеют читать и знают лишь запах пота под мышками знаменитых актрис. Этот огромный собор итальянского кино охраняется уже служками, которые не умеют даже зажечь свечей. И тогда кто по случаю все-таки войдет в этот собор, обязательно споткнется о лавку и найдет путан, сидящих у истоков ведален. Итальянские политики ничего не понимают в кино и позволяют полное разрушение этого замечательного итальянского памятника.

Суббота, 24 января

Святой Франциск

Думал приехать в Сантарканджело провести лишь Рождество, но на следующий день понял, что Рим меня больше не интересуется. Быть может, оставлю кино и стану смотреть на деревья. Хочу купить книги Востока. Советы от Лао Цзы. Начиная всплывать в памяти некоторые моменты плена и детства на велосипеде.

Воскресенье, 1 февраля

Святая Вердиана-девственница

Уже 10 дней, как сижу дома. Временами туман скрывает площадь, за которой наблюдаю, стоя за стеклянной балконной

дверью. Стараюсь узнать голоса, которые движутся в этой влажной пыли. Когда туман рассеивается в воздухе, часто появляются огромные часы на фасаде мэрии. Хотят заставить меня поверить, что они — луна. Молодой продюсер звонит мне из Рима и спрашивает, интересно ли мне работать над эротическим фильмом и могу ли я написать диалоги по-английски. Тут же ответил, что я забыл все сексуальные экзерсисы. Давно думаю о том, что после 2000 года официальный язык мира станет английским. В 2100 году итальянский и многие другие языки превратятся в местные диалекты.

Среда, 4 февраля

Святой Губерто Епископ

Нелегко вязать вновь узелки детства. Прошное приобретает другое измерение: дороги, кафе и голубенький буфет на кухне сделались маленькими. Когда спешу в память, мне кажется, что не хватает воздуха для дыхания. Надо бы разгрести пыль и выйти наружу. Спутниковое телевидение, может быть, подтолкнет продюсеров к желанию делать более умные фильмы. Они перестанут думать исключительно о мире 14-летних, как это было в последние десять лет. Опять появятся 40-летние. Помню, как Феллини однажды в вечерний час сидел в партере кино рядом с каким-то мальчишкой, который, смотря на экран, слушал музыку в наушниках и елозил ногами в роликах под стулом. Когда закончился фильм, он и поехал на них из зала.

Воскресенье, 8 февраля

Святой Джироламо

Сию в кресле и воображаю, что я в саду Киото и смотрю на камни, занявшие свое место на песке. Верю, что кино не угаснет целиком и полностью. Чувствую, однако, что заканчивается его великий момент. Телевидение ожидает свои большие таланты. Что касается итальянского кино — ситуация ужасающая: многие режиссеры умерли, а за теми, что остались, по пятам следует старость. Для молодых двери открыты, но они хотят сразу же въехать на грузовике и не могут. Стою у окна и воображаю, что я стою, окруженный дамами двора японской принцессы, которая смотрит на снежную пирамиду в саду. День за днем пирамида уменьшается в своем размере, и вода струится в глазах этих молодых женщин.

В Риме за письменным столом

В Париже

«должны держаться вместе...»

Среда, 8 апреля

День святого Диогена

Мне сказали, что на лугу у реки расцвела вишня возле Петракуты, в долине Лонджано. Я поехал смотреть на них. Я давно знаю, что огороды прекраснее садов. Случился Рози² в Сантарканджело, и мы перекинулись парой слов по «Перемирию» Примо Леви³. Рози говорил с ним по телефону и понял, что он счастлив, что мы думаем о сценарии по его книге.

Пятница, 10 апреля

День святого Теренция

Писатель Примо Леви покончил жизнь самоубийством. Он бросился вниз в лестничный проем туринского дома, где он жил.

Воскресенье, 12 апреля

Пальмовое воскресенье

Я видел дом, окруженный кустами граната, плоды на ветках еще висели. Их не собрали итальянцы в страхе перед чернойбыльской радиацией. Я сорвал один гранат и услышал, что он полон сухих зерен. И тогда поднес его к уху и долго тряс, стараясь мысленно подобрать аккомпанемент к румбе, которую часто пел мальчиком, когда ехал в школу в Савиньяно на велосипеде.

Бенедетто Кампана подарил мне веточку оливы. Сегодня Пальмовое воскресенье. (Ветер зашевелил гранаты с сухими плодами на ветках. Тогда-то и показалось, что это и есть единый оркестр.)

2 Франческо Рози (Francesco Rosi; 1922–2015) — итальянский сценарист и кинорежиссер. Один из представителей политического кино. Фильмы: «Руки над городом» (1963), «Дело Матей» (1972), «Сиятельные трупы» (1976), «Христос остановился в Эболи» (1979), «Три брата» (1981), «Кармен» (1983) и другие. «Когда-нибудь мы будем изучать историю Италии по фильмам Рози», — сказал о нем Тонино Гуэрра.

3 Примо Леви (Primo Levi; 1919, Турин — 1987, там же) — итальянский поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в семье пьемонтских евреев. Учился в классическом лицее (1934—1937). Поступил на химический факультет Туринского университета, но не закончил его и не получил диплома (фашистские власти в 1938 г. запретили евреям учиться в государственных школах и университетах). Вошел в антифашистскую организацию либерально-социалистического толка «Справедливость и свобода» (Giustizia e Libertà), действовал в составе партизанской группы «Partito d'Azione». В 1943 г. был арестован фашистской милицией, отправлен в предназначенный для евреев лагерь Фоссоли под Моденой. 11 февраля 1944 г. перевезен в Освенцим (Моновиц-Буна), где провел в общей сложности 11 месяцев. К концу года начал работать в лаборатории как химик. 27 января 1945 г. был освобожден Советской армией (из 650 итальянских евреев в Освенциме остались в живых лишь двадцать). Почти год добирался домой. Его первая книга о заключении в Аушвице «Человек ли это?» была сначала отвергнута крупной издательской фирмой «Эйнауди», опубликована в 1947 г. в небольшом издательстве тиражом 2000 экземпляров. Вторая автобиографическая книга Леви — «Перемирие». В ней рассказывается о непростом пути через шесть стран бывшего заключенного концлагеря домой, в родной Турин. По официальному заключению полиции, он покончил с собой (бросился вниз с лестницы), хотя версия о самоубийстве подвергается сомнениям, высказывались предположения о несчастном случае.

Пятница, 17 апреля

День святого Аригато

Феллини постоянно бегают в Чинечитту, даже по воскресеньям, зажигает и тушит свет в пустом павильоне. Антониони закрылся дома, взглядом и жестами обращенный к собственной памяти. Розы и братья Тавиани наполняют свои фильмы американскими голосами. Мы покидаем нашу профессию, вручая ее рукам, вынужденным продавать себя тысячами способов [...].

Понедельник, 20 апреля

День Ангела

Я посетил несколько старых церквей, мое внимание привлекли исповедальни. Маленькие перегородки с прямоугольной на уровне лица решеткой, как терки, туда, в проржавелые дыры, шепчут бедняги свои грехи. Однажды после обеда я просидел долгое время на табурете священника, чтобы выслушать подвешенные в воздухе слова исповеди. Рядом со мной алтарь, на котором несколько деревянных канделябров, окрашенных в голубое с золотой пылью.

Четверг, 23 апреля

День святого Георгия

В огороде Елисея пробилась зеленая листовка. Он сидел в плетеном кресле и смотрел на землю, чуть подернутую зеленой вуалью. Признался мне, что в кино был всего лишь раз на площади в Пеннабилли. История, в которой было много умирающих слонов, они уходили умирать всегда в одно и то же место, и охотники за слоновой костью шли на это белое кладбище из костей, уже обглоданных собаками и высушенных солнцем.

Пятница, 24 апреля

День святого Фиделия

Елисей говорил мне, что любит гром и грохот молний. Каждое лето, когда чувствует предгрозовую возмущенность, он взбирается пешком на вершину горы, которая круто поднимается над Мареккьей, закрывая собой свисающие, наполовину обнаженные корни елей. И тогда он может любоваться сразу тридцатью или сорока молниями, которые падают на дубовый лес и каштаны. Иногда до сорока. Бойтся, что не сумеет увидеть их больше, всё труднее добираться до гор, не хочет пропустить свое свидание с молниями.

Суббота, 24 апреля

Праздник Освобождения⁴

Жарко. Елисей заснул на своем веревочном стуле, который прислонил к изгороди со стороны реки. Не знаю, заметил ли он, что я улегся на его старой раскладушке военных времен. Железная кровля держала алюминиевые водосточные трубы, то же самое и в заброшенных домах рядом. Сейчас они полны пустого воздуха. С того самого дня, как я нашел Елисея, мне хотелось бы услышать шум воды в водосточных трубах. Но дождя все нет. Облака пролетают, но у них нет желания умыть землю.

Воскресенье, 3 мая

Оборачивается ко мне после часового молчания, чтобы сказать: «Мне восемьдесят три года, и не так уж много сил осталось. Жаль, что желание работать у меня всё то же, хочется, как всегда, переворачивать землю лопатой, рыться в ней руками и вытаскивать картофель. Не люблю лис, они воруют кур из курятника, и я часто сзади колочу по ржавым бочкам, чтобы отпугнуть кабанов, которые ночью ходят по холмам над Ранко. Они там ищут свои желуди под землей в полях Рока Пратиффи».

Среда, 10 июня

Святой Астеро, епископ

Решил не ехать на море. Увижу его с холмов Монтефельтро⁵. Мальчишка из Сан Лео однажды написал: «Море — это длинная полоска, синяя». И я наслаждаюсь, когда вижу море из средневековых узких окон крепости, откуда выглядывали и князя Малатеста (в XI–XIII веках — правители Монтефельтро. Берут начало как род у нас в саду Пеннабилли — там развалины их первых поселений. — Л.Г.). Хотелось бы написать что-нибудь о покинутых церквях (...) (Начало рождения «Книги о покинутых церквях. — Л.Г.).

⁴ День освобождения от фашизма и немецкой оккупации (La Liberazione).

⁵ Монтефельтро — область Апеннинских гор, родина Рафаэля, Пьеро дела Франческа, и место нахождения Пеннабилли и Сан Лео, где находится крепость, в которой умер в заточении граф Калиостро.

«должны держаться вместе...»

В Лиссабоне

Воскресенье, 5 июля

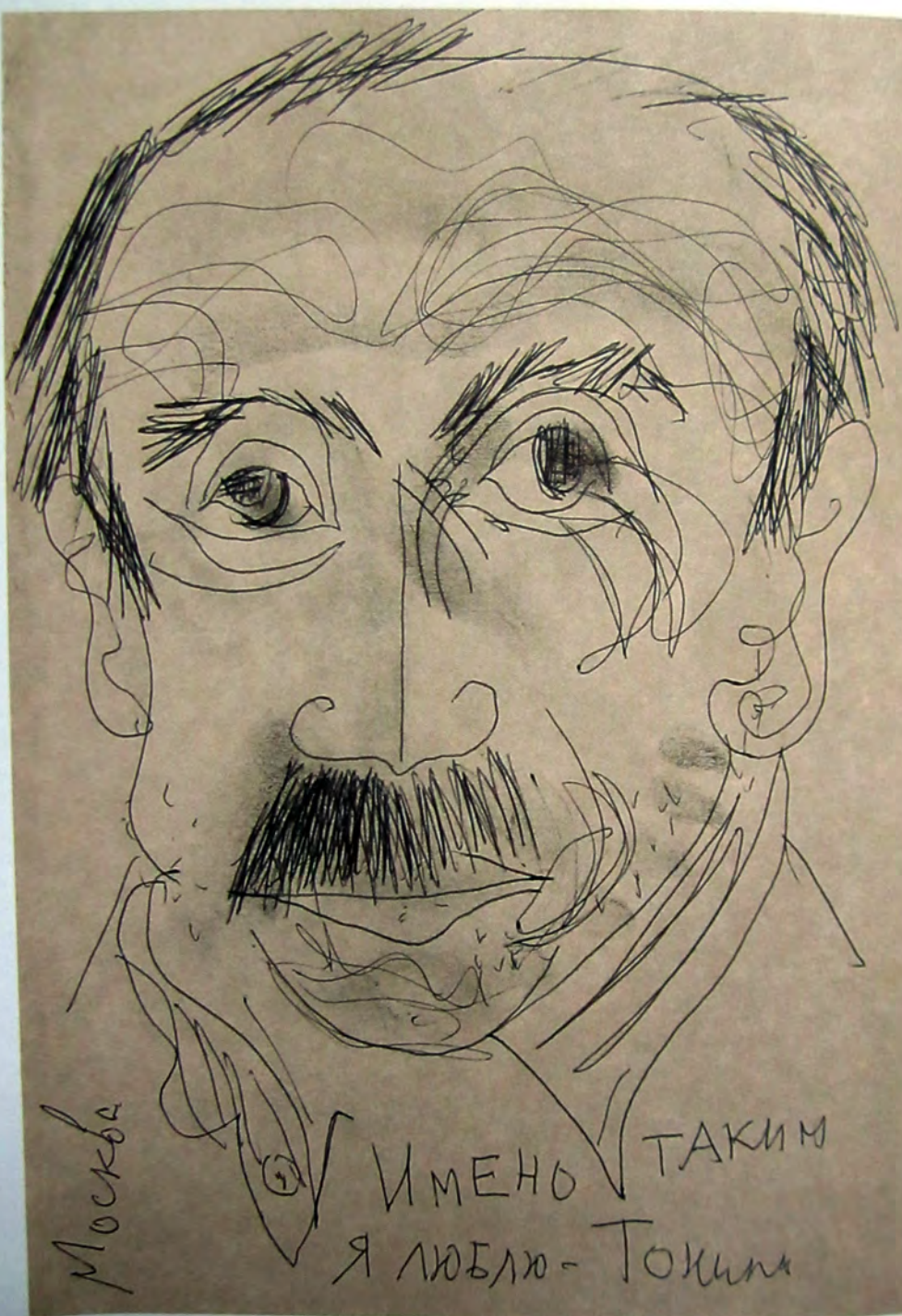
Святой Антоний, часовой Неаполя

Русский генерал, прорвавший фронт (генерал Молотков — один из командующих на Курской дуге и ставший впоследствии комендантом советской зоны в Вене — мой родственник по А. Яблочкину. — Л.Г.) именно в том месте, где стояли итальянцы, потом направил танки к Вене. Он был женат на родственнице моей жены. Эту женщину звали Мария. Она-то и поведала эту историю во время наступления. Атака была назначена ровно в полдень. Лежал еще снег, и было холодно (дело было на Украине). Прорыв был назначен там, где стояли итальянцы, как я говорил, итальянские солдаты, без немцев. К линии прорыва были подтянуты сотни танков — всего несколько километров отделяло их от линии фронта. Ночь была светла. В нескольких метрах от танка командующего проходила траншея, и неаполитанский часовой, который ничего не подозревал, был совершенно спокоен в своей траншее и в полной уверенности, что с ним ничего не случится, вылез из нее прогуляться в эту светлую ночь. Оставалось несколько минут до полуночи, и неаполитанец неожиданно в полный голос начал петь неаполитанскую мелодию («O Sole mio»). Мелодия в еще спокойном застывшем воздухе ночи долетела до ушей русских бойцов, готовых к атаке. Многие плакали, слушая песню. Генералу пришлось отложить начало наступления на целую минуту (что в ту пору было очень опасно), пока неаполитанец не закончил свою песню.

Воскресенье, 16 августа

Святой Рокко

Проливной дождь, и падают молнии. Елисей счастлив. Он просит подвести его на машине в Рокку Пратиффи, поскольку там гроза бушует вовсю. Еще раз признается, что любит молнии и весь этот грохот. Стрелки очищают стекло и позволяют увидеть с дороги пейзаж (горы). Когда дорога спускается к оврагу, он делает мне знак остановиться. Под нами холм Рокка Пратиффи с развалинами, которые царапают небо. Дубовый лес забирается на холм горы, что у них за спиной. Вода уносит за собой мокрую грязь на дорогу. С деревьев струится вода. Две, три разом... Елисей начинает петь оперную арию, которая начинается словами «Прощай! Прощай!»

Москва

ИМЕННО ТАКИМ
Я ЛЮБЛЮ - ТОКИО

Сергей Параджанов

Михаил Шварцман

Сергей Бархин. «Лев с седой бородой»

Сергей Бархин. «Лев с седой бородой»

Федерико Морони

«ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ...»

Микеланджело Антониони

Рустам Хамдамов

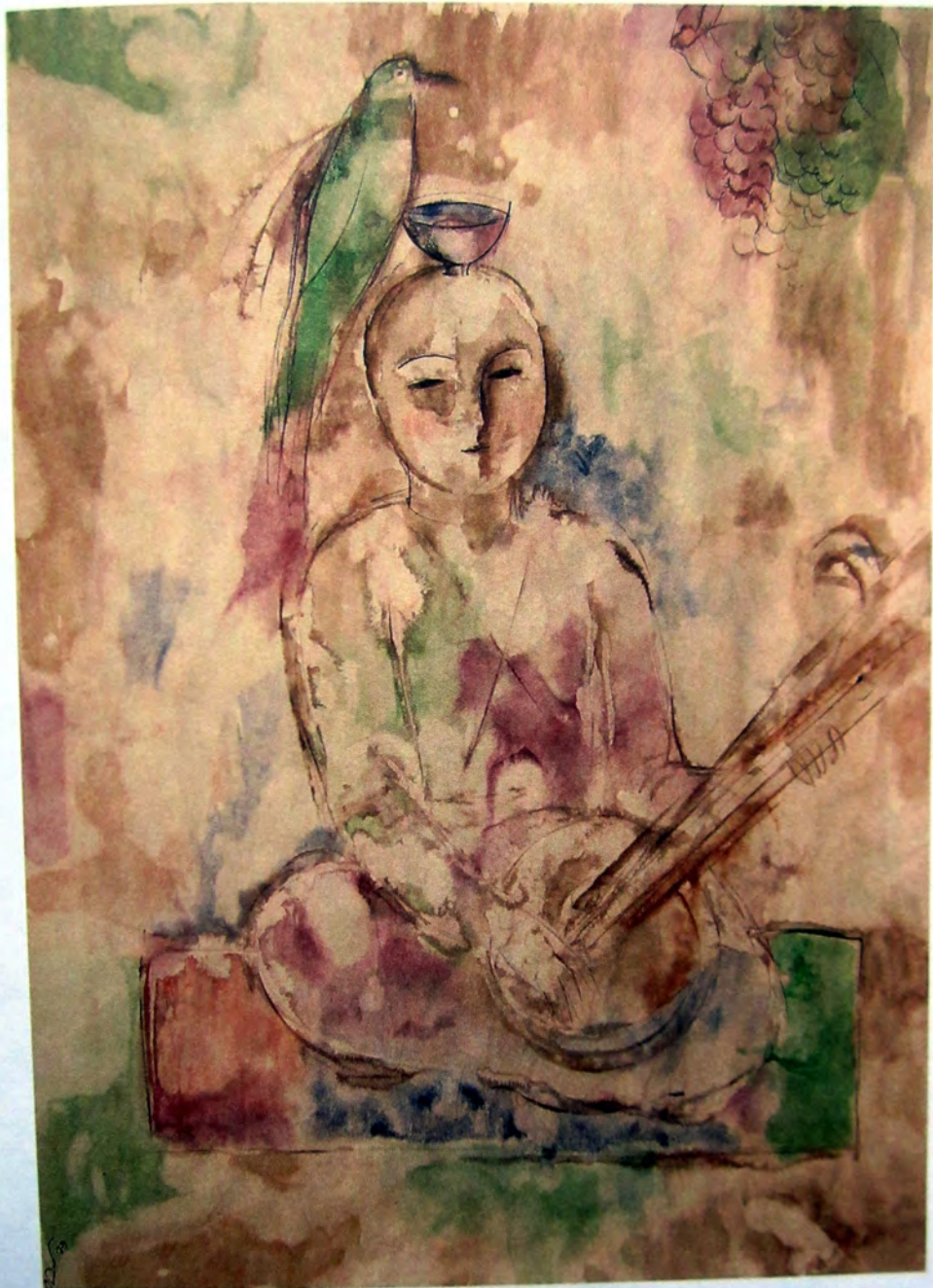

Рустам Хамдамов

«ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ...»

Рустам Хамдамов

Рустам Хамдамов

Михаил Шварцман

1/2 Визуализация Творчества Николая Попова

Сергей Параджанов

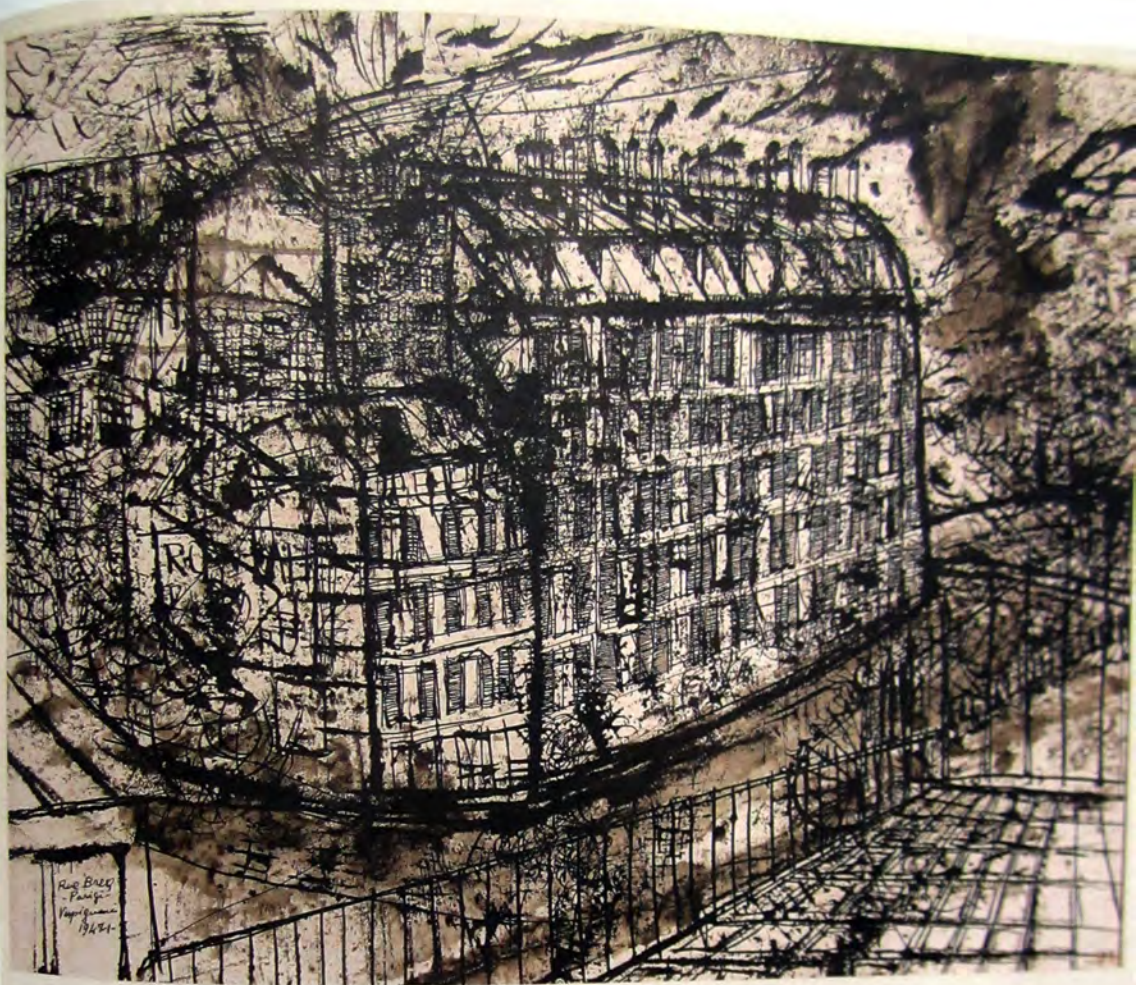
Wim Venderbosch, 1990

Wim Venderbosch, 1990

Вим Вендерс

Гаяне Хачатурян

Ренцо Веспьянки

меллчч

21. ах

1977

милый друг!

Сделай для меня, чтобы
привернуть Личу Кирт;
она нас любит, она
мечет и с тобой и с тобой
и с тобой.

Монико

лучше не забудь и не
забы!

Иду! Веди! Любим!

ПИСЬМА АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Таллин

21 авг.

1977

Милый Друг!

Сделай два жеста, чтобы приветить Лину Кипрт;
она нас любит, она живет истинными чувствами.

Тонино!

Пусть не порвется наша связь!

Жду! Верю! Люблю!

Таллин

19.IX.78

Дорогие Тонино и Лора!

Давно от вас не было никаких вестей. Надеюсь, потому только, что сейчас я в Таллине, и вам невозможно позвонить мне по телефону.

У нас более или менее благополучно. Кончаю съемки в экспедиции, затем с октября до начала декабря павильон на «Мосфильме». Лариса чувствует себя неважно, надо ее лечить серьезно. Мне получше, но, к сожалению, не могу долечиться. Не хватает лекарств.

Андрюшка ходит в школу и приносит двойки, как полагается. Как дела у вас? Как чувствует себя Тонино? Не плюнул ли он еще на «Путешествие по Италии»?

Получил ли он вступление, которое я написал для «Иностранной Литературы»?

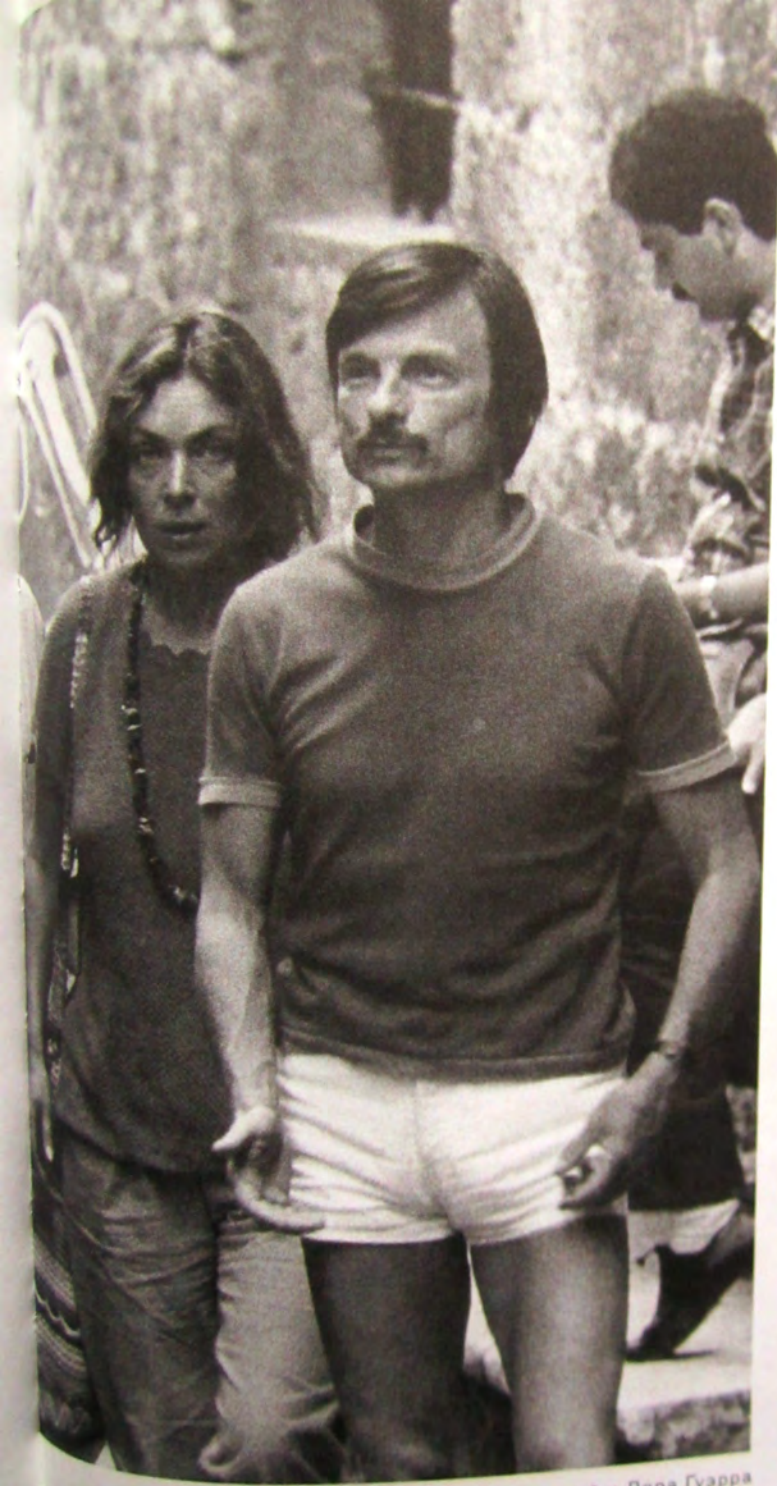
Я разговаривал с Женей Солоновичем, и он просил меня переделать его, что я и сделал. Он говорил, что некоторые данные о диалектах и кое о чем другом (о Пóрте, например) ты написала мне неточно (или неточно перевела со слов Тонино), и поэтому в редакции кое-что будут править.

Переводы Ахмадулиной очень неплохие, хоть и многословны — все же поэт.

Жду с нетерпением, когда стихи Тонино появятся в «Иностр Лит.». Очень соскучился по Тонино и страшно хочу его видеть.

В начале октября мы уже будем дома — позвоните обязательно! Обнимаем вас!

Приветы Микеланджело и Феллини.

Андрей Тарковский и Лора Гуэрра

284
285

Свадьба Тонино и Лоры.
Андрей Тарковский
и Микеланджело Антониони —
свидетели

«ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ...»

Дорогие мои Тонино и Лора!

Простите, что немного задержал вступление — дело в том, что замотался чудовищно с картиной (пришлось снова — в 4-й раз! — переснимать один объект! Когда это кончится, Господи!). Мы вас очень любим, помним и, конечно же, скоро увидимся. Ольга поступает в Университет, но опять проблемы — ей не дают справку о здоровье (у нее ведь порок сердца). Надеемся, что как-нибудь выйдем из положения со справкой.

Я надеюсь, что в середине сентября буду в Москве и начну павильоны, а в феврале кончу фильм. Помоги Бог.

Как ваши дела? Как югославский фильм? Что слышно с «Путешествием по Италии»? Я надеюсь очень, что весной мы с Тоней начнем в Риме сценарий. Пусть он нажмет на кого надо.

Целую Вас обоих крепко —

Ваши Андрей и Лариса.

P.S. Да, Лора, у меня лекарства кончились. Наверное, ты тоже не смогла достать. А здесь достать невозможно.

Простите, кончилась паста.

Еще раз обнимаю.

P.P.S. Лора, ты спрашиваешь, что в Москве мне ближе всего?

Я люблю бывать в местах, которые даже москвичи едва ли назовут Москвой. Это набережные Яузы. На них мало жилых домов — все больше заводишки, пристани для барж и буксиров. Через Яузу переброшены горбатые немосковские мостки, вода в реке грязная с радужными мазутными разводами. Высокие дымящие трубы. Закопченные пакгаузы, похожие на цеха непонятные сооружения.

Там чувствуешь себя в каком-то неизвестном городе, в городе, который не существует.

И старый Арбат, конечно, вокруг Чистых прудов, где по Булгакову Берлиозу отрезало голову. На рассвете летом он удивительно тих, безлюден. И кажется, что проходит не ночь, а столетия.

Хотя должен сказать — я не люблю больших городов. Они очень шумны, душны, и люди в них часто живут рядом по принуждению. Вот, Лора, если тебе этого достаточно.

Посылаю копию вступления к стихам Тонино.

Москва

11.XII.76

Дорогой Тонино!

Это письмо я пишу с определенным намерением: мне хотелось бы, чтобы Анджело Дж. прочел его тоже.

Оно касается 35-ти негативов, которые я передал тебе для издания сценария «Зеркало» через посредство Анджело.

Я просил напомнить ему Лоре о том, чтобы негативы эти были переданы тебе для издания книги.

Прошу тебя объяснить Анджело,

- 1) что я прошу немедленного возвращения тебе этих 35-ти негативов;
- 2) что он не имеет никакого — ни морального, ни юридического права быть владельцем этих негативов, так как не могу быть их владельцем даже я — ибо они принадлежат по праву и авторству — фотографу В. Мурашко, работавшему на моей картине;
- 3) в случае появления снимков в периодических или любых других изданиях я имею полное право возбудить судебное дело против тех, кто опубликовал эти фото — т.е. Анджело Дженти. Внуши Анджело это и попытайся сделать это пока по-дружески, не прибегая ради меня к крутым мерам. Я думаю, он поступит разумно. Ибо в другом случае ему придется иметь неприятные минуты.

P.S. Если надо тебе, Тонино, покажи это письмо своему адвокату. Может быть, это поможет делу в виде моего свидетельства.

Из письма редактору

Дорогая Алла,

посылаю письма разного периода Ф. Феллини, адресованные Тонино. Мне казалось, это будет правильно — опубликовать их в юбилейном издании, ведь Ф. Феллини 20 января исполнилось бы 95 лет, как и Тонино. В них много любви, восхищения и самой искренней дружбы. Какая привилегия выпала мне в жизни — видеть их вдвоем, работающих часто и у нас на piazzale Клодио, или обедать с ними, или подслушивать их утренние беседы по телефону (каждое утро в 6–7 часов), лежа с Тонино рядом в постели.

Однажды я сказала: «Тонино, но ведь это ты написал сценарий "Амаркорда" полностью. Федерико ничего или почти не менял».

«Запомни, — ответил Тонино, — автор фильма всегда режиссер. Если бы Федерико не сделал море из пластики, а "Рех"[®] не был бы просто нарисован на стене павильона — это была бы просто милая невнятная история нашего детства. Он сумел поднять ее до эпического рассказа». Хотя В. Шкловский, которого Тонино спросил, кто для него главный в кино — сценарист или режиссер, ответил незамедлительно — «конечно, сценарист». Тонино стал было спорить, а В. Шкловский спросил: «Тонино, а если бы сценаристом был Данте?»

Письмо, где Феллини рассказывает о съемках «Vittelloni» — «Маменькины сынки» и просит присылать для него как можно больше материала, дает представление о том, что их совместная работа началась гораздо раньше появления Тонино в титрах «Амаркорда» — она была всегда. Ведь они родились в 10 километрах друг от друга и в один и тот же год.

P.S. Феллини называл меня «сибирский котик».

Обнимаю, Лора Гуэрра
08.02.2015

Тонино, дорогой мой!

Прежде всего, позволь мне обнять тебя, чтобы ты смог почувствовать трепетную искренность моего порыва, чтобы ты мог посмотреть мне прямо в глаза, — твои стихи прекрасны! Они заставили меня плакать, смеяться, грустить, приводили в экстаз, восхищали, гладили меня, беспокоили и волновали...

Всё, дорогой друг, и на самом деле мне хотелось бы быть настоящим авторитетом в области искусства, недоступным и непререкаемым, чтобы мое мнение приобрело бы вес и силу света. Но, может быть, все это ни к чему, и тебе милы более эти растрёпанные, неточные слова, хвалы и восхищения твоим миром, потому что ты знаешь, что они принадлежат простому характеру, как и твой, способному, как ребенок, восхищаться сказочной игрушкой. Тонино, что бы ни случилось, мы с тобой друзья, близкие-близкие — это самое главное.

Если это тебе будет приятно, добавлю, что Флаяно⁷, который был у меня дома в тот момент, когда от тебя пришел конверт, тотчас же со свойственным ему любопытством начал листать книги, которые вызвали в нем тот же трепетный и искренний восторг. Он прочел стихи по-итальянски и клянется, что они прекраснее на итальянском, чем на диалекте, и ты не диалектный поэт, твой мир универсален, полный неподдельной боли... Говорит, что твоя поэзия — настоящая, подлинная, и ты не должен писать более на диалекте. Мы долго спорили, не стану даже передавать тебе, к чему мы пришли, поскольку каждый остался при своем мнении. Но вы сможете поговорить об этом в Риме или в Римини.

Хорошо, Тонино, а теперь послушай немного о том, что касается фильма: прежде всего, какого дьявола ты начинаешь чувствовать мое отдаление?

Я должен был перебраться в Пизу, по соображениям, от меня не зависящим, и, откровенно говоря, с точки зрения пластичности это не меняет дела; я был бы просто напризным мальчишкой (синьорино), если бы настаивал на Фано любой ценой. Конечно, Фано было бы лучше, делать все в Фано или Римини по мотивам, которые и ты хорошо понимаешь: это мои земли, люди, которых я знаю, и потом, сразу же возник бы климат необходимого мне отрыва от всего остального, от моего прежнего опыта, я бы чувствовал себя свободнее в моих воспоминаниях юности, что пошло бы только на пользу фильму.

7 Эннио Флаяно — замечательный итальянский писатель, автор сценария «8 с половиной».

Я бы чувствовал себя свободнее, отрешившись от уже приобретенного опыта, погрузившись в воспоминания юности. Но ничего не поделаешь. У кино свои требования, и часто, когда ком-промисс не такой ужасающий, необходимо проглотить. И я так и сделал. Понимаешь? Работаю над сценарием в полную силу, поскольку времени мало.

Эпизоды (вещи), которые ты мне прислал, — все превосходно, но думаю, однако, что ты мне должен прислать и другие вещи, всё, что хочешь, фразы, ситуации, образы... (Прекрасна сцена с монахами на пляже. Вот такие сцены прежде всего!) Ты набрасывай все, что тебе придет в голову, и присылай. А я поговорю с продюсером и попытаюсь сделать так, чтобы и у тебя было немного желтой... (денег). Хорошо?

Тонино, дорогой, в ожидании встречи пиши мне чаще. Обнимаю тебя, дорогой Тонино, поэт, с нежностью, уважением и дружбой, которые испытываю к тебе.

Твой Федерико

«Il Mondo»⁸ скоро опубликует рецензию, и Сузи⁹ тоже.

Письмо написано во время работы над «Амаркордом»

Четверг, вечер

Тонино, дорогой!

Прочел «Рех» и «Школа», но должен был прерваться; продолжу в путешествии. Меня захватило то, что я прочел, все превосходно (отлично). Браво, мой Тонино!

Директор школы Зеус, который не понимает ни хрена о куполе Гранд-отеля и показывал, совершенно растерянный, на горизонт — я смеялся до слез.

В самолете прочитаю остальное. Дорогой Тонино, я тебя люблю, обнимаю, браво и еще раз очень радуюсь по поводу (большой праздник) премии твоим стихам. До скорого.

Федерико

8 «Il Mondo» — газета.

9 Чеки д'Амико — литературный критик.

Тонино, дорогой мой!

Мое путешествие и мой выбор мест для фильма происходили совсем по-другому, чем я предполагал, в таком невероятно головокружительном ритме, что у меня не было времени остановиться и найти тебя.

Мне было очень жаль, что я не смог встретиться с тобой. Я проехал Сантарканджело в четыре ночи, в воскресенье утром отправился во Флоренцию, потому что меня ждал там мой продюсер. Тем не менее дела обстоят так: фильм буду снимать частично в Пизе, частично в Виареджо (конечно, ни в одном, ни в другом городе не буду снимать узнаваемые места, с тем чтобы вышла неизвестная, но типичная итальянская провинция), буду опять в Римини через 15 дней.

Ты что-нибудь придумал? Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты прислал в Рим твои заметки, которые, надеюсь, ты записал. Пошли мне все, что у тебя в голове, а я сделаю так, чтобы тебе досталось немного денежек в самом скором времени. Извини, что я говорю об этом напрямую, но между нами, романьолями, не стоит затевать лишние истории.

Итак, согласен? С нетерпением жду известий от тебя.

Обнимаю, Федерико.

Federico Fellini, via Luteria n. 11. Roma

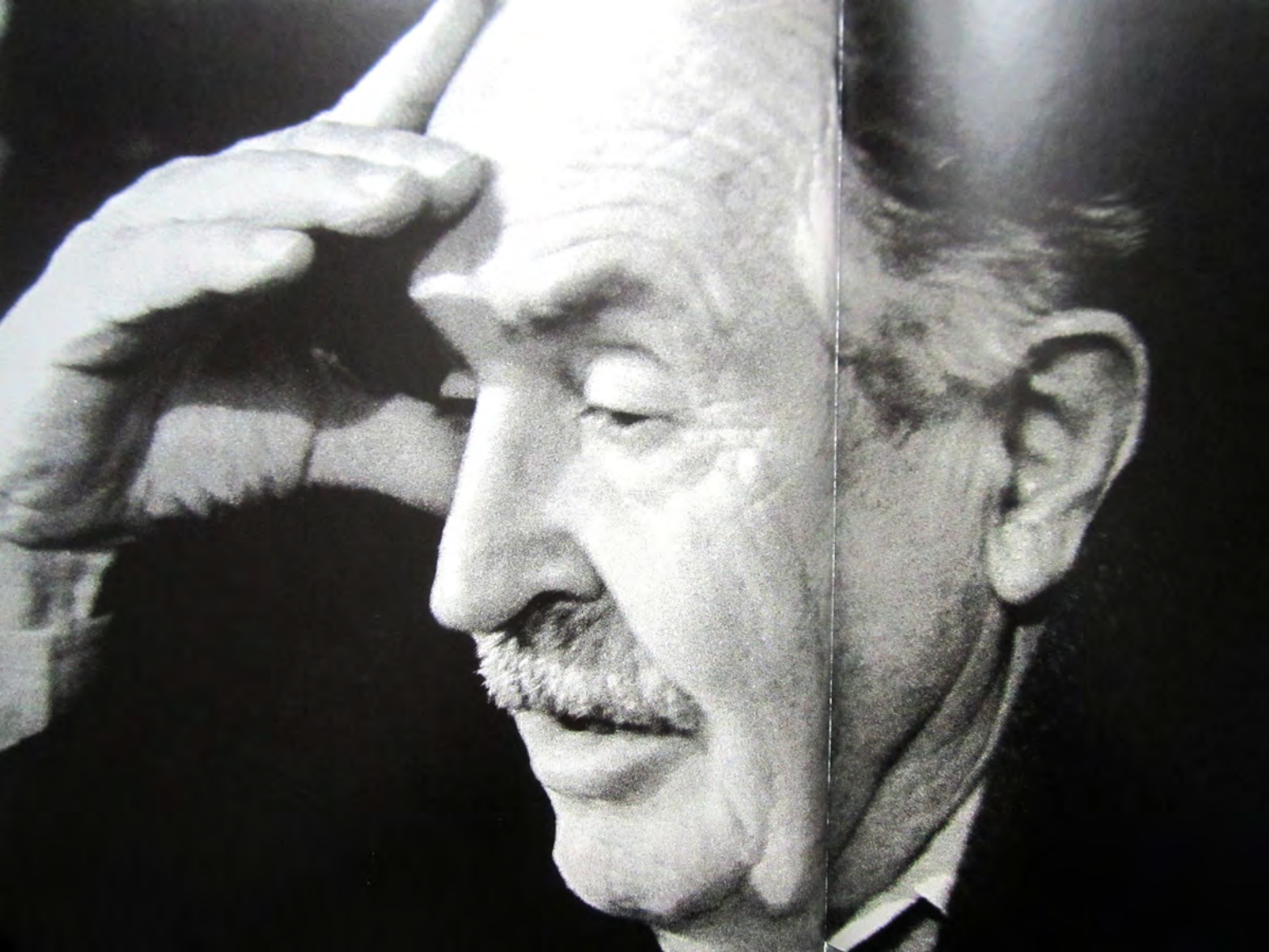

Тонино в Риме — идет снег

ПРИЛОЖЕНИЕ

—

ПРАВИЛА ЖИЗНИ ТОНИНО ГУЭРРЫ

Я очень нудный и очень странный. Я надеюсь прожить еще сто лет. У меня было прекрасное детство. Именно тогда я впервые наслаждался шумом дождя по листьям, знакомился со снегом — открывал рот и ловил его, впервые попробовал мороженое. Я как лизнул — и сразу же отстранился. Это было так вкусно, что я испугался! Самая большая встреча у меня произошла в детстве с морем. Отец посадил всю семью в телегу, запряженную лошадью, и повез к морю. Это было событие. Море не помещалось в глазах! Все, что я ем сейчас, даже самые изысканные блюда, — не так вкусно, как то, что я ел в детстве. И я никогда больше не ел таких инвольтини, какие готовила моя мама.

Путь старого человека — это путь не к смерти, а к детству. В детстве мы бессмертны.

Я на ваших глазах отрубил бы себе руку, если бы у меня появилась вера в Бога. Я видел то утешение, которое получают верующие люди, но эти большие слова — «судьба», «вера» — пока в тени для меня. Я прилагаю все силы, чтобы не бояться смерти. Однажды мы с Федерико Феллини сидели в машине, и я все говорил ему о своей боязни смерти. А он подумал и сказал: «Знаешь, Тонино, может быть, это будет большое путешествие?» Я всегда отношусь к властям с недоверием. К любым. Потому что любая власть, есть солнце или нет, на культуру смотрит всегда в черных очках, у нее другие заботы.

Я придумал для себя название; когда меня спрашивают, почему я не вступаю ни в какую партию, я отвечаю, что я — дзен-коммунист. В страшные моменты истории и жизни часто рождались лучшие творения. Последние великие русские поэты появились под режимом, вопреки ему, будучи в тисках. Мандельштам, Ахматова и другие. И в кино тоже. Большое русское кино появилось в борьбе с этим всеобъемлющим давлением. Это странный парадокс. Когда я был в концлагере, там было очень страшно, но именно там, несмотря на ужас и смерть, я впервые начал писать стихи.

Кино в кризисе. Раньше ходили в кино, потому что, помимо самого кино, это был ритуал: сидели все вместе в темноте. Молодой человек дотрагивался до колена барышни... А сейчас это отходит, мне кажется. Мы затопили свою голову образами. Они везде. Что касается отношений, то женщина и мужчина — они же пры-

27
27
гают все время. Везде позволен развод, и люди быстро женятся и быстро разводятся. В семье, получается, нет надобности. Я все думаю о том, что человеку обещано сейчас, что он будет жить больше ста лет. Ни одна семья не может выдержать такого! Поэтому мне кажется, если пофантазировать, будет очень приятно слышать о человеке, который умер, что у него было пять жен, а у женщины шесть мужей и так далее. То есть в долгой жизни, может быть, семьи будут меняться, и, может быть, изменятся отношения между мужчиной и женщиной. Будут найдены какие-то иные способы существования. Все станут родственниками. Сила не в мускулах мужчины, а в слабости женщины. Мужчина не знает, как выбраться из шторма. И никогда не знал. У меня есть два лучших друга. В Пеннабилли есть Джанни, который сделался глухим. Он абсолютный Дон Кихот, очень умный и полный нежных услуг, он ко всем очень внимателен. Он настаивает, чтобы я гулял каждое утро. Была традиция в праздник святого Джованни украшать двери всех женщин Пеннабилли цветами. Сейчас эту традицию соблюдает только Джанни. Он всю ночь колесит по горам и окрестностям, собирая ветви цветущих деревьев, и на следующее утро двери домов всех женщин городка украшены. А есть другой друг — Роберто Роверси. Он интеллигент. Живет в Болонье, я ему звоню каждый вечер. Он великий поэт, как Хлебников в России — поэт для поэтов. Он очень беден, но всегда спокоен. Я его спрашиваю: «как дела?» — «превосходно!» — «что ты ел?» — «исключительно вкусно». И все это неправда. Он пишет предисловия ко всем моим книгам в Италии. Не было дня, чтобы мы не созванивались. Дом в Пеннабилли как-то расположился вокруг меня. В нем очень много окон, которые глядят на долину и на горы вдаль. Когда человек стар, его основное путешествие — смотреть в окно на то, что его окружает. Что касается славы, то я делаю вид, что она мне не нравится. Мне приходилось обманывать. Например, придумать историю о съемках фильма о путешествии по Италии, чтобы Тарковского выпустили к нам. И я мог обмануть моего друга Марчелло Мастоияни. Он умирал, а я ему говорил: как ты хорошо выглядишь, намного лучше, ты непременно поправишься. Он так страдал, это было до слез больно видеть, но я врал ему. А он перевалился на меня взгляд и говорил: «Баста, Тонино». Сейчас мне нравится, чтобы дома не было картин. Мне нравится плыв. Мне нравятся женщины.

Я люблю птичьи клетки. Первым подарком, который я сделал своей будущей жене 35 лет назад, была клетка, купленная на птичьем рынке, очень маленькая. Время от времени писал кое-что, комкал листочки и бросал туда. Жена не знала итальянского, когда я уезжал, то сказал: открывай и учи по ним язык. Например, там была такая фраза: «Сегодня я хочу говорить тебе круглые слова». Но птиц я никогда не сажал в клетки. Я не люблю водить машину, для меня машины не существуют. Мне не нравится, как выглядит телевидение. Мне не нравится реклама. Я бы, конечно, хотел прожить жизнь еще раз. И в другой жизни я бы непременно хотел быть пианистом. Я не заметил, как стал пожилым. Мне хочется изведывать новые тропы.

Записала Елена Гусева

ЛОРА ГУЭРРА: «МОЯ ЖИЗНЬ С ТОНИНО — ЭТО СКАЗКА»

Это сказала мне семь лет назад женщина с удивительно яркими, молодыми глазами и добавила: «Потому что я живу со сказочником». Было совершенно непонятно, сколько ей лет, к тому же она была очень красива. Наверное, такой молодой и красивой может быть только очень счастливая женщина.

Счастлива ли Лора? Никогда на этот вопрос не получишь честного ответа, потому что длинная жизнь не может состоять из одних только счастливых или несчастных дней. Но ее жизнь была (и продолжает быть) наполнена смыслом — обожать своего МАЭСТРО. Быть рядом. Разговаривать. Вместе слушать шум дождя. Все это вместе, может быть, гораздо важнее престижной работы, успешной карьеры и даже радости иметь ребенка. Чего-то в ее жизни не случилось, но она смогла из того, что было дано, создать свою жизнь и посвятить ее великому человеку.

Тонино не стало через пять лет после этого разговора — в 2012 году. Он был поэтом, художником, величайшей личностью ушедшего века. По сценариям Тонино Гуэрры снимали свои фильмы Феллини, Антониони, Тарковский. Вместе Тонино и Лора прожили почти сорок лет. В том, семилетней давности интервью была глава, где шла речь о начале их романа, первых встречах, неуловимых еще шагах навстречу друг другу, зарождающейся близости. И я написала от имени Лоры: «Это было самое лучшее и самое нежное время в моей жизни». Она мне ответила из Италии: «Ты сделала хорошее интервью, но там есть одна ошибка. Самое лучшее и самое нежное время в нашей жизни с Тонино — сейчас». Тонино было тогда восемьдесят семь лет. В девяносто два его не стало. И вот мы снова говорим с Лорой.

— Ты помнишь мое исправление? — спрашивает Лора.

— Еще бы! Оно меня поразило.

— Так вот. Я тоже ошиблась. Самые сильные, самые интенсивные связи, которые когда либо были между мной и Тонино, — сейчас. Именно теперь, когда его нет со мной рядом, в этом мире. У нас такая сильная связь, что она неразрывна. Она не уйдет, даже когда меня не станет, потому что мы говорим сейчас на его новом языке. Не буду подводить научную основу, но мы же все знаем, что ничто не исчезает — одно превращается в другое. Замечательный вопрос Шекспира: «Нуда уходит белизна снега, когда снег тает?» И прекрасный ответ: «В красоту». Он болел. И у него все болело. Я кричала, даже больше причитала, склоняясь над ним: «Тониночка, Тониночка, я тебя люблю и любила всю жизнь». Знаете, что

он мне ответил — шепотом, потому что уже не мог громко говорить: «А я и теперь тебя люблю» («Ti amo anciadesse»). Что может быть лучшим подарком для женщины, которая любит своего мужа? Я говорила ему: «Тониночка, я буду любить тебя до самой смерти», — держа его руки, которые уже были в капельницах. Он на меня лукаво посмотрел и сказал: «Е dopo» («И потом»). Вот это «потом» началось сейчас. Вот уже два года я проживаю это «потом».

Когда я увидела Лору впервые после смерти Тонино, мне показалось, что я ее не узнаю — мне было не горько, мне было просто страшно на нее смотреть. Я испугалась, что мы ее потеряем тоже. Нет. Она нашла в себе силы жить дальше. В том числе и потому, что самые главные — стержневые — черты характера были заложены еще в детстве.

— Я была Лорой Крейндлиной, толстушкой с кудрями и большими голубыми глазами. У меня было прозвище — Ангел. Я своей труднопроизносимой фамилии стеснялась. Как и своей «скрытой» национальности, хотя никогда меня еврейкой не дразнили. Дело в том, что я была похожа на маму — русскую дворянку. Мама была необыкновенно красивая, Эльвирочка, которую знала вся Москва. Папа окончил высшую дипломатическую школу в Петербурге и медицинский институт. Сейчас бы его должность звучала как замминистра торговли. Он был очень умный и «делал деньги», когда ему было 22 года, во время НЭПа, подъезжал к бирже, и все говорили: «Приехал Генрих — пять голов». Он был высокий, очень элегантный. У нас была состоятельная семья, однако «время от времени», потому что папу несколько раз сажали. Первые мои воспоминания — послевоенные. Я увидела Москву после эвакуации в Тбилиси из окон «эмки». Меня сажали на заднее сиденье вместе с няней, и я помню, что в карманах чехлов передних сидений машины лежала клюква в сахарной пудре. Еще я любила смотреть, как падает снег. Родители часто уходили в театр или кино и меня, маленькую, укладывали между двух старинных александровских кресел, а я оттуда вылезала и шла к телевизору. В ту пору телевизоров почти ни у кого не было, а только что возникший телецентр по вечерам транслировал спектакли Малого театра. Еще я помню походы с мамой в Сандуновские бани, обычно зимой. Это было восхитительно: там меня мыли и парили особые женщины-банщицы. Помню диванчики-либерти с зеркалами на спинках, лососину первой свежести. Маме делали маникюр и прическу.

Иногда папа брал меня с собой в «Метрополь», где подавали жареный миндаль с солью, обернутый в белоснежную салфетку. Но самое интересное происходило в доме.

Мои родители водили дружбу со многими удивительными людьми. Очень хорошо помню Юрия Левитана и старшего Эмиля Кио. Я жила в литературном мире, влюблялась в литературных героев. В детстве прочитала всего Бальзака, Драйзера, Джека Лондона — то есть все литературное приложение к «Огоньку».

Наш двор в Хоромном тупике, неподалеку от площади Красные ворота, был очень веселый. Мы играли в «казаков-разбойников» и все друг в друга влюблялись. Я назначала свидания сразу нескольким мальчишкам, а потом смотрела из окна, как они собирались. Многих детей летом отправляли на дачи, у нас тоже была дача в Кратово, где мы подружились навек с Эдиком Радзинским. Ему было 11, а мне 9 лет, и он был моим первым учителем. Он мне принес запрещенного Ивана Бунина и наизусть декламировал «Незнакомку» Блока. Он мечтал стать футболистом, даже ходил врасначку. Мы с Эдиком были по-детски влюблены друг в друга, гуляли по лесу и строили всякие планы на будущее. Потом в Москве он приезжал к нам в гости. В детстве в меня почему-то влюблялись хулиганы, и Эдик меня от них защищал. Тогда было модно скреплять дружбу кровью: резали руки и прикладывали одну руку к другой. С Эдиком мы тоже поклялись в вечной дружбе, но клятву кровью почему-то не скрепили. Мы в самом деле дружим всю жизнь.

В детстве все девочки мечтали стать актрисами, и я тоже, пересмотрела все спектакли Малого театра. А проучилась в театральном всего полгода. Педагоги говорили, что театр — абсолютно не мое дело, что я вся такая мягкая, полная, неповоротливая и смогу играть только Коробочек. Я не выдержала насмешек и из театрального ушла, хотя горько потом плакала. Стала поступать в разные институты, например в Институт иностранных языков. Профессор Добровольская принимала у меня вступительный экзамен. Она сказала, чтобы я возвращалась туда, откуда пришла, — в театральный. Через много лет мы с ней подружились, уже в Италии, куда она эмигрировала. А тогда, после провала в институте иностранных языков, я еще перепробовала несколько учебных заведений, пока не оказалась наконец на филологическом факультете университета, который благополучно и закончила.

Училась я вдохновенно-лениво, а затем точно так же работала в школе — преподавала немецкий язык и литературу. Тогда меня в первый и последний раз в жизни называли Элеонорой Генриховной.

Вскоре я вышла замуж за художника, но брак наш просуществовал всего три месяца. У меня, кстати, все влюбленности заканчивались свадьбами. Второй раз я влюбилась в Сашу Яблочкина.

Лора — очень живой и деятельный человек. Она родилась такой, а жизнь лишь отточила эти качества. Ее душа все время находится в движении — как првило, навстречу людям, нуждающимся в ее обществе или помощи. Когда Тонино не стало, ее жизнь не остановилась еще и потому, что Лора наполнила ее очень интересными и важными вещами. Например, она организовывала выставки работ Тонино Гуэрры, в частности весной 2013 года — в музее Анны Ахматовой в Санкт-Петербурге.

После смерти Тонино по всей итальянской провинции прокатилась волна вечеров, посвященных Мастеру. На них было много молодых людей. Лора вспоминает девочку из Санкт-Петербурга:

— Она приехала налегке, с цветочками в руках, по-моему, больше ничего и не было. Был ветер, я вся растрепанная — могу испугать кого угодно. Девочка положила цветочки около скалы, где хранится прах Тонино. Потом подошла ко мне и сказала: «Лора, простите, Тонино мне сказал в Петербурге, чтобы я была счастливой. Я сейчас счастлива, и я приехала сообщить ему об этом». У меня навернулись слезы на глаза.

Сашу Яблочкина в молодости театральный деятель Соломон Михоэлс позвал к себе директором юношеского театра, а когда в 1948 году Михоэлса убили и театр разогнали, Сашу сослали в Воркуту, где он отсидел пять лет. Когда мы с ним познакомились, он был директором фильмов на «Мосфильме».

Когда мы решили жить с Сашей, то я переехала к нему в район «Аэропорта», где в ту пору жила вся писательская и киношная интеллигенция. У нас часто собирались Марлен Хуциев, Юрий Визбор, приходили Борис Мессерер, Микаэла Дроздовская, Лева Збарский, художник Дмитрий Полонский и Наталья Полонская. Дружили с гениальной Ахмадулиной, Аксеновым, Иоселиани, продолжилась дружба с Наумовым и Аловым. Была молодость, борьба, всем было трудно. Тогда не давали работать Тарковскому, Параджанову, Хуциеву, Данелии.

Яблочкин делал необыкновенные котлеты, их так и называли — «яблочкинские». Мы танцевали в нашей маленькой квартире или ходили в Дом кино.

Потом мы с Яблочкиным переехали на Мосфильмовскую. В те времена там жили Тарковский, Чухрай, Норштейн, Хржановский. Я продолжала работать уже на «Мосфильме» — редактором-администратором в экспериментальном объединении Григория Наумовича Чухрая. Там, помимо двух кабинетов Чухрая и Мурсы, у меня был большой приемный зал, где собирались сценаристы, операторы, режиссеры. Зал превратился во что-то вроде салона, куда приходили все. Именно там я познакомилась с Тарковским. Он пришел к нам с проектом «Зеркало». Был подтянут, замкнут, напряжен, и я помню, что у него все время топорщились усы. Он смотрел на всех, но как бы никого не видел, настолько был погружен в себя. Потом, уже в Италии, был совсем другим человеком — веселым и открытым. А тогда, на «Мосфильме», он был весь в себе. Предложил Саше стать у него директором на «Сталкере», а Саша отказался, потому что у него был инфаркт. А Андрей, по-моему, обиделся, и у меня сердце разрывалось — я хотела бежать за ним и объяснять, что Саша, правда, очень болен.

Я подружилась с Сергеем Параджановым. Мы с ним увиделись впервые на «Мосфильме», у Чухрая. Сергей принес сценарий «Демона». А вскоре мы совершенно случайно встретились на Рижском взморье. Я им восхищалась, обожала его, боготворила. Мы гуляли долгими светлыми вечерами до полной усталости. Мне посчастливилось услышать от него и его «Гамлета», и «Ару Прекрасного». В один из вечеров, когда мы ходили до изнеможения, я вдруг увидела скамейку, она была мокрая от вечерней росы, и хотела положить пальто на нее, чтобы мы могли сесть. А пальто было очень красивое, из зеленого бархата. Я сняла его и направилась к скамейке. А Сергей как закричит: «Нет, ни в коем случае!» Он и представить себе не мог, что бархатом можно укрыть мокрую скамейку. Параджанов был свободен, жил не в Советском Союзе, а в своем волшебном мире. Уже потом, когда они познакомились с Тонино, он водил его прощаться с булыжной мостовой в Тбилиси: улицу должны были заасфальтировать. Сергей трогал старые камни руками, плакал над ними.

Однажды Саша пошел на студию, а через какое-то время мне позвонили: он потерял сознание на проходной. Я прибежала, попыталась сделать ему искусственное дыхание. Все было бесполезно. Саша умер, не приходя в сознание.

Много лет я не могла ходить через эту проходную. То было второе серьезное горе в моей жизни после смерти отца. Я каждый день писала Саше письма, рассказывала, как провела день,

и ходила на кладбище. И вот однажды на кладбище меня встретил кантор, которого я приглашала петь молитвы над могилой. Он говорит: «Вот вы ходите одна, давайте я вас познакомлю с одним вдовцом, он тоже приходит к своей жене». Я возмущилась, стала плакать, а он очень удивился и объяснил, что по еврейским законам жена через три месяца не должна плакать о муже, а должна выйти замуж.

В этот день утром, надевая юбку, я стала отряхивать ее влажной ладонью, и вдруг Сашино обручальное кольцо — оно было на моей руке вместе с моим обручальным кольцом — падает в дырку в ванной и пропадает. Мы с мамой вызвали водопроводчика, все вскрыли, но так кольцо и не нашли. И тогда мама сказала: оставьте его, он вам не дастся больше, он ушел навсегда. И я поняла, что надо жить дальше.

Два года назад Лора снова пережила страшные и трагические моменты. Она сама настояла на том, чтобы быть с Тонино до конца. Вниз в крематорий никого не пускают, но ее пустили. Потом под цветущим миндалем Лора пересыпала прах своего мужа серебряной ложкой в вазу с названием «Для одного цветка только», которую сделал Тонино своими руками. Потом опустила ее в нишу в скале. Джанни, ее друг, местный Дон Кихот, никому не дал прорубать в скале эту нишу, он сам пробивал ее отбойным молотком, и она оказалась мраморной. Он сказал: «Лора, поскольку я уже делаю, давай я для тебя тоже рядом сделаю нишу?» Она ответила: «Джанни, эта скала Тонино, я — только у ног». Горе и смех. Как будто бы всем руководил Тонино. И в тот момент Лора получила последний подарок от своего мужа. Когда она пересыпала прах, вдруг что-то помешало. Джанни, который держал над ней зонтик, сказал: «Посмотри, что мешает». Это было кольцо с пальца Тонино. Теперь Лора носит его на груди в бархатном мешочке.

— Шел 1975 год. Мои друзья на «Мосфильме» сказали мне, что в рамках фестиваля в Москву приехала делегация из Италии: Антониони со своим сценаристом и еще несколько его друзей. Они, мол, ужасно устали от жизни в гостинице и плохих ресторанов, и друзья решили пригласить их в традиционный, красивый русский дом.

Самый красивый дом в ту пору был у Коноваловых: Александр Николаевич в 36 лет уже был академиком, и в доме его родителей было множество книг, картин, стоял рояль. Я не хотела идти, но потом подумала: когда я еще увижу Антониони? И пошла. Мы долго думали, надо ли аплодировать итальянской делегации, но когда они вошли в квартиру и увидели накрытый, красочный от зелени и овощей стол, то зааплодировали сами. Антониони был простуженный и злой, все время сморкался. Его сопровождала

Энрика, тогда еще не жена, а просто подруга, ей было всего девятнадцать. Тонино, видя плохое настроение своего друга, все время вставал и рассказывал анекдоты. Переводчик переводил. Я обратила внимание на Тонино: он был очень живой, с оливковой кожей, худой и с черными, как смоль, волосами. Ему было 55 лет, он не был разведен, но не жил со своей семьей — по-итальянски это состояние называется «сепарасьоне»: семья сама по себе, он сам по себе. Тонино тогда был на самом пике своей известности. Он меня спросил: «Были ли вы в Италии?» В те времена я не только в Италии, а вообще нигде не была. Но я гордо ответила: «Представляете, вот именно в Италии-то я и не была!» На этом все и закончилось, они уехали, и, как мне Тонино потом рассказывал, он не очень хорошо меня запомнил, но у него осталось от меня общее ощущение нежности и деликатности.

Я живу, работаю дальше, и вдруг известие: приезжает Тонино. Его пригласил Сергей Бондарчук писать сценарий фильма о Москве. Мы встретились с Тонино у гостиницы «Советская». Началась прекрасная зима. Может быть, лучшая в моей жизни. Мороз 30 градусов. Тонино весь закутанный, лицо обмотано шарфом, все время что-то кричит по-итальянски, ругается. Меня знакомые спрашивают, что с ним. А я говорю: он не ругается, он поет арии, чтобы согреться, так поступают все итальянцы. Тонино очень любил цирк, и мы часто ходили на представления. Когда я ловила такси, то закрывала его в телефонной будке, чтобы он мог немножко согреться. Я его познакомила со всеми своими друзьями. Белла Ахмадулина тогда первая перевела его стихи на русский язык.

Наш роман начался с того, что мы с Тонино поехали на птичий рынок и купили пустую птичью клетку. Это был его первый подарок мне. Он складывал в клетку листы бумаги, где писал всякие итальянские фразы: например, «сегодня мне хочется говорить тебе круглые слова», или «когда я смотрю на тебя мельком, я смотрю на тебя по-настоящему», или «если у тебя есть гора снега, держи ее в тени». Он попросил, чтобы я по этим словам начала учить итальянский. Я и стала учить, а поскольку по образованию я филолог, то начала говорить очень быстро.

А потом Тонино переехал ко мне на Мосфильмовскую, и мы выбросили всю старую мебель, а Тонино с друзьями раскрасили купленные на Преображенском рынке за три рубля старые комоды. Дом было не узнать. И моя жизнь стала совсем другой. И меня даже совсем не огорчило, что на «Мосфильме» меня пони-

28
28
зили в должности и перевели в архив «за связь с иностранцем». В сущности, по советским понятиям я была женщиной легкого поведения, и если бы это был не Тонино, а какой-нибудь итальянский продавец туфель, то меня просто бы выгнали с работы. За нами все время следили, и когда Тонино, например, разговаривал с Тарковским, то закрывал телефон подушками, чтобы не подслушивали. Однажды на старый Новый год мы с Тонино шли к подъезду и увидели, что на улице, как обычно, дежурит «человек в штатском». Тонино подошел к нему и говорит: «Пойдем лучше с нами водки выпьем».

А потом Тонино уехал и снова приехал с Антониони летом. Они собирались ехать на выбор натуры для нового фильма в Среднюю Азию. И Тонино, конечно, захотел взять меня с собой. Но как? Ведь я ему никто. И тогда Антониони и Тонино пошли к Ермашу, председателю Госкино. Мне потом Тонино рассказывал очень смешно. Он вошел в кабинет со словами: «Филипп, у тебя еще стоит?» Тот застыл на месте и рот раскрыл. А Тонино, не дав ему опомниться, продолжил: «А вот у меня стоит, и поэтому я хочу взять с собой эту женщину в Ташкент». Отказать Антониони и Гуэрре Ермаш не решился, и мне разрешили поехать с Тонино. После этой поездки Антониони и Тонино решили уже всерьез пригласить меня в Италию. Они пошли к послам, в ЦК и везде объясняли, что мой приезд в Италию просто насущно необходим маэстро. И им поверили. Причем решение о моем отъезде из страны принималось на уровне ЦК.

В аэропорту меня провожало сорок человек. То была наша общая победа. Я прилетела в Рим в дубленке, ушанке, а там — плюс 16. Тонино повел меня в магазины, и мы выбрали мне какой-то гардероб. Причем выбором вещей руководил Тонино: «Тебе не нужны элегантные вещи, ты вся ошибочна, и тебе нужно подчеркивать свои ошибки!» Он мне купил потрясающее пальто, его сразу же прожгли сигаретой, и я все время от смущения зажимала эту дырку рукой.

На шестой день в Италии он повел меня знакомить с Феллини и Мазиной. «Только не скрывай от Федерико, что я тебе нравлюсь», — попросил Тонино. Он меня повел в ресторан «Чезарини», где Феллини обычно обедал. Я ужасно трусила, но Федерико, увидев меня, развел руками и закричал Тонино: «Где ты взял этого сибирского котичу?» Меня сразу отпустило, но все равно все происходящее казалось мне фильмом, и я даже щипала себя за руку: наяву ли со мной все это происходит?

Рим. На съемках «Время путешествия» А. Тарновского и Т. Гуэрры

Вот сидит Феллини — кумир и Бог миллионов людей на планете, остроумный красавец — и протягивает мне корзинку с хлебом. Рядом Джульетта Мазина — хрупкая, элегантная, живая, очень много курит, но из глаз — какой-то безумный блеск и шарм. Улыбается, периодически вынимает зеркальце и подводит свои бровки. Они оба показались мне гипнотизерами. Наверное, я ничего не ела, потому что в конце обеда Мазина собрала весь десерт в салфетку и отдала мне с собой.

И вот Феллини везет нас домой. Спрашивает у Тонино: «А Лора умеет готовить?» Тонино представления не имеет о том, умею ли я готовить, но уверенно отвечает: «Конечно, она прекрасно готовит». — «Вот и чудно, — говорит Феллини. — Завтра обедаем у меня. Лора приготовит обед». Я пытаюсь спастись и что-то лепечу о том, что в Риме нет сметаны. Но оказывается, что Джульетта знает польский магазин, где можно купить сметану. Поэтому решено, что я завтра делаю борщ и жаркое. Ночью я плохо спала. А наутро мы едем к Феллини. Изумительный старинный лифт поднимает нас на последний этаж: с одной стороны лестничной клетки — апартаменты Мазина, с другой — студия и апартаменты Феллини. Общая столовая, куда меня и приводят. Дают в помощь двух женщин. Я начинаю готовить, раздавая той и другой разные указания типа порезать морковку, почистить картошку. Периодически входит Федерико, одобряюще похлопывает меня по попе. Наконец все готово, и ЭТО вносят в столовую. Мазина подносит ложку ко рту, делает так глазами в стороны — раз, раз — и говорит: «А в Польше я ела другой». И откладывает ложку. Так что славу русской кухне я в тот вечер не принесла. А спас меня Тонино, который сказал что-то насчет того, что русскую кухню надо есть в России: там климат другой, поэтому там это вкусно.

А потом с Антониони и Энрикой мы поехали путешествовать по Италии. Флоренция, Милан, Лигурия, Портофино, Венеция... Они рассказывали про Микеланджело, Брунеллески, мы ходили в разные магазины, обедали в самых изысканных ресторанах. Лучшие дизайнеры мира показывали мне свои наряды: Армани, Криция, Миссони — все это были их друзья. В Венеции мы пришли в ресторан, где любил бывать Эрнест Хемингуэй. Меня спрашивают: «Что вы будете?» А я из всей иностранной еды знаю только луковый суп... А тут еще в зал вошла Маргарет Хемингуэй со снежинками на волосах. Это было последнее, что я помню, потому что упала в обморок. Просто от избытка эмоций.

Сразу по приезде в Москву меня вызвал Ермаш и очень грубо со мной поговорил. «Запомни, Яблочкина, — сказал он. — Здесь все потеряешь и там ничего не найдешь. А теперь иди работай». Я пошла и работала, и все во мне пело. А к лету раздался телефонный звонок. Голос Тонино: «Ты оформила документы?» Я, честно говоря, даже не поняла, что он имеет в виду. И тут он как рассердился: «Я сделал официальный развод, я отдал половину своего имущества, а ты даже справку о рождении не взяла! А как же мы теперь поженимся?!» И тут до меня дошло, что он мне делает предложение о замужестве.

Мы уже много часов говорим с Лорой. Она рассказывает, что ей удалось за эти два года после смерти Тонино, и, мне кажется, она дает своеобразный отчет себе самой, подводит важные для себя итоги. Вот она провела фестиваль «Очарованные Тонино». Все лучшие мультипликаторы приехали и проводили мастер-классы в университетах Урбино и Турина, говорили о Тонино. Он очень любил мультипликацию, и Лора решила сделать фестиваль — провела его в прошлом году и проведет в этом. Еще Лора создает фонд Тонино Гуэрры в Москве и планирует его новые выставки. Мечтает учредить премию «Амаркорд» и проводить ее поочередно в Москве и Венеции. Она много-много всего делает. Но самое главное — она продолжает любить.

— Свадьбу назначили на 13 сентября. Начались хлопоты и неприятности. Тонино не давали визу в Советский Союз, отговариваясь тем, например, что нет номеров в гостинице, потом тем, что неправильно написано имя, и так далее. На работе ко мне все стали ласковы и ждали приезда жениха. Жених приехал, но не один, а со свидетелями. С его стороны свидетелем был Антониони, с моей — Тарковский. Всю свадьбу Антониони и Энрика прохохотали, потому что весь советский сценарий регистрации казался им ужасно смешным. И женщина с лентой через плечо в Грибоедовском, и пластиковая указка в ее руках, и бюст Ленина, и подчеркнутая строгость присутствующих в ЗАГСе официальных лиц. Все это было для них, как кино. А я запомнила на всю жизнь слова Тонино. За обедом с друзьями он сказал: «Вот мы поженились с Лорой. И теперь вместе будем слушать шум дождя». Я уехала в страну, которую я уже обожала. И единственное, чего боялась, — не справиться со своим новым положением. Но началось волшебство. Мы жили в центре Рима, у нас в квартире была огромная терраса, метров 80, с которой были видны крыши Рима. После 11 часов вечера, когда спадала жара, к нам приходили гости, и мы пили вино. Необыкновенной мне казалась дружба Тонино и Феллини. На протяжении всей нашей жизни каждое утро мы с Тонино просыпались от звонка Феллини.

Таламелло. Праздник пещерного сыра. 1990

Они разговаривали часами.

Еще у Феллини была удивительная особенность — садиться в ресторане на место, которое ему казалось особым. Только мы сядем и сделаем заказ, вот уже несут спагетти, как Федерико говорит: «Нет, Тонино, прости, мне это место не нравится, давай пересядем». И они опять идут за другой стол, где, как кажется Феллини, лучше вид. Тонино ужасно злился и кричал, что он пришел не пересаживаться с места на место, а есть спагетти, но Феллини был неумолим.

Каждый день Тонино вставал рано и в 8.30 садился писать.

Очень часто приходил Феллини, и они работали вместе.

Тонино терпеть не мог получать премии. Вообще к кино он относился просто, как к работе, своим главным делом считал литературу, поэзию. «Все это для шутов», — говорил он про премии. Например, четыре раза он не поехал получать «Оскара», но всегда гордился тем, что Пазолини включил его в свою антологию ста великих поэтов современности.

Смешно Тонино получал высшую награду Италии — большую звезду «За заслуги». Ему позвонил префект Равенны и сказал, что жена президента Италии Карло Чампи приглашает его на обед.

Тонино пришел ко мне удивленный: «Лора, представляешь, жена президента зачем-то хочет со мной пообедать!» Мы приехали в Равенну. Тонино пошел в мэрию, а я со своей подругой — смотреть мозаики. Через какое-то время подходим к мэрии и видим, что выходит Тонино с алмазной звездой на груди. Оказывается, он бродил по мэрии, заглядывал в разные помещения и искал жену президента. Зашел в одну дверь и наткнулся на президента. «Здравствуйте, — говорит, — я ищу вашу жену». А президент отвечает: «А я вас жду, мы будем вместе обедать». Тут вдруг заиграли фанфары, внесли флаги, прибежали какие-то люди. И выносят звезду. Вот так примерно Тонино получал награды.

Самым большим испытанием за нашу семейную жизнь стала болезнь Тонино. Операцию ему сделали в Москве — удалили опухоль мозга (слава богу, это был не рак). После операции он не захотел больше жить в Риме, на пике своей славы уехал в глубь Италии, сначала в Сант-Арканджело, потом в Пеннабилли, где я живу до сих пор и где похоронен Тонино.

Дом Тонино и Лоры в Пеннабилли заслуживает отдельного рассказа. То было не помпезное жилище, которое вполне мог позволить себе Тонино Гуэрра, являясь долгие годы самым высокооплачиваемым европейским сценаристом, а именно уютный и теплый дом — с садом забытых фруктов, чудесными деревянными скамей-

ками, удобными комнатами. До сих пор здесь живут восемнадцать котов и кошек, которые когда-то приبلудились, размножились, а выгнать — жалко...

Похожая атмосфера и в московской квартире. Здесь, правда, нет котов, но на письменном столе — невероятное количество штукек, штуковин и других предметов, авторы некоторых — великие художники. Мебель сделана по рисункам Тонино, а кое-что — его собственными руками, на стенах — фотографии близких и любимых людей. Места, где обитали Лора и Тонино, всегда были предназначены для нормальной, человеческой жизни, а не для жизни напоказ.

— Болезнь Феллини обрушилась на нас неожиданно. У него нашли брюшную аневризму. Незадолго до смерти Феллини сказал своему другу Энцо Биаджи: «Как хотелось бы влюбиться еще хотя бы раз!» Но Феллини умер вскоре после того, как вышел из клиники. Через пять месяцев не стало и Мазины.

На отпевании Феллини в Риме мы не были, потому что сразу поехали в Римини, где Федерико должны были хоронить. Толпа была огромная. Тонино несколько часов стоял у гроба и на все предложения отойти попить кофе отвечал: «Нет, я его одного не оставляю». И впервые Тонино позавидовал фразе, сказанной другим. Роберто Беннини прокричал: «Невозможно поверить, что Феллини умер. Это все равно что исчезло бы оливковое масло на земле».

Лора никогда не была суеверной. И тем не менее она считает, что ее нынешняя связь с Тонино, которого уже нет на земле, имеет абсолютно реальные подтверждения.

— На девятый день я листала две книжки Тонино, 1946 и 1948 годов выпуска, которые мне принес гробовщик, — он мне их подарил, потому что они стоят очень дорого. И я наобум открываю первую страничку и читаю: «Одна старушка, идущая по старому городу там наверху между домов, у нее нет дома своего, но сегодня она счастлива, потому что в складках ее юбки — ключ от дома в раю, который ей сбросил латунный ангел с колокольни на площади». А на картинке — ключ, нарисованный Тонино. Разве это не знак? Или вот еще: когда я в первый год в Рождество иду одна — ты знаешь, как в праздники тяжело быть одной, — с книжкой ложусь и чувствую: что-то запуталось в волосах. Я страхиваю волосы рукой, а оттуда вылетает бабочка. Это опять подарок Тонино. Я чувствую его защиту, участие и любовь.

Наш сад — миндальный, Тонино говорил, что мы живем внутри букета. Через два дня после его смерти, когда было совсем невыносимо, я выбежала из дома и закричала: «Тонино, дай мне знак, отзовись, пожалуйста». За мной выскочила Николетта, моя

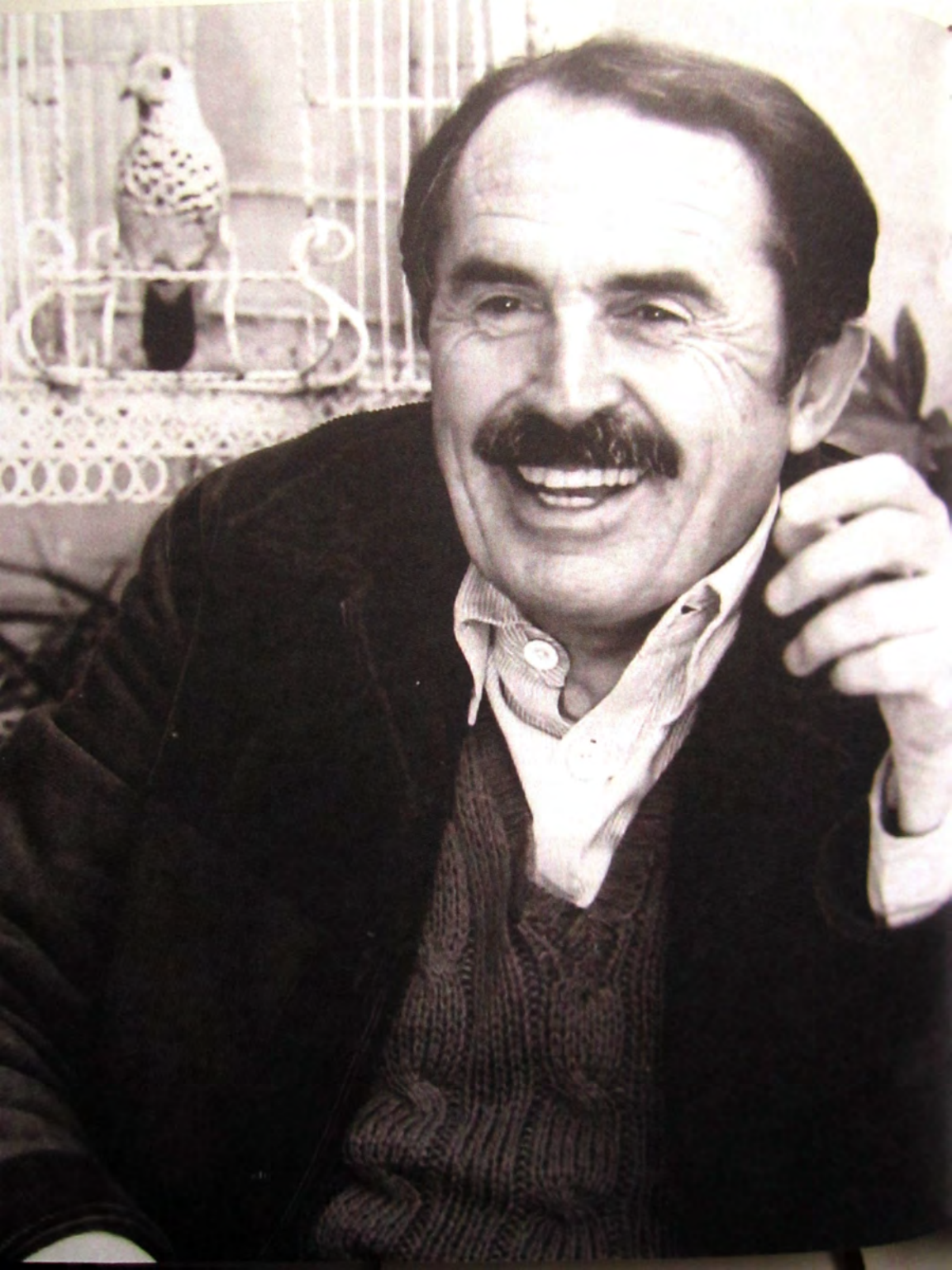
Собака по имени Баба

помощница, обняла за плечи: «Лора, не плачь!» И вдруг на наших глазах внизу, где течет река Марекнья, стала рождаться радуга. Яркий солнечный день, ни дождинки — откуда радуга? А она пересекает реку и останавливается на том берегу. Мы с Nicolette замерли. Я простояла так час и двадцать минут. Та радуга была самая долгая в моей жизни.

Когда есть любовь, есть эта связь. Уход Тонино — это страшная пустота вокруг, но его присутствие, энергия, которая постоянно заряжает, проявляются и сейчас, но по-другому. Пустота заполняется новыми, дотоле не испытанными чувствами. Я себе сказала: «Горе больше тебя, Лора, но если ты любишь Тонино, ты должна выжить». Конечно, моя жизнь сегодня очень изменилась. Я всегда была королевой, потому что жить с поэтом — уже избранность. Куда бы мы ни приезжали, всегда была масса привилегий: роскошные гостиницы в Венеции, например, были бесплатными, если я задолжала в овощной лавке — это прощалось.

Сейчас ничего не осталось... Исчезли какие-то люди, для которых был важен престиж от общения с Тонино. Все выходит наружу. Один простой человек в Италии, который много лет каждый день утром приносил Тонино две буханки горячего хлеба, эти два года мне их тоже приносит. Или вот пришел электрик и сказал: «Мне приснился Тонино и велел, чтобы я у вас работал бесплатно». Вот эти люди остались. Остались близкие друзья: они звонят, помогают в работе фонда, потому что знают, с каким трудом я нахожу деньги на наш фонд, выставки, создание музея. Тем не менее мы никакие не вдовы, мы остаемся женами гениальных людей. Для меня Наталья Солженицына — жена, так же, как и другие. До последних своих дней я буду женой Тонино. И никогда — вдовой.

Записала Лариса Максимова

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Тонино Гуэрра написал сценарии
более чем к ста фильмам, среди них:

1956 — Люди и волки / <i>Uomini e lupi</i>	1968 — Любовники / <i>Amanti</i>
1958 — Дорога длиною в год /
La strada lunga un anno	1968 — Удар солнца / <i>Colpo di sole</i>
1958 — Ужасный Теодоро /
Il terribile Teodoro	1969 — Приглашённая / <i>L'invitata</i>
1959 — Кусочек неба / <i>Un ettaro di cielo</i>	1969 — В поисках Грегори /
In Search of Gregory
1960 — Банда кокоток /
Anonima cocottes	1970 — Люди против /
Uomini contro
1960 — Приключение / <i>L'Avventura</i>	1970 — Подглядывающий /
Giochi particolari
1961 — Ночь / <i>La Notte</i>	1970 — Забриски-пойнт /
Zabriskie Point
1961 — Убийца / <i>L'assassino</i>	1970 — Подсолнухи
1962 — Затмение / <i>L'eclisse</i>	1971 — Три из тысячи / <i>Tre nel mille</i>
1963 — Подвиги Геракла: Медуза
Горгона / <i>Perseo l'invincibile</i>	1971 — Суперсвидетель /
La supertestimone
1963 — Скука / <i>La noia</i>	1972 — Дело Маттеи / <i>Il caso Mattei</i>
1964 — Чудаки / <i>I maniaci</i>	1972 — Порядок есть порядок /
Gli ordini sono ordini
1964 — Антисекс / <i>Controsesso</i>	1972 — Открытие самого большого
подводного туннеля /
Descubrimiento del mayor túnel
submarino
1964 — Женщина — это нечто
прекрасное / <i>La donna è una
cosa meravigliosa</i>	1972 — Белый, красный и... /
Bianco rosso e...
1964 — Обнажённые часы / <i>Le ore nude</i>	1973 — Амаркорд / <i>Amarcord</i>
1964 — Красная пустыня /
Il Deserto Rosso	1973 — Дон Лучано / <i>Lucky Luciano</i>
1964 — Брак по-итальянски /
Matrimonio all'italiana	1973 — Тело для Франкенштейна /
Flesh for Frankenstein
1964 — Давид и Саул / <i>Saul e David</i>	1974 — Разговаривайте с цветами /
Dites-le avec des fleurs
(Diselo con flores)
1965 — Десятая жертва /
La decima vittima	1975 — Сиятельные трупы /
Cadaveri eccellenti
1965 — Казанова 70 / <i>Casanova '70</i>	1976 — Сорок градусов
под простыней /
40 gradi all'ombra del lenzuolo
1965 — Великие командующие /
I grandi condottieri	1978 — Дорогой Микеле / <i>Caro Michele</i>
1966 — Ишия, операция любви /
Ischia operazione amore	1978 — Бабочка на плече /
Un papillon sur l'épaule
1966 — Феи / <i>Le Fate</i>	1978 — Христос остановился в Эболи /
Cristo si è fermato a Eboli
1966 — Фотоувеличение / <i>Blow-up</i>	1979 — Дикие постели / <i>Letti selvaggi</i>
1967 — Жила-была / <i>C'era una volta...</i>	1981 — Три брата / <i>Tre fratelli</i>
1967 — Привидения по-итальянски /
Questi fantasmi	
1967 — Дикий глаз / <i>L'occhio selvaggio</i>	
1967 — Неистовый / <i>Lo scatenato</i>	
1968 — Тихое местечко за городом /
Un tranquillo posto di campagna	
1968 — Да, синьор / <i>Sissignore</i>	

- 1981 — Тайна Обервальда /
Il mistero di Oberwald
- 1982 — Идентификация женщины /
Identificazione di una donna
- 1982 — Время путешествия /
Tempo di viaggio
- 1982 — Ночь святого Лоренцо /
La notte di San Lorenzo
- 1983 — И корабль плывёт... /
E la nave va
- 1983 — Ностальгия / Nostalghia
- 1984 — Хаос / Kaos
- 1984 — Путешествие на Китепу /
Taxidi sta Kythira
- 1984 — Кармен / Carmen
- 1984 — Генрих IV / Enrico IV
- 1984 — Андрей Тарковский /
Andrei Tarkovsky
- 1985 — Джинджер и Фред /
Ginger E Fred
- 1986 — Пчеловод / O melissokomos
- 1986 — Профессия сценариста /
Il mestiere dello sceneggiatore
- 1987 — Хроника объявленной смерти /
Cronaca di una morte annunciata
- 1987 — Доброе утро, Вавилон /
Good Morning, Babylon
- 1988 — Пейзаж в тумане /
Topio stin omichli
- 1988 — Шелест воробьиных крыльев /
Il frullo del passero
- 1989 — Забыть Палермо /
Dimenticare Palermo
- 1989 — Бурро / Burro
- 1990 — И свет во тьме светит /
Il sole anche di notte
- 1990 — У них всё в порядке /
Stanno tutti bene
- 1990 — Странствие любви /
Viaggio d'amore
- 1990 — Странная болезнь /
Il male oscuro
- 1991 — Прерванный шаг аиста /
To meteoro vima tou pelargou
- 1991 — Особенно по воскресеньям /
La domenica specialmente
- 1993 — Голем: окаменевший сад
- 1995 — Взгляд Улисса /
To vlemma tou Odyssea
- 1995 — Лев с седой бородой
- 1995 — За облаками /
Al di là delle nuvole
- 1997 — Перемирие / La tregua
- 1997 — Белый праздник
- 1997 — Долгое путешествие
- 1997 — Тайна Марчелло
- 1998 — Путешествие к дому (ТВ) /
Viaggio verso casa
- 1998 — Вечность и один день /
Μια αιωνιότητα και μια μέρα
- 2001 — Маймыл / Maimil
- 2001 — Часы без стрелок
- 2003 — Собака, генерал и птицы /
Le chien, le général et les oiseaux
- 2004 — Трилогия: Плачущий луг /
Trilogia: To livadi pou dakryzei
- 2004 — Эрос/Eros
- 2005 — Баба Азиз/Bab'Aziz
- 2006 — Длинный год /
Um Ano Mais Longo
- 2007 — Джоконда на асфальте
- 2007 — Пыль времени
- 2009 — Все путем/Everybody's Fine

296

297

... писать сценарии, стихи, поэмы, играть в футбол, делать мебель, керамику, писать картины маслом, на тканях, любить животных, любить друзей и женщин, дышать воздухом, превращать фонарь в скульптуру, слушать ветер и дождь, ссориться с соседом Сигизмондо Малатаста (умершим за 500 лет до его рождения), смеяться...

Городскую свалку уничтожил и вместо нее воздвиг «Сад забытых фруктов». Гуэрра возродил выращивание забытых (с римских времен) фруктов, в том числе особых сортов винограда. Сегодня проходят ежегодные фестивали «забытых фруктов».

Я уже не говорю о его собственном саде «цветущего миндаля и инжира»! В «Саду забытых фруктов» он отреставрировал античные римские прачечные, где стирали когда-то белье, и там, на памятных досках, — строчки его стихов «времен года».

В «Саду» фонтаны и два памятника гениям культуры XX века — Андрею Тарковскому и Федерико Феллини. «Сад» живет, как и город, ежегодными ярмарками, выставками работ молодых местных художников в специально возведенном доме.

Фонтаны Тонино, рожденные его фантазией, украшают города Риччоне («Лес воды»), Червия («Ковер-самолет»), Сант-Агата («Ползущая улитка») и его родину — Сантарканджело. Фонтаны полны фантазии.

Паола Волкова

«Фонд Тонино Гуэрры» в Пеннабилли

«Голос камышей». Республика Сан Марино
«Лес воды». Риччоне

«Улитка». Сантарканджело

«Поле воды». Сантарканджело

«Летающий ковер на воде». Червия

«Каменные цветы». Настельфидардо

СОДЕРЖАНИЕ

9 «КРАСОТА — ЭТО УЖЕ МОЛИТВА»

10 ТЕАТР ТОНИНО ГУЭРРЫ

17 ПОЮЩИЙ САД

рассказы и последний киносценарий

19 «РАЗОЧАРОВАНИЕ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

67 ЗАПРЕТНЫЙ ТАНЕЦ

81 «ГДЕ ВРЕМЯ, ДНИ ЗА ДНЯМИ...»

поэзия

83 ОДИССЕЯ ТОНИНО

83 ОДИССЕЯ ТОНИНО. Часть первая

131 ЛИСТ И МОЛНИЯ. Часть вторая

151 ПАРАДИЗ

151 ПАРАДИЗ ЕЛИСЕЯ

165 МЕД

189 ПРОФИЛЬ КНЯЗЯ

209 КАМАСУТРА ИЗ ПЕННАБИЛЛИ

225 «ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ...»

дневники и письма

245 РИСУНКИ ДРУЗЕЙ

261 ПИСЬМА АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

267 ПИСЬМА ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ

273 ПРИЛОЖЕНИЕ

275 ПРАВИЛА ЖИЗНИ ТОНИНО ГУЭРРЫ

279 ЛОРА ГУЭРРА: «МОЯ ЖИЗНЬ С ТОНИНО — ЭТО СКАЗКА»

295 ФИЛЬМОГРАФИЯ

297 ТОНИНО УМЕЛ ВСЕ...

Тонино Гуэрра
Уйти, как прийти

Ответственный редактор — А.Г. Николаевская
Выпускающий редактор — Ю.С. Симонова
Координатор проекта — М.В. Сорокина
Художественный редактор — Д.В. Мордвинцев
Дизайн — М.Н. Родин
Обработка иллюстраций — А.Г. Агеева
Корректор — Д.В. Савиных, Л.И. Гордеева

Подписано в печать 05.04.2015
Формат 70×100/16
Тираж 2000 экз.
Заказ № 588
Отпечатано в типографии «Альфа-Дизайн»
125008 Москва, ул. Михалковская, 7
e-mail: info@alfa-design.ru
www.alfa-design.ru

ООО «Бослен»
105082, Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
тел. (495) 971-89-09 e-mail: info@boslen.ru
Информация в Интернете: www.boslen.ru

По вопросам приобретения, распространения,
сотрудничества обращайтесь по телефонам:
(495) 971-89-09, (495) 902-00-69
e-mail: ivstepanova@boslen.ru

TONI NOGU ERRA

9 785911 872373

«Я не устану повторять и повторять — Тонино жив,
как жива в этом мире сказка, мечта, любовь.
Он продолжает меня радовать: рано расцветающим
миндалем, рассыпанным ковром фиалок по тропинке,
когда я поднимаюсь к скале Поэта, ведет за руку
увидеть закат, улыбнуться другу и одарить нежностью
входящих в дом».

Лора Гуэрра